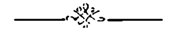
Проф. А. Эспинасъ.

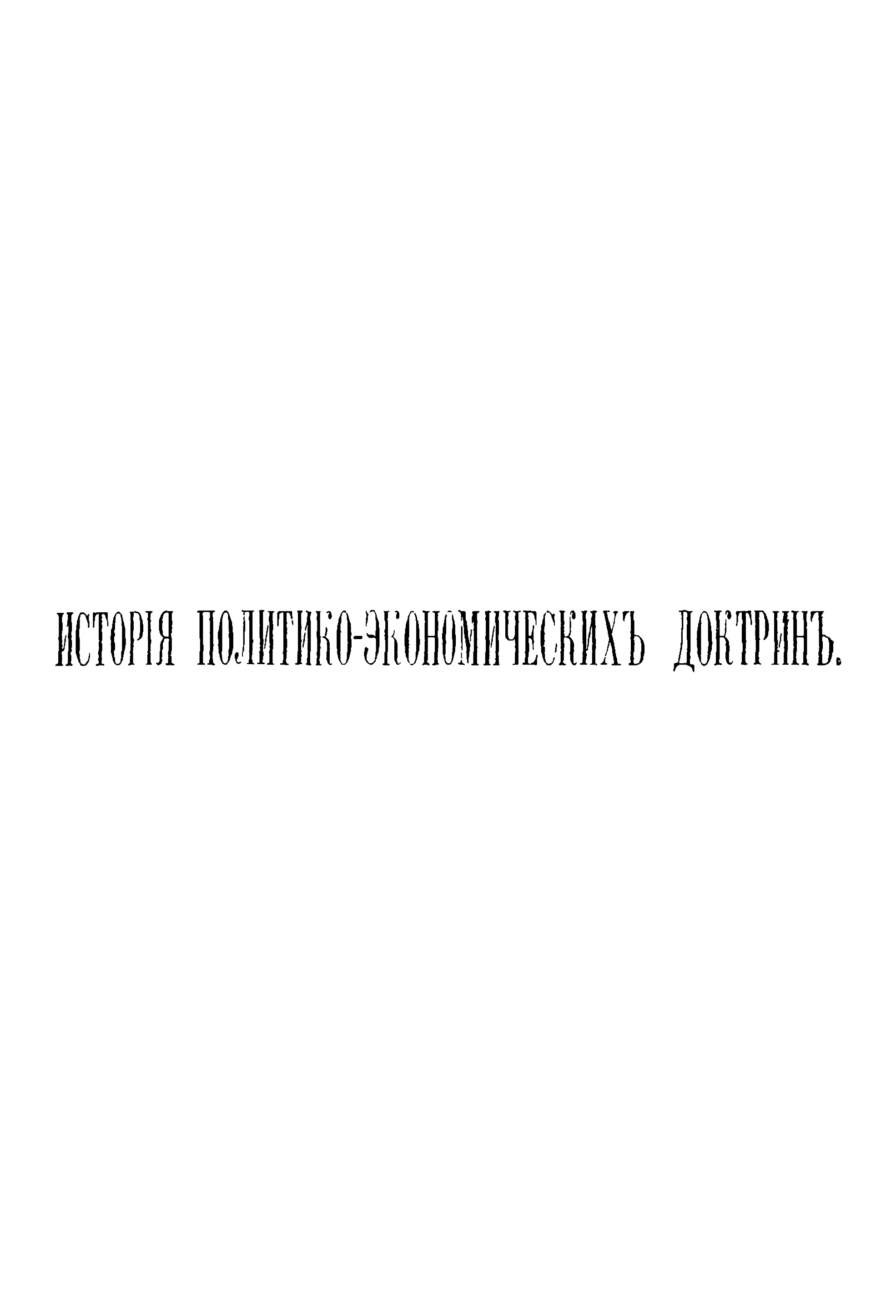
ИСТОРІЯ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ДОКТРИНЪ.

(Переводъ съ французскаго).

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Складъ у Ѳ. А. Семенова. Симеоновская ул., д. № 9.
1905.

ИСТОРІЯ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ДОКТРИНЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Тѣсная связь между политическою экономіею и правомъ существовала всегда: она сама собою указывается постояннымъ взаимодѣйствіемъ экономическихъ отношеній и правовыхъ институтовъ. Но въ настоящее время широкаго развитія экономической жизни эта связь сдѣлалась еще замѣтнѣе и вызвала въ наукѣ новое направленіе, объединяющее эти двѣ отрасли знанія и принимающее ихъ за вѣтви одной общей имъ науки соціологіи.

Включая политическую экономію въ соціологію, соціологическое направленіе объясняетъ экономическія явленія совокупностью разнообразныхъ причинъ—историческихъ, политическихъ правовыхъ,—и эти послѣднія въ свою очередь подчиняетъ вліянію экономическихъ факторовъ, служащихъ матеріальнымъ основаніемъ совершающихся видоизмѣненій въ формахъ политической и правовой жизни. Въ послѣднее время въ самой соціологіи опредѣлилось еще новое направленіе (распространенное главнымъ образомъ среди германскихъ ученыхъ), которое стремится возможно болѣе расширить сферу вліянія экономическаго элемента путемъ обобщенія экономическихъ феноменовъ въ соціологическіе. Считая главной пружиной прогресса экономическій факторъ, это направленіе признаетъ, что причины, по которымъ совершается самое видоизмѣненіе формъ общежитія человѣчества, должны быть матеріальныя, именно

экономическія. Отсюда, согласно этому ученію — и всякая юридическая норма имѣетъ или должна имѣть экономическое обоснованіе, какъ матеріальный ея субстратъ.

Но не касаясь теоретическаго разрѣшенія вопроса о взаимоотношеніи между экономіею и правомъ, а исходя лишь изъ практической точки зрѣнія, не трудно замѣтить, что въ очень многихъ явленіяхъ жизни оба элемента — правовой и экономическій — сопутствуютъ и дополняютъ другъ друга. Даже юристу-практику приходится нерѣдко имѣть дѣло не только съ явленіями правовой жизни, но и экономической. Современное развитіе гражданскаго оборота выдвигаетъ массу сдѣлокъ, юридическая природа которыхъ можетъ быть выяснена лишь на почвѣ фактовъ и отношеній экономической жизни, и съ другой стороны — многія явленія крайне усложнившейся въ наше время экономической жизни требуютъ юридическаго анализа, для того, чтобы они могли быть выяснены и подведены подъ ту или другую форму экономическихъ отношеній.

Не говоримъ уже о цѣлой области финансоваго права, гдѣ экономическій элементъ выступаетъ настолько ярко, что многіе считаютъ необходимымъ включить этотъ отдѣлъ права всецѣло въ науку политической экономіи.

Въ виду изложеннаго, мы считали вполнѣ не лишнимъ расширить программу «Юридической Библіотеки», включивъ въ число ея выпусковъ также выпуски по политической экономіи.

Предлагаемая книга проф. Эспинаса представляетъ собою популярный очеркъ исторіи экономическихъ ученій. Авторъ, не вдаваясь въ подробности, интересныя лишь для спеціалистовъ, и не задаваясь задачей дать догматическое изложеніе экономическихъ понятій, имѣетъ цѣлью прослѣдить въ краткихъ чертахъ постепенное развитіе экономической мысли, начиная съ той эпохи, когда подъ экономіею разумѣлось простое домоводство, и доходя до современныхъ ученій. При этомъ развитіе экономическихъ идей онъ всегда сопоставляетъ съ идеями поли-

тическими и общефилософскими для данной эпохи, благодаря чему исторія экономическихъ доктринъ, въ ихъ эволюціонномъ развитіи, проходитъ предъ читателемъ не изолированно, а въ связи съ всею совокупностью факторовъ прогресса и въ ихъ взаимодѣйствіи. Въ этомъ заключается главное достоинство книги Эспинаса.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ДОКТРИНЫ У ДРЕВНИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Противоположеніе утилитарнаго и этическаго взглядовъ на богатство.

I.

Сократъ и Ксенофонтъ.

Ученіе о богатствѣ впервые возникаетъ не у тѣхъ народовъ, которые первые достигли значительнаго развитія своихъ богатствъ. Великія имперіи древняго міра: Египетская, Ассирійская, Вавилонская, Персидская—были театромъ широко развитыхъ торговыхъ сношеній; доходы ихъ достигали значительныхъ размѣровъ, а употребленіе ихъ для удовлетворенія государственныхъ нуждъ носило въ себѣ зачатки правильности и разсчета. Тѣмъ не менѣе не у этихъ народовъ появились зародыши экономическихъ теорій; послѣдніе мы находимъ впервые у грековъ около V вѣка до Р. Х.—въ ту эпоху, когда греческія колоніи распространились по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря и греческая нація достигла высшей ступени развитія своей торговли, индустріи, знаній; тогда же появляется между прочими философскими ученіями и теорія полезныхъ искусствъ, каковы: земледѣліе, медицина, военное искусство, равно какъ и искус-

ство управленія своимъ домомъ. Замѣтимъ при этомъ, что подъ терминомъ «*искусство*» древніе понимали всякое прикладное знаніе.

До насъ дошли первыми по времени мнѣнія Сократа по этому предмету, и то не въ видѣ оригинальныхъ его мыслей, а въ изложеніи Ксенофонта, который, конечно, въ извѣстной степени придалъ имъ характеръ собственныхъ воззрѣній.

Сократъ, повидимому, разсматривалъ вопросъ съ двухъ точекъ зрѣнія и притомъ довольно различныхъ:

Съ одной стороны, въ разсужденіяхъ о богатствѣ онъ прибѣгаетъ къ своему обычному методу точныхъ опредѣленій, дѣлая потомъ выводы, основанные и вытекающіе изъ этихъ опредѣленій; выводы эти онъ облекаетъ въ форму практическихъ совѣтовъ, имѣющихъ цѣлью увеличеніе богатства. Съ другой стороны, цѣнности, составляющія матеріальное богатство частное или общественное, онъ сопоставляетъ съ цѣнностями высшаго порядка, къ которымъ онъ относитъ разныя душевныя способности; и стоя на этой точкѣ зрѣнія, онъ низводитъ ученіе о богатствѣ также, какъ и самое богатство, на степень маловажнаго и недостойнаго человѣческаго ума занятія, несовмѣстимаго съ доблестной и нравственной чистотой.

Первая точка зрѣнія. Наука, или вѣрнѣе искусство экономіи, со словъ Ксенофонта, приписываемыхъ имъ Сократу, состоитъ въ искусствѣ управлять или своимъ домомъ, или домомъ другого, или какимъ нибудь имуществомъ,—вообще въ искусствѣ управлять полезными матеріальными благами (Χρήματα). Искусство это почерпается изъ общенія съ практическими, свѣдущими людьми, занимающимися какимъ-нибудь трудомъ, ведущими предпріятія не безъ выгоды, умѣющими извлекать доходы, благодаря практической сообразительности и последовательности: есть напр. люди, умѣющіе дешево построить удоб-

ное жилище, обезпечить побѣду безъ значительныхъ издержекъ доставить пропитаніе народу и арміи, не расходуя значительныхъ суммъ на доставку извнѣ провіанта, между тѣмъ какъ другіе въ подобныхъ обстоятельствахъ съ гораздо большими издержками и усиліями, за отсутствіемъ практической сноровки и предусмотрительности, достигли бы противоположныхъ результатовъ. Искусства промышленныя и механическія, каковы, напр. всѣ ремесла, должно предоставить рабамъ, такъ какъ искусства эти обезображиваютъ тѣло человѣка, принижаютъ его умъ и благородныя чувства, препятствуютъ исполненію его гражданскихъ обязанностей и, наконецъ, дѣлаютъ его неспособнымъ къ войнѣ. Лишь два искусства достойны свободнаго человѣка: земледѣліе и военное искусство, которыя при этомъ находятся между собой въ тѣсной связи, ибо только земледѣлецъ можетъ быть хорошимъ солдатомъ. «Земледѣліе есть мать всѣхъ искусствъ: гдѣ оно процвѣтаетъ, тамъ процвѣтаютъ и всѣ прочія искусства, гдѣ же земля остается невоздѣланной, тамъ искусства приходятъ въ упадокъ». «Для человѣка не можетъ быть болѣе благородной профессіи, болѣе возвышеннаго знанія, чѣмъ искусство воздѣлывать землю, обезпечивающее людямъ все необходимое для существованія. Занятіе земледѣліемъ пріятно по своему существу и не трудно для усвоенія; тѣлу оно придаетъ внѣшнюю красоту и бодрость, въ духовномъ отношеніи предоставляетъ возможность посвящать свободное время ближнимъ и дѣламъ общественнымъ; притомъ оно развиваетъ въ людяхъ неустрашимость; обществу оно доставляетъ лучшихъ и самыхъ надежныхъ гражданъ; вотъ почему земледѣліе всюду во всѣхъ государствахъ считается самой уважаемой профессіей».

Такимъ образомъ, Ксенофонтъ, какъ видимъ, всюду смѣшиваетъ утилитарныя соображенія съ моральными: тоже онъ

дѣлаетъ и въ остальныхъ частяхъ своего трактата «*Объ экономіи*», гдѣ онъ даетъ совѣты не только, какъ обогатиться, занимаясь земледѣліемъ, но и какимъ образомъ можно провести добродѣтельную и благочестивую жизнь, предаваясь искусству земледѣлія. «Впрочемъ, богатство, продолжаетъ Ксенофонтъ, оказывается благомъ лишь для того, кто умѣетъ имъ пользоваться; оно гибельно для того, кто дѣлаетъ изъ него дурное употребленіе, и исчезаетъ въ неопытныхъ рукахъ: экономная и хозяйственная жена—необходимая подруга земледѣльца, желающаго увеличить свои пріобрѣтенія. Но временами года и производительностью земли располагаютъ боги, и тотъ, кто не чтитъ ихъ, неизбѣжно долженъ разориться».

Такимъ образомъ, экономія и мораль, по воззрѣніямъ Сократа и Ксенофонта, сводились въ одно и составляло одно общее ученіе; мы сейчасъ увидимъ, какъ произошло ихъ обособленіе.

Наука, или точнѣе искусство экономіи, понимаемое какъ умѣніе управлять богатствомъ, имуществомъ или вообще полезными вещами, въ равной степени приложимо къ интересамъ частнымъ, какъ и государственнымъ. «Интересы частные отличаются отъ государственныхъ лишь въ количественномъ отношеніи, будучи сходными съ ними во всѣхъ остальныхъ чертахъ. Самымъ существеннымъ для обоихъ случаевъ является то, что умѣніе вести какъ частные, такъ и государственные интересы сводится къ умѣнію пользоваться людьми и кто не обладаетъ этой способностью, тотъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ будетъ дѣлать одни промахи». Управлять десятью тысячами домовъ по существу одно и тоже, что управлять однимъ домомъ. Обобщеніе, прибавимъ отъ себя, слишкомъ крайнее, смѣшивающее экономію политическую съ экономіей индивидуальныхъ интересовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можно

найти у Сократа намеки на современную статистику: такъ при практическомъ разрѣшеніи экономическихъ проблемъ, напр., въ вопросахъ прокормленія государства, проведенія рудныхъ минъ. Сократъ рекомендуетъ прибѣгать къ методу вычисленія. Не забудемъ одной особенности, имѣющей немаловажное значеніе: хотя Сократъ всюду стремится всякое практическое знаніе привести къ формѣ истиннаго познанія, тѣмъ не менѣе свои экономическія воззрѣнія онъ всюду называетъ не наукой, а искусствомъ, т. е. совокупностью способностей, пріобрѣтаемыхъ только практикой веденія финансовыхъ операцій; этотъ взглядъ онъ съ особенной ясностью высказываетъ относительно искусства земледѣлія, входящаго какъ составная часть въ искусство экономіи вообще.

Вторая точка зрѣнія. Всѣ экономическія операціи, по Сократу, проистекаютъ въ концѣ концовъ изъ нравственныхъ свойствъ человѣка: для пріобрѣтенія богатства необходимы энергія, настойчивость, благочестіе; для сохраненія его необходима воздержанность. Добродѣтель состоитъ не только въ умѣніи пользоваться богатствомъ, но также въ умѣніи обходиться совсѣмъ безъ него.

Богатство — вещь относительная; оно зависитъ отъ потребностей человѣка. Кто доволенъ немногимъ — тотъ богатъ. Тѣло, это жилище человѣческихъ потребностей — элементъ измѣнчивый и преходящій; «только душа заключаетъ въ себѣ человѣческую личность, или человѣкъ — ничто». Цѣлью жизни должно быть стремленіе освободиться отъ этой матеріальной оболочки или, по крайней мѣрѣ, ограничить просторъ ея требованій, — желаній, которыя она предъявляетъ. У бога нѣтъ потребностей и душа, какъ божественная сущность, свободна отъ нихъ. Чѣмъ въ большей степени ограничиваемъ мы свои потребности, тѣмъ болѣе приближаемся къ чистому божеству,

къ недостижимому идеалу—быть свободнымъ совершенно отъ потребностей. Матеріальныя блага, какъ средства удовлетворенія этихъ потребностей, являются, такимъ образомъ, препятствіемъ къ правильному совершенствованію, какъ отдѣльнаго индивидуума, такъ и государства. Съ этой точки зрѣнія Сократъ осуждаетъ все искусство экономіи, какъ несогласное со стремленіемъ къ добродѣтели, относясь терпимо и даже одобрительно только къ одному ремеслу — земледѣлію, гдѣ по его мнѣнію, добродѣтель встрѣчаетъ меньшее число соблазновъ. Мы еще не разъ встрѣтимся въ дальнѣйшемъ изложеніи съ подобными аскетическими доктринами, составляющими въ сущности отрицаніе всякой экономической науки. Исходя изъ этой же точки зрѣнія, порицаетъ Сократъ и софистовъ—учителей философіи, которые первые стали давать *платные* уроки философіи,—порицаетъ именно за то, что они брали за свое ученіе плату, такъ какъ въ его глазахъ обученіе имѣетъ своей единственной цѣлью сдѣлать *добродѣтельнымъ* обучаемаго; оно должно сводиться къ духовному общенію и составлять своего рода апостольскую миссію. Такимъ образомъ по Сократу, подъ экономическую категорію вовсе не подводится то, что въ наше время иногда называется интеллектуальнымъ капиталомъ.

II.

Платонъ.

Подобно Сократу, и Платонъ, его ученикъ, придаетъ не маловажное значеніе экономическимъ феноменамъ въ соціальной жизни, но также какъ и Сократъ не можетъ себѣ представить политическую экономію отдѣльно отъ морали, а такъ какъ его

мораль носитъ аскетическій характеръ, то онъ тоже смотритъ на богатство съ отрицательной стороны.

Въ своей прекрасной книгѣ: «О государствѣ» (или «республикѣ»), Платонъ указываетъ, что происхожденіе общества коренится въ существованіи у людей потребностей и необходимости обмѣна. Но предоставимъ Платону самому высказаться и приведемъ діалогъ, въ которомъ онъ влагаетъ свои мысли въ уста Сократа и одного изъ его близкихъ учениковъ.—Адиманта:

Сократъ: «Что порождаетъ общество? Не сознаніе ли невозможности обойтись безъ другихъ и не нужда-ли которую испытываетъ человѣкъ въ разныхъ предметахъ? Быть можетъ есть какая-либо другая причина возникновенія общества?»

Адимантъ: «Другой нѣтъ».

С. «Потребность въ одномъ заставляетъ человѣка войти въ сношеніе съ другимъ человѣкомъ, потребность съ другомъ— съ третьимъ; однимъ словомъ, разнообразіе потребностей собираетъ людей въ общество съ цѣлью взаимопомощи, и мы называемъ это общество государствомъ. Не такъ-ли»?

А. «Да».

С. «Но не потому-ли я отчуждаю вещь, имѣющуюся у меня, на ту, которой у меня нѣтъ, что вижу въ этомъ выгоду»?

А. «Безъ сомнѣнія потому».

С. «И такъ, попытаемся мысленно построить общество. Потребности наши дадутъ для этого основаніе. Первой и самой существенной потребностью является потребность въ пищѣ, отъ чего зависитъ индивидуальное наше существованіе; не такъ-ли?

А. «Конечно».

С. «Во вторыхъ, потребность въ жилищѣ, далѣе — въ платьѣ».

А. «Совершенно вѣрно».

С. «Какимъ-же путемъ государство (общество) можетъ удовлетворить всѣ эти потребности? Не вытекаетъ-ли отсюда необходимость, чтобы одинъ былъ земледѣльцемъ, а другой архитекторомъ, третій ткачемъ? Прибавимъ сюда еще башмачника, или другого какого-нибудь ремесленника».

А. «Сдѣлаемъ такъ».

С. «Такимъ образомъ наше государство составилось изъ четырехъ или пяти человѣкъ»?

А. «Очевидно, такъ».

Далѣе Платонъ очень вѣрно формулируетъ законъ раздѣленія труда, какъ основаніе экономической солидарности людей.

С. «Итакъ, пусть каждый исполняетъ то дѣло, къ которому онъ болѣе способенъ; или, быть можетъ, лучше, не затрудняя другихъ, онъ всѣ работы пусть исполняетъ самъ, употребляя четвертую часть своего времени на добываніе пищи, остальныя три четверти на постройку жилища, на шитье платья, сапоговъ и т. д.?»

А. «Я думаю, Сократъ, что первое болѣе выгодно».

С. «И я тоже склоненъ такъ думать, ибо въ то время, какъ ты высказывалъ свою мысль, мнѣ пришло въ голову то соображеніе, что мы не рождаемся всѣ съ одинаковыми талантами и что одинъ чувствуетъ больше влеченія къ этому, другой къ тому. Какъ ты думаешь?»

А. «Я съ тобой согласенъ».

С. «Итакъ, когда было-бы лучше: если-бы каждый занимался однимъ ремесломъ, или если-бы каждый исполнялъ всѣ ремесла?»

А. «Первое лучше».

С. «Мнѣ кажется очевиднымъ, что всякое дѣло проигры-

вает, не будучи исполненнымъ въ надлежащее для него время?»

А. «Это очевидно и мнѣ».

С. «Ибо не дѣло приспособляется къ человѣку, но человѣкъ долженъ приспособляться къ дѣлу».

А. «Конечно».

С. «Отсюда слѣдуетъ, что можно сдѣлать больше вещей, легче и лучшаго качества, если каждая вещь исполняется человѣкомъ въ этомъ опытнымъ, въ должное количество времени и съ должнымъ стараніемъ».

Другими словами: 1) работа совершеннѣе, когда соотвѣтствуетъ наклонностямъ исполнителя (рабочаго); 2) работа становится лучшаго качества, производительнѣе и легче, если рабочій занятъ только ею одной; 3) меньше теряется времени, когда работа исполняется безъ перерывовъ, что неизбѣжно, если-бы рабочій переходилъ отъ одной работы къ другой. Такимъ образомъ современные экономисты, если не заимствовали у Платона законъ раздѣленія труда, то во всякомъ случаѣ открыли его послѣ Платона.

Почти тотчасъ послѣ приведенныхъ разсужденій Платонъ вводитъ соображенія этическаго характера, которыя заставляютъ его не допускать въ его идеальномъ государствѣ дальнѣйшаго развитія экономическихъ явленій.

Необходимо для благоденствія государства, чтобы въ немъ царила справедливость. Справедливость—это отраженіе божества: божество—начало элементарное и неизмѣнное; и потому государство для сохраненія справедливости должно состоять изъ возможно небольшаго числа элементовъ, которые, тѣсно соединенные, будутъ всегда находиться въ одинаковыхъ отношеніяхъ. Для поддержанія въ государствѣ справедливости, а слѣдовательно (по Платону), и благоденствія, Платонъ охотно

готовъ отказать людямъ въ удовлетвореніи нѣкоторыхъ физическихъ потребностей. Онъ полагаетъ, что государство можетъ развиваться, не обезображивая себя допущеніемъ плотниковъ, кузнецовъ, пастуховъ, даже торговцевъ. Пока люди пользуются животными для добыванія молока, кожи, шерсти, для ношенія тяжестей, все идетъ благополучно; но порча и разложеніе государства начинается съ того момента, когда начинаютъ употреблять мясо и когда появляются ремесла и искусства, удовлетворяющія требованіямъ роскоши. «Не довольствуются уже предметами, служащими для удовлетворенія элементарныхъ потребностей: жилищемъ, платьемъ, обувью; появляется живопись и всѣ остальныя искусства — дѣти роскоши. Здоровое, хотя и небольшое государство, о которомъ мы говорили, стало теперь тѣснымъ; потребовалось введеніе въ него охотниковъ, поэтовъ, актеровъ, танцовщиковъ, кормилицъ, трактирщиковъ, поваровъ и даже свинопасовъ». Теперь уже тѣло, погруженное въ излишества, не можетъ сохраниться въ здоровомъ состояніи одной гимнастикой; нужны врачи. Территоріи государства не хватаетъ для прокормленія увеличившихся стадъ—захватываютъ сосѣднюю, чужую территорію, является война со своими спутниками—жестокостями и страданіями. Столкновенія разныхъ интересовъ умножаются—возникаетъ потребность въ судебныхъ учрежденіяхъ. Болѣзни, грабежи, войны, уголовныя кары — все это предшественники болѣе глубокихъ золъ, возникшихъ на почвѣ получившихъ свободу необузданныхъ страстей; государство, первоначально единое и устойчивое, становится жертвой раздоровъ и революцій. Гибель неизбѣжна. Чтобы замедлить ее, по крайней мѣрѣ, Платонъ предлагаетъ нѣсколько средствъ, направленныхъ къ обузданію экономическаго развитія государства. Верховная власть въ государствѣ должна находиться въ рукахъ мудрецовъ, посвя-

щенныхъ въ теологію, которые наблюдаютъ за поддержаніемъ въ государствѣ добродѣтели и караютъ порокъ, заботятся о господствѣ духа надъ тѣломъ и регулируютъ всѣ столкновенія частныхъ интересовъ. Государство становится главнымъ руководителемъ производства предметовъ потребленія и ихъ распредѣленія. Частная собственность уничтожается. Наслѣдованія—нѣтъ: если случится кому достичь богатства, по его смерти наслѣдникомъ его становится государство. Совѣтъ мудрецовъ распредѣляетъ между категоріей лицъ, признанныхъ совѣтомъ играть роль низшаго класса, участки земли, которые запрещено отчуждать въ свою собственность. Государство выбираетъ своей территоріей мѣсто, далекое отъ моря, въ горной странѣ, лишь бы было нѣсколько долинъ, годныхъ подъ культуру. Вывозъ произведеній земли запрещенъ; они раздѣляются государствомъ между гражданами; запрещенъ ввозъ извнѣ, за исключеніемъ оружія; запрещены благородные металлы, монета, какъ орудія международныхъ сношеній. Внутреннюю торговлю, завѣдываніе гостинницами, Платонъ желалъ-бы поручить добродѣтельнымъ гражданамъ, не имѣющимъ имущества, которые исполняли-бы свои обязанности для блага человѣчества и государства. Они были-бы такимъ образомъ въ сущности чиновниками государства, равно какъ и земледѣльцы, воины и жрецы. Но Платонъ не рѣшился сдѣлать такое нововведеніе въ своемъ государствѣ и возложилъ торговлю на тотъ классъ, испорченность котораго была-бы менѣе опасна для государства—на натурализовавшихся иностранцевъ. Чтобы, однако, нѣсколько ограничить незаконную прибыль и деморализацію, неизбѣжныя въ торговлѣ, Платонъ опредѣляетъ каждому предмету максимумъ и минимумъ стоимости. Гражданамъ подъ угрозой строгой кары запрещенъ всякій ручной трудъ: этого требуетъ раздѣленіе труда и обя-

занностей, которыя для граждан состоятъ въ практикѣ добродѣтели, отъ чего ничто не должно ихъ отвлекать. Рабы и чужеземцы-наемники, на которыхъ возложенъ въ государствѣ весь ручной трудъ, могутъ каждый исполнять не болѣе одного ремесла: кузнецъ не имѣетъ права производить предметы изъ дерева, и обратно. Такимъ образомъ государство возлагаетъ на каждаго опредѣленную обязанность и слѣдитъ за ея исполненіемъ, давая за это пожизненное содержаніе. Воины живутъ коммуной въ назначенныхъ для нихъ казармахъ, мудрецы при храмахъ. Такимъ образомъ, государство Платона, со своими 12 секціями, съ храмами и военными квартирами въ центрѣ каждой секціи скорѣе походитъ на какой нибудь феодальный монастырь, чѣмъ на гражданское общество.

Рядомъ такихъ мѣръ Платонъ думаетъ положить предѣлъ возрастанію богатства, обезпечивая въ тоже время удовлетвореніе наиболѣе необходимыхъ потребностей. Этими мѣрами положена сдерживающая узда на могущественную страсть къ пріобрѣтенію, страсть не имѣющую никакихъ предѣловъ, постоянно грозящую благоденствію государства. «Золото и добродѣтель—*подобны чашкамъ вѣсовъ, изъ которыхъ одна не можетъ* опуститься безъ того, чтобы другая не поднялась».

Такимъ образомъ, у Платона мы уже далеки отъ той доктрины, которая видѣла въ потребностяхъ цементъ, сплочивающій общество. Послѣднее слово своего ученія Платонъ высказываетъ, называя самыя существенныя функціи человѣческаго организма—питаніе и воспроизведеніе—болѣзнями. Любовь къ пріобрѣтенію и личному благоденствію,—эти главныя пружины экономическаго развитія,—по мнѣнію Платона, ничто иное, какъ корень всѣхъ несправедливостей и пороковъ. Государство, въ которомъ преобладаетъ приморское населеніе, торговое и промышленное, особенно если оно богато, если

его склады и арсеналы полны, если доходы его казначейства обширны —такое государство, въ глазахъ Платона, аналогично человѣку, страдающему полнокровіемъ. Онъ мечтаетъ о государствѣ духовномъ, свободномъ отъ заботы физической жизни, сплоченномъ внутреннимъ единеніемъ для созерцанія вѣчной и простой истины, неизмѣнномъ, счастливомъ, какъ божество. Его идеалъ—созерцательная жизнь—тотъ же, что у Пифагорійцевъ и средневѣковыхъ мечтателей. «Въ сущности,—говоритъ Платонъ,— дѣла людей не заслуживаютъ того, чтобы сколько нибудь изъ за нихъ безпокоиться; но однако это неизбѣжно и въ этомъ сознаніи неизбѣжности заботъ о земномъ заключается самое тяжелое и печальное на землѣ!»

Но относясь такъ отрицательно къ экономическимъ явленіямъ, Платонъ болѣе другихъ мыслителей древности содѣйствовалъ развитію ученія объ этихъ явленіяхъ. Связь его съ позднѣйшими соціалистическими доктринами очевидна. Какъ идеалистъ, онъ поставилъ экономическіе феномены въ зависимость отъ политическихъ и нравственныхъ факторовъ, подчинивъ первые послѣднимъ; онъ считалъ ихъ продуктомъ свободной дѣятельности человѣческаго духа, въ противоположность современной матеріалистической школѣ, видящей въ экономическихъ феноменахъ основу, субстратъ, на которомъ дѣйствуютъ политическіе, правовые и нравственные феномены, какъ форма проявленія экономической сущности.

Укажемъ еще на попытку Платона классифицировать разныя ремесленныя занятія людей, попытку довольно любопытную и обнаруживающую значительную долю проницательности и анализа, при томъ первую по времени. Онъ дѣлитъ на слѣдующія семь категорій все то, что является предметомъ пріобрѣтенія.

1) Предметы, составляющіе матеріалъ для разнаго рода пластическихъ искусствъ: золото, серебро и др. металлы;

матеріалы изъ дерева, кожевенные. льняные. бумажные и т. п., словомъ матеріалы, дающіе намъ предметы. отличные отъ первоначальныхъ сырыхъ продуктовъ. Они составляютъ первую ступень пріобрѣтенія.

2) Орудія и инструменты, сдѣланные изъ тѣхъ же матеріаловъ.

3) Предметы. служащіе для сохраненія продуктовъ ремеселъ: вазы корзины, сундуки и т. д.

4) Предметы, составляющіе наше жилище, движимые и недвижимые, также разныя орудія для передвиженія по землѣ и водѣ. изготовляемыя плотникомъ, гончаромъ или кузнецомъ.

5) Одежда всякаго рода, оружіе, стѣны. укрѣпленія.—однимъ словомъ все то, что служитъ для нашего прикрытія и защиты. Главные ремесленики, производящіе эти предметы,—ткачъ и архитекторъ.

6) Все. служащее для развлеченія и увеселенія человѣка—орудія искусствъ и музыки.

7) Наконецъ пища и все то. что, соединяясь съ нашимъ тѣломъ, имѣетъ силу становиться частью нашего тѣла и поддерживать его существованіе. Земледѣліе, охота, рыболовство, гимнастика. медицина и поварское искусство—вотъ тѣ дѣятельности, которыя создаютъ предметы послѣдней категоріи.

Таковы въ существенныхъ чертахъ основы экономическихъ воззрѣній Платона. Если не упоминать Аристотеля. то почти до новѣйшихъ временъ не будетъ прибавлено ничего существеннаго къ тому, что сдѣлано этимъ идеалистомъ въ экономической области. И это тѣмъ болѣе странно. что вся его философія проникнута отрицательнымъ отношеніемъ не только къ самымъ экономическимъ явленіямъ. но даже къ тѣмъ инстинктамъ человѣка. которые даютъ начало и импульсъ къ существованію этихъ явленій.

III.

Аристотель.

Въ области политической экономіи Аристотелемъ сдѣлано не меньше, чѣмъ Платономъ. Основателемъ этой науки, мы уже знаемъ, онъ не былъ, но она у него гораздо болѣе освободилась отъ разныхъ посторонних примѣсей и стала настоящимъ искусствомъ, какъ его понимали древніе. Но оставаясь ученикомъ Платона далеко въ большей степени чѣмъ это обыкновенно принято считать, Аристотель въ своихъ экономическихъ воззрѣніяхъ не совсѣмъ еще освободился отъ противорѣчій между экономіей и этикой,—противорѣчій, въ которыя былъ совершенно погруженъ Платонъ.

Раньше появленія государства,—говоритъ Аристотель,—существовала семья и родъ. Раньше чѣмъ быть гражданиномъ, человѣкъ прежде всего живое существо и, какъ таковое, онъ составляетъ часть семьи, какъ органъ составляетъ часть тѣла. Потребность явилась силой, сплотившей это первое соціальное тѣло.

Вначалѣ ребенокъ получаетъ пищу отъ груди матери, въ дальнѣйшемъ его развитіи туже роль играетъ по отношенію къ нему вся семья, и потому *экономія* прежде всего есть искусство управлять домомъ, семьей, и составляетъ часть политики, какъ домъ составляетъ часть государства.

Изученіе тѣхъ матеріальныхъ благъ, которыя служатъ для поддержанія семьи—Χρήματα — богатство, составляютъ пред-

метъ особаго искусства—*хрематистики*, которое, очевидно составляетъ существенную часть экономіи; она только посредственно приходитъ въ связь съ политикой. Только въ семьѣ и для семьи пріобрѣтаются и употребляются богатства. Итакъ, экономія почти не выходитъ изъ предѣловъ индивидуальной семьи. Этотъ выводъ Аристотеля является очень характернымъ въ его ученіи.

Въ тоже время онъ пытается поколебать коммунистическую сторону экономической доктрины своего учителя. Онъ признаетъ, что идея индивидуальной, частной собственности коренится въ очень глубокихъ инстинктахъ человѣческой природы, что она тѣмъ болѣе законна, тѣмъ болѣе благодѣтельна, что составляетъ существенный импульсъ къ дѣятельности. Желая избѣжать соціализма, къ которому неизбѣжно приводитъ логическое развитіе экономической доктрины Платона, Аристотель старается поколебать основные принципы обмѣна, считаетъ ненормальными существующія его формы, какъ ведущія къ соціализаціи богатства.

Первой функціей хрематистики является пріобрѣтеніе благъ (пищи и орудій труда). Самымъ первымъ пріобрѣтеніемъ является *пища*. Всѣ рождающіяся животныя получаютъ свою пищу въ той или другой формѣ отъ матери, въ томъ числѣ и человѣкъ. По отношенію къ взрослымъ животнымъ роль матери играетъ земля, которая доставляетъ имъ, равно какъ и человѣку, все необходимое для существованія. Передвигающіеся съ мѣста на мѣсто номады кормятся отъ своихъ стадъ, осѣдлые жители существуютъ отъ произведеній земледѣлія; другіе занимаются рыболовствомъ, охотой; есть такія группы людей, которыя добываютъ необходимое для своего существованія войной и грабежемъ, подобно хищнымъ животнымъ. Всѣ слѣдуютъ указаніямъ природы, которая питаетъ ихъ своими про-

изведеніями, подобно матери питающей своимъ молокомъ ребенка.

Но человѣкъ не довольствуется непосредственными плодами земли: онъ стремится къ большему и потому для него необходимы *орудія* для достиженія этого. Самыя совершенныя орудія конечно тѣ, которыя сами собой или по слову владѣльца исполняютъ предназначенную для нихъ работу. Быкъ, этотъ слуга бѣдняка, и рабъ — вотъ главныя орудія. Это какъ бы лишніе органы тѣла своего владѣльца, такъ какъ они составляютъ его собственность. Аристотель нисколько не колеблется признать естественнымъ такое порабощеніе человѣка человѣкомъ (какъ мы теперь считаемъ вполнѣ естественнымъ порабощеніе животнаго человѣкомъ). Но онъ оправдываетъ это явленіе лишь для того случая, когда рабъ, лишенный человѣческаго образа по своей природѣ и унаслѣдованному рабству, подчиняется человѣку, духовно выше его стоящему. Въ такихъ обстоятельствахъ рабство является для раба даже благомъ, такъ какъ даетъ ему возможность подходящаго для него существованія. Въ томъ же случаѣ, когда рабство постигаетъ человѣка просвѣщеннаго, нѣкогда свободнаго и благороднаго, жертву неблагопріятной войны, философъ готовъ признать жестокій и несправедливый характеръ института рабства. Въ обоихъ случаяхъ рабу должно давать пищу, которая есть вознагражденіе за его трудъ, а если подвергать его наказаніямъ за ошибки, то вмѣстѣ съ тѣмъ должно предоставить ему возможность и стать свободнымъ, въ видѣ высшей для него награды.

Вторую категорію предметовъ, изучаемыхъ хрематистикой, составляютъ тѣ произведенія земли, которыя, не составляя нашу пищу, имѣютъ тѣмъ не менѣе для насъ полезность: таковы: продукты лѣса, рудниковъ и т. п. Эта категорія по-

лезностей (χρήματα) очень многочисленна. составляя переходъ отъ плодовъ земли къ плодамъ рукъ человѣческихъ. Третью категорію полезностей составляютъ предметы. подлежащіе обмѣну. входящіе въ круговоротъ торговли. Здѣсь различаютъ три способа пріобрѣтенія: 1) торговлю. которая включаетъ въ себя передвиженіе предметовъ по морю, по сушѣ и выставленіе ихъ для продажи; 2) плату за трудъ. которая дается или ремесленникамъ за ихъ мастерство. или. въ случаѣ неспособности человѣка ни къ какому искусству. просто за его физическую силу, необходимую въ разныхъ ремеслахъ (напр. рабы); 3) послѣдній способъ пріобрѣтенія въ сферѣ торговли — ссуда за проценты.

Всякій предметъ можетъ служить или для собственнаго потребленія или для обмѣна на другой. Обмѣнъ вытекаетъ изъ природы вещей, будучи неизбѣжнымъ между разными семьями. такъ какъ одна производитъ въ большей степени одинъ предметъ. другая — другой; обмѣнъ такимъ образомъ облегчаетъ удовлетвореніе потребностей. Здѣсь кончается положительная хрематистика, естественная и необходимая. Но когда люди, игнорируя требованія нравственности, стремятся къ пріобрѣтенію богатствъ исключительно для самихъ себя, далеко превышающихъ ихъ потребности. тогда они преступаютъ законы природы. Монетой полагается начало другой формѣ хрематистики — отрицательной, несогласной ни съ законами этики. ни съ требованіями природы.

Между разными предметами. вступающими въ обмѣнъ, необходимо должна быть нѣкоторая общая мѣра. Предметъ, которому приходится въ торговыхъ сношеніяхъ играть роль общей мѣры. долженъ обладать нѣкоторыми особыми свойствами: 1) онъ долженъ имѣть постоянную, при разныхъ обстоятельствахъ, въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время, цѣнность:

2) долженъ быть не громоздкимъ, удобнымъ для храненія и передвиженія; 3) долженъ обладать способностью сохраняться въ неизмѣнномъ состояніи неопредѣленное время въ ожиданіи удобнаго случая для обмѣна. Всѣмъ этимъ требованіямъ удовлетворяютъ благородные металлы, которые потому и стали общей мѣрой цѣнности—монетой. Условились при обмѣнѣ давать и принимать особые предметы, которые, не будучи непосредственнымъ предметомъ потребленія, тѣмъ не менѣе способны быть таковыми и имѣютъ опредѣленную цѣну, какъ напр. желѣзо, золото или другіе подобные предметы, качество и количество которыхъ не трудно провѣрить; изъ нихъ для избѣжанія постояннаго взвѣшиванія, стали чеканить монету, съ обозначеніемъ количества и качества заключеннаго въ ней матеріала. «Монета стала мѣрой, которая, установляя между разными предметами мѣновое отношеніе, сдѣлала ихъ эквивалентными другъ другу; ибо нѣтъ общества безъ обмѣна, нѣтъ обмѣна безъ эквивалентовъ, нѣтъ эквивалентовъ безъ общей мѣры» *).

*) Аристотелю, какъ и вообще всѣмъ философамъ торговой греческой націи, очевидно совершенно не были извѣстны такія коммунистическія общины, гдѣ существовало глубокое раздѣленіе труда и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно отсутствовалъ обмѣнъ, а слѣдовательно и вытекающая изъ обмѣна торговля и монета. Такія коммунистическія общины существовали и до нынѣ еще существуютъ у разныхъ первобытныхъ народовъ, живущихъ родовымъ устройствомъ, которое прошли въ ту или другую эпоху всѣ культурныя націи. Греки еще на зарѣ своей исторіи почти покончили съ родовымъ бытомъ, перейдя въ слѣдующую высшую форму общежитія—форму индивидуальной семьи. Вотъ почему Аристотель и др. греческіе философы такъ увѣренно утверждаютъ: «внѣ обмѣна нѣтъ общества». По той же причинѣ они такъ отрицательно относятся и къ нѣкоторымъ родамъ человѣческой дѣятельности, напр. ремесленному труду, ошибочно приписывая производимымъ предметамъ и создающимъ ихъ дѣятельностямъ тѣ отрицательныя свойства, которыя въ сущности лежатъ въ формахъ

Все это пока происходитъ благополучно, но вотъ и послѣдствія развившихся мѣновыхъ отношеній. Благодаря монетѣ. обмѣнъ достигаетъ неслыханныхъ до тѣхъ поръ размѣровъ. Онъ вызываетъ новую профессію. занятую покупками большими партіями и продажей въ розницу, съ цѣлью наживанія прибыли, пользуясь для этого не столько трудомъ, сколько изворотливостью и др. темными средствами. Сами деньги становятся предметомъ торговли. Появляются ростовщики, накопляющіе громадныя богатства, отдавая деньги въ ростъ, заставляя такимъ образомъ мертвый металлъ уподобляться землѣ и живымъ существамъ. Такимъ образомъ возникаетъ новая хрематистика. отличная отъ изложенной выше, не сообразная ни съ законами этики, ни природы, ибо она основывается на противоестественномъ. незаконномъ пріобрѣтеніи.

Купецъ. закупающій массами и продающій по мелочи. не создаетъ никакого новаго богатства, никакой цѣнности; онъ не производитъ ничего. не увеличиваетъ общеи суммы богатства—такъ думаетъ Аристотель. расходясь совершенно въ этомъ отношеніи съ современными представителями буржуазнои политической экономіи; металлъ. заключенный въ монетѣ. эквивалентенъ опредѣленному количеству предметовъ потребленія. имѣетъ ограниченную цѣнность; тотъ же. кто ссужаетъ эту монету за процентъ, пользуется взамѣнъ ея неограниченнымъ количествомъ матеріальныхъ благъ.

общежитія, построеннаго на принципѣ обмѣна; не вещи, конечно. виноваты въ томъ, что въ однѣхъ рукахъ онѣ накопляются въ большомъ количествѣ, совершенно отсутствуя у другихъ, а установившіяся между людьми отношенія. Установленіе эквивалентнаго и пропорціональнаго отношенія между предметами совершается съ трудомъ. не сразу и съ большими колебаніями, достигая только по мѣрѣ учащенія обмѣна достаточной точности; наконецъ дѣло усложняется еще и отъ того. что сама монета не имѣетъ одинаковой цѣнности. *Прим. перев.*

Сама монета есть нѣчто искусственное, такъ какъ она, будучи результатомъ соглашенія людей, съ измѣненіемъ этого соглашенія, теряетъ свою силу. Она не отвѣчаетъ никакой человѣческой потребности, а между тѣмъ стремится стать въ рядъ живыхъ существъ, безконечно воспроизводящихъ себѣ подобныхъ. Такъ рѣзко осуждаетъ Аристотель появленіе денегъ среди людей какъ источникъ противоестественной, ложной хрематистики. Признавая за деньгами, какъ мѣновымъ эквивалентомъ, полезную общественную функцію, приписывая деньгамъ даже повидимому значительное участіе въ установленіи справедливости въ обществѣ,—такъ какъ лишь съ появленіемъ денегъ явилась возможность сколько нибудь справедливаго, эквивалентнаго обмѣна, —онъ не можетъ согласиться, чтобъ деньги сами по себѣ, внѣ сферы обмѣна, получали эквивалентное вознагражденіе въ видѣ же денегъ, обладая способностью обращаться въ производство, создавать новую цѣнность, создавать капиталъ.

Подобно своимъ предшественникамъ, Аристотель осуждаетъ всѣ роды труда, въ томъ числѣ и всякую ремесленную дѣятельность. Исключеніе онъ дѣлаетъ только для земледѣлія. «Не слѣдуетъ обучаться разнымъ полезнымъ искусствамъ, такъ какъ они недостойны этого; юношей должно обучать лишь тому искусству, которое не имѣютъ ничего общаго съ жизнью жалкаго ремесленника.' Такимъ недостойнымъ изученія слѣдуетъ считать всякій родъ труда, всякое искусство, которое дѣлаетъ тѣло, душу и умъ людей неспособными къ добродѣтели и ея проявленію. Поэтому мы называемъ низкими всѣ тѣ искусства, которыя нарушаютъ наше физическое благоденствіе, и всякій трудъ, оплачиваемый поденной платой такъ какъ онъ не оставляетъ достаточнаго времени и отдыха для духовнаго совершенствованія». Лишь земледѣліе можетъ считаться профессіей здоровой есте-

ственной и совмѣстимой съ добродѣтелью, составляя дѣятельность, которою создается соотвѣтствующее потребностямъ количество предметовъ, и которая дѣлаетъ того, кто занимается ею, хорошимъ солдатомъ и совершеннымъ гражданиномъ. Съ той же точки зрѣнія еще болѣе отрицательно относится Аристотель къ торговой и промышленной дѣятельности. Они противны природѣ человѣка и добродѣтели; они несовмѣстимы съ нравственной чистотой и гражданскими обязанностями человѣка. Эти послѣднія Аристотель понимаетъ въ томъ смыслѣ, что гражданину прилично быть занятымъ одними высшими нравственными интересами государства, проводить время въ судейскомъ трибуналѣ и въ народныхъ собраніяхъ. Аристотель не достаточно мотивируетъ свое отрицательное отношеніе къ ремесленной и торговой дѣятельности; но при болѣе глубокомъ его изученіи мотивы эти станутъ очевидными: они коренятся, съ одной стороны, въ его аристократическихъ предубѣжденіяхъ, отъ которыхъ не могла излечиться аѳинская демократія; съ другой стороны—въ общемъ его философскомъ міровоззрѣніи, въ его пониманіи добродѣтели и высшаго идеала человѣческой жизни.

Съ его точки зрѣнія, истинной задачей человѣка должна быть не физическая жизнь, не накопленіе богатствъ, ни даже осуществленіе справедливости въ общественныхъ отношеніяхъ, но размышленіе и созерцаніе истины, стремленіе къ абсолютному совершенству.

Человѣку отъ природы свойственны функціи высшаго порядка; мышленіе, способность создавать себѣ идеалъ—самыя благородныя изъ этихъ функцій. Добродѣтель и счастье покоятся именно на выполненіи этихъ высшихъ отправленій, сближающихъ человѣка съ божествомъ. Все то, что ограничиваетъ, принижаетъ эти отправленія, все то ведетъ къ паде-

нію, къ несчастію. Съ этой точки зрѣнія (до которой доходитъ Аристотель не безъ нѣкотораго колебанія) ни постоянный трудъ земледѣльца, ни заботы дѣловаго коммерческаго человѣка, ни даже благородныя занятія гражданина и государственнаго человѣка не имѣютъ никакой цѣны. Мудрецу, который постояннымъ духовнымъ общеніемъ съ божествомъ съумѣлъ отрѣшиться отъ всего земнаго, смертнаго, не нужно ни власти, ни богатства: онъ счастливъ въ самомъ себѣ и его счастье не можетъ сравниться съ обыкновеннымъ человѣческимъ счастіемъ.

Аристотель, какъ и Платонъ, придерживается очевидно метафизической теоріи добродѣтели и счастія, чѣмъ и объясняется ихъ боязнь неограниченнаго расширенія богатствъ, торговли и индустріи; ибо связанныя со всѣмъ этимъ занятія и дѣятельности несовмѣстимы съ созерцательною жизнью. Но въ практическомъ примѣненіи своей теоріи Аристотель совершенно расходится съ Платономъ; сознавая безсиліе отдѣльной личности бороться съ растущими экономическими явленіями, онъ не создаетъ себѣ идеала коммунистическаго государства, уравнивающаго все и всѣхъ, распредѣляющаго трудъ и богатства и насаждающаго справедливость и добродѣтель. Въ отличіе отъ своего учителя-соціалиста онъ индивидуалистъ и въ нравственныхъ силахъ отдѣльной личности видитъ возможность осуществленія своего идеала. Онъ не требуетъ отъ государства разныхъ запретительныхъ законовъ, онъ взываетъ къ отдѣльной личности, предоставляя ей самой сознать, въ чемъ заключается истинное счастіе, и осуществить его. Его теорія ведетъ къ полному разрушенію всякаго государства, она — теорія крайняго индивидуализма.

Такое единодушное отрицательное отношеніе къ экономическимъ явленіямъ не составляло, конечно, достоянія однихъ

философовъ; оно, очевидно, лишь отраженіе господствовавшихъ тогда идей. Греческія государства и преимущественно Аѳины, хотя и достигли къ тому времени высшаго экономическаго и политическаго процвѣтанія, но въ сущности, носили въ себѣ всѣ элементы разложенія. Нравственная распущенность, господство грубыхъ эгоистическихъ интересовъ, пренебреженіе къ интересамъ общественнымъ, государственнымъ—не могли остаться незамѣченными для немногихъ болѣе благородныхъ натуръ и были причиной создавшагося у нихъ безотраднаго, пессимистическаго міровоззрѣнія. Взоры ихъ невольно переносились на другое греческое государство сохранившее повидимому, еще чистоту нравовъ —Лакедемонъ, государство исключительно земледѣльческое, съ твердой внутренней властью вмѣшивавшейся даже въ сферу частной жизни гражданина, усвоившее нѣкоторые коммунистическіе принципы. Оракулы, которые не оставались безъ вліянія на общественное мнѣніе, очень благосклонно относились къ формамъ государственной жизни Спарты. Это съ одной стороны, создавало вь лучшихъ мыслящихъ людяхъ того времени аристократическіе взгляды на трудъ на призваніе человѣка съ другой—недовѣріе къ новымъ формамъ жизни, пробившимся сквозь оболочку первоначальной простоты и воздержанности. Сократъ и его ученики были большими друзьями Спарты и поклонниками ея аристократическихъ учрежденій: Ксенофонтъ и Платонъ сами принадлежали къ древнимъ аристократическимъ родамъ. Пользованіе рабскимъ трудомъ выработало у нихъ презрѣніе вообще ко всякому физическому труду; они презирали аѳинскую демократію, промышленную и торговую, умѣвшую накопить у себя не малыя богатства

Древняя греческая религія окружала ореоломъ простоту и воздержанность нравовъ пріурочивъ эти качества особенно къ

земледѣльческой жизни, и выставивъ въ Спартѣ цѣлый рядъ запретительныхъ законовъ противъ роскоши Новая религія, получившая наиболѣе полное выраженіе въ ученіи Сократа, проповѣдывала полное отдѣленіе между духомъ и тѣломъ, учила, что душа существуетъ до появленія въ міръ человѣка и послѣ его смерти, и потому еще болѣе отрицательно относилась къ потребностямъ тѣлеснымъ, а слѣдовательно ко всякаго рода дѣятельности направленной къ удовлетворенію этихъ потребностей. Эта новая религія, какъ легко замѣтить, во многихъ чертахъ очень сходна съ ученіемъ Христа. Послѣднее кладетъ свою печать на всю дальнѣйшую исторію цивилизованнаго міра вплоть до новой исторіи. Аскетическій идеалъ проходитъ красной нитью сквозь всю исторію среднихъ вѣковъ, придавая этому періоду много въ высшей степени характерныхъ чертъ. Но этотъ аскетическій идеалъ сложился не подъ однимъ вліяніемъ христіанства; философія Сократа, Платона и Аристотеля внесла сюда очень существенную лепту и была въ свое время не меньшимъ авторитетомъ, чѣмъ напр. сочиненія Августина или даже самое Евангеліе. Эти два фактора: христіанство и философія греческихъ мыслителей, сходящіеся въ своихъ конечныхъ выводахъ, положили мощную руку на развитіе экономической доктрины: потребовалось широкое развитіе коммерческихъ сношеній, торговли, производствъ, чтобъ экономическія ученія вновь воспрянули къ жизни что и совершилось въ сравнительно недавнее время. Слѣдующіе же за Аристотелемъ вѣка и даже тысячелѣтія мало чего прибавили къ греческой экономической доктринѣ.

IV.

Эпикурейцы и Стоики.

Послѣ Аристотеля, въ теченіи послѣднихъ вѣковъ до Р. Х., двѣ доктрины имѣли за собой наибольшее число послѣдователей: эпикуреизмъ и стоицизмъ. Не смотря на свою очевидную противоположность другъ другу, между ними есть кое что общее, это, именно, ихъ происхожденіе отъ ученія Сократа: эпикурейцевъ черезъ киринейскую школу, стоиковъ — черезъ школу циниковъ: именно эта связь съ Сократомъ и заслуживаетъ особаго интереса.

Всѣ философы этого времени ищутъ истиннаго счастія или высшаго блага и всѣ соглашаются въ томъ, что его слѣдуетъ искать не въ самихъ внѣшнихъ вещахъ, но въ томъ употребленіи, которое мы дѣлаемъ изъ этихъ вещей; но послѣднее зависитъ отъ нашего взгляда на вещи и потому высшее благо заключается въ состояніи нашего духа. Съ этой точки зрѣнія, богатство и почести разсматриваются или индифферентно или даже противоположно къ достиженію человѣкомъ нравственнаго совершенства; ихъ слѣдуетъ презирать и мудрости свойственно не столько умѣніе ими пользоваться, сколько умѣніе обходиться совершенно безъ нихъ. Отсюда единодушное восхваленіе бѣдности, какъ стоиками, такъ и эпикурейцами. Такимъ образомъ, въ эту эпоху широкаго развитія экономическихъ явленій, захватившихъ въ свои сѣти всѣ слои населенія, подъ вліяніемъ философскихъ сектъ, надъ экономи-

ческой доктриной тяготѣетъ чисто этическій взглядъ, отрицающій ее въ самомъ существенномъ ея содержаніи.

Мораль Эпикура – утилитарная; основнымъ принципомъ и конечной цѣлью она ставитъ наслажденіе; мудрость заключается въ умѣніи найти наслажденіе. Совѣтуя заботиться о пріобрѣтеніи, накопленіи богатства, облегчающаго возможность наслаждаться, эта философія учитъ человѣка находить счастье и во всѣхъ другихъ положеніяхъ, какія постигаютъ человѣка, такъ или иначе сообразуя съ ними состоянія своей души. Но удовлетвореніе плотскихъ потребностей, составляющее источникъ наслажденія, находитъ свой противовѣсъ въ наслажденіяхъ просвѣщеннаго ума, понимающаго, насколько непрочны, кратковременны и сопряжены съ страданіями физическія наслажденія, и ставящаго поэтому свое счастіе внѣ зависимости отъ непостоянныхъ страстей. Мудрецъ можетъ быть счастливъ, имѣя только хлѣбъ и воду; «онъ презираетъ удовольствія, которыя позволяетъ роскошь, не потому, чтобы онъ относился отрицательно къ нимъ самимъ, а изъ за тѣхъ страданій, которыя неизбѣжно связаны съ ними». «Часто пріобрѣтеніе богатства, говоритъ Эпикуръ, есть только другая форма страданій, а не окончаніе ихъ. Вы хотите сдѣлать Питокла богатымъ? Не увеличивайте его достоянія, но лишь уменьшите его страсти». Бѣдность, не противорѣчащая естественнымъ потребностямъ — большое состояніе. Извѣстно, что самъ Эпикуръ и его ученики давали примѣръ подобной мудрой бѣдности. «Жизнь ихъ говоритъ одинъ историкъ эпикуреизма (Діогенъ Лаертскій), была до крайности проста и умѣренна; одна небольшая чашка вина была имъ достаточна; главный ихъ напитокъ составляла вода». Въ письмѣ къ своему другу Эпикуръ говоритъ: «Пришли мнѣ сыру, я хочу устроить у себя пиръ».

Циники, предшественники стоиковъ, рѣзко проповѣдуютъ

презрѣніе къ богатству и доказываютъ, что оно есть понятіе относительное. На пирѣ у Ксенофонта Сократъ говоритъ Антисфену, первому изъ циниковъ: «Теперь въ свою очередь скажи намъ, Антисфенъ, почему ты, который въ сущности такъ бѣденъ, постоянно гордишься своимъ богатствомъ?» — «Потому, друзья мои, что, по моему мнѣнію, какъ богатство, такъ и бѣдность надо искать не въ домахъ людей, а въ ихъ душахъ. Наблюдая жизнь, я нахожу большое число лицъ, которыя, обладая большимъ состояніемъ, все-же считаютъ себя бѣдняками, рискуютъ на всякія опасности, труды, лишь бы еще что нибудь прибавить къ своимъ богатствамъ. Я знаю братьевъ, которые получили въ наслѣдство равныя доли; а между тѣмъ одинъ находитъ для себя все нужное, и даже много лишняго, другой нуждается во всемъ. Я знаю также, что нѣкоторые тираны обладаютъ такой жадностью къ богатству, что совершаютъ самыя низкія преступленія, отъ которыхъ покраснѣли бы самые отверженные. Они напоминаютъ мнѣ человѣка, который, обладая состояніемъ, ѣлъ очень много и никогда не былъ сытъ. Мое имущество кажется мнѣ такимъ большимъ, что я боюсь, не найдется ли въ немъ что-нибудь излишнее. Когда я бываю у себя, стѣны моего дома кажутся мнѣ теплыми туниками, доски — толстыми коврами, одѣяло у меня такое хорошее, что нужно не мало труда, чтобы разбудить меня. Не забудьте того, что такое богатство, какъ у меня, дѣлаетъ человѣка свободнымъ». Философы-циники, въ теченіи послѣдующихъ вѣковъ сильно увеличились въ числѣ. Ихъ можно было видѣть всюду босыхъ, въ жалкомъ платьѣ, — они составляли живой протестъ противъ римской роскоши. Ставя выше всего независимость духа отъ матеріальныхъ благъ, они гордились тѣмъ, что не стѣсненные ни

узами семьи, ни отечества, ни какими либо другими земными интересами, преданы единственно служенію добродѣтели.

Стоики продолжали эту традицію добровольнаго отреченія. Только мудрецъ можетъ быть истиннымъ финансистомъ, такъ какъ ему одному извѣстно, въ какомъ отношеніи должны находиться произведенія земли и рукъ человѣческихъ къ единственному благу—добродѣтели и какое употребленіе долженъ сдѣлать изъ нихъ человѣкъ, чтобы достигнуть высшаго и конечнаго своего назначенія. Эпиктетъ совѣтуетъ мудрецу не бояться бѣдности. Крайній предѣлъ нищеты—смерть, а она не страшна для мудреца. Не слѣдуетъ также бояться бѣдности изъ-за униженій, которыми она сопровождается. «Развѣ тебѣ можетъ быть стыдно за то, чего ты не дѣлалъ, въ чемъ ты не виноватъ, что постигло тебя независимо отъ твоей воли, какъ головная боль, какъ лихорадка?.. Развѣ ты не научился отъ философовъ, что порицать слѣдуетъ лишь то, что достойно порицанія? И неужели ты-бы сталъ порицать кого-нибудь за то, въ чемъ онъ не виноватъ, что вовсе не дѣло его рукъ?»—Притомъ наслажденія сопровождаются массой страданій. Болѣе достойно человѣка умереть съ голода, чѣмъ отъ разстройства желудка.

«Если тебя можетъ пугать бѣдность, то утѣшься тѣмъ, что не будешь по крайней мѣрѣ вести образъ жизни больного. Знай также, что бѣдный образъ жизни ведутъ всѣ рабы, рабочіе, истинные философы; таковъ былъ образъ жизни Діогена, Ксенофонта, который имѣлъ школу и въ тоже время носилъ воду. Если хочешь вести такой образъ жизни, ты можешь вести его всюду и ты будешь въ полной безопасности. Что тебѣ будетъ служить опорой? Одна вещь, которою можно гордиться, относительно которой можно быть увѣрен-

нымъ, что ее нельзя у тебя отнять — это твоя собственная воля».

Ни циники, ни стоики не презирали труда. Всѣ они физическимъ трудомъ и притомъ очень тяжелымъ поддерживали свою жизнь и добивались независимости. Товарищами ихъ были простые рабы и здѣсь, за этимъ трудомъ, философы переставали презирать ихъ. Они учили, что самые низкіе пороки — это малодушіе и ложь. Во вселенной каждое существо исполняетъ роль, предначертанную ему божествомъ, въ обществѣ — каждому есть свое дѣло, которымъ онъ служитъ человѣчеству. Клеантъ, который по ночамъ носилъ воду для садовника и дѣлалъ грядки, говорилъ: «богатые играютъ въ мячъ, а я своимъ трудомъ разрыхляю и оплодотворяю землю». Ни трудъ, ни получаемая плата не унижала ихъ. Да развѣ судьи, чиновники, полководцы, властители не получаютъ вознагражденіе за трудъ? Да развѣ сама жизнь не есть рабство, полное труда? Не равны ли мы всѣ предъ измѣнчивостью судьбы и предъ смертью? Одно рабство позорно, — это рабство страстей и порока. Добродѣтельный рабъ выше свободнаго, но развращеннаго человѣка.

Такъ стоики пытались возвысить физическій (ремесленный) трудъ и снять съ него ту печать презрѣнія, которую положили на него предыдущія философскія школы. Но стоики уважали физическій трудъ лишь на столько, на сколько онъ обезпечивалъ удовлетвореніе необходимыхъ потребностей. Разъ цѣлью труда ставилось богатство, философы начинали относиться къ нему съ презрѣніемъ, такъ какъ богатство, какъ мы видѣли, не имѣло цѣны въ ихъ глазахъ. Богатство интересовало ихъ лишь какъ предметъ философскаго изслѣдованія. Принципъ: «слѣдуй природѣ» не говоритъ: «слѣдуй твоей наклонности къ накопленію богатства, если она

у тебя есть». но — «слѣдуй природѣ человѣка — существа разумнаго. повинуйся разуму. дѣлай то, что требуетъ отъ тебя этотъ всеобщій разумъ, однимъ словомъ исполняй свой долгъ и презирай все остальное».

Что же все-таки долженъ дѣлать производитель со своими продуктами? Стоикъ не можетъ заниматься торговлей. такъ какъ торговые интересы и нравственный долгъ отрицаютъ другъ друга. Если какой-нибудь честный человѣкъ. закупившій заграницей во время голода значительную партію хлѣба, вдругъ узнаетъ, что цѣны упадутъ, такъ какъ ожидается привозъ изъ другихъ мѣстностей. — скажетъ ли онъ объ этомъ своимъ согражданамъ? Общественное мнѣніе говоритъ. что онъ не долженъ сказать, но философъ не согласится съ этимъ мнѣніемъ; ибо мудрецъ обязанъ не только не вредить себѣ подобнымъ, но болѣе того, онъ долженъ во всѣхъ случаяхъ дѣлиться съ ними тѣмъ. что у него есть самаго лучшаго. Вообще торговля особенно по мелочамъ не мыслима безъ обмана и лжи и потому мало достойна уваженія.

Цицеронъ, стоикъ по своимъ этическимъ воззрѣніямъ, относился отрицательно не только къ торговлѣ. но также ко всѣмъ родамъ промышленнаго труда; физическій трудъ онъ столько же. какъ и Аристотель, считаетъ недостойнымъ; въ мастерскихъ—мѣсто только однимъ рабамъ. Земледѣліе — единственный физическій трудъ. къ которымъ онъ относится съ сочувствіемъ.

Въ общемъ. не смотря на возвышенные взгляды Сенеки и Эпиктета о всеобщемъ братствѣ, въ теченіе всего древняго періода исторіи экономическія операціи въ области торговли и промышленности не перестаютъ носить печать презрѣнія. Ограбить провинцію въ качествѣ квестора не считалось унижающимъ человѣка. но составить себѣ состояніе путемъ, дозволен-

нымъ закономъ, напр. занимаясь ремесломъ или торговлей, считалось достойнымъ презрѣнія. Можно-ли поэтому ожидать отъ древнихъ развитія экономическихъ ученій?

Впрочемъ, отдавая должное въ этомъ отношеніи философіи и культурѣ древности, мы не можемъ не упомянуть объ одномъ учрежденіи, имѣвшемъ немаловажное значеніе—о естественномъ правѣ, возникшемъ у римлянъ. Стоическая философія, со своей идеей всеобщаго единенія разумныхъ существъ, съиграла не малую роль въ установленіи этого института, наряду съ общей эволюціей правовыхъ институтовъ. Съ точки зрѣнія естественнаго права, собственность разсматривалась какъ естественное расширеніе личности, распространяясь также на жену и дѣтей, которые признавались субъектами собственности, вопреки первобытному римскому праву, которое право собственности признавало только за отцомъ семейства. Подъ давленіемъ естественнаго права, право собственности стали даже признавать за лицами, рожденными внѣ римскаго государства, за отпущенниками, даже рабами, скопившими нѣкоторыя средства, чтобы выкупиться. Право наслѣдованія послѣ отца семейства, старшаго въ родѣ, стало распространяться на лицъ, стоявшихъ по родству ближе къ покойному, вопреки родовому праву и религіи. Трудъ и торговля не только перестали быть мотивами для лишенія права гражданства,—этой основы всѣхъ остальныхъ правъ въ древнемъ Римѣ,—но совершенно наоборотъ: для полученія права гражданства достаточно было построить коммерческое судно опредѣленной вмѣстимости или доставить въ Римъ партію зерна. Среди разныхъ перемѣнъ и трансформацій жизни, законъ внимательно слѣдилъ и ревностно защищалъ право собственности противъ всякихъ попытокъ ея нарушенія, распространяя на него святость неприкосновенности.

Такимъ образомъ право частной собственности стало мало-по-малу разсматриваться какъ естественное, первоначальное, необходимое отношеніе между личностями и вещами какъ порядокъ, проистекающій изъ самой природы. Эта идея естественнаго права, освѣщенная, если не созданная стоической философіей, оказывала давленіе и въ мрачную эпоху схоластики хоть нѣсколько ослабляя крайнія проявленія аскетической этики, внушенной ей той-же философіей.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ДОКТРИНЫ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

Торжество религіозно-этическаго начала.

I.

Александрійская школа и христіанство.

Въ третьемъ вѣкѣ по Р. Х. Александрія сдѣлалась мѣстомъ пребыванія блестящей школы трансцендентной философіи. Но едва ли можно было ожидать прогресса экономической доктрины у такой школы, которая, пропитавшись до мозга костей метафизикой Платона, стала стыдиться самаго факта существованія тѣла.

«Умъ (или душа),—говоритъ Плотинъ, самый блестящій представитель этой школы,—не можетъ интересоваться тѣломъ, даже если послѣднему угрожаетъ опасность; напротивъ, онъ охотно покинетъ это тѣло, если представится такой случай. Умъ повелѣваетъ человѣку отказываться отъ жизни, богатствъ, семьи, даже отечества, такъ какъ онъ считаетъ своимъ назначеніемъ дѣлать то, что достойно его, а не поддерживать и охранять существованіе чего-то низкаго». Цѣль жизни — «*очищеніе*»; послѣднее состоитъ въ возможномъ освобожденіи духа отъ тѣла; то, что называютъ смертью, есть лишь такое *освобожденіе*; къ нему *особенно подобаетъ стремиться* фило-

софамъ; всѣ мы должны возможно больше предаваться изученію философіи, такъ какъ она одна можетъ намъ дать высшее благо—освободить нашъ духъ отъ цѣпей, наложенныхъ на него моментомъ рожденія, вступленія нашего въ міръ. Неоплатоники не идутъ дальше этихъ неопредѣленныхъ наставленій. Христіанство, которое развивалось одновременно съ этой философіей, хотя и было проникнуто тѣми же воззрѣніями, но тѣснѣе примыкало къ дѣйствительной жизни. Мы видимъ, что оно очень охотно занимается основными вопросами экономическаго ученія: собственностію, богатствомъ, трудомъ.

Богатство Христосъ считаетъ, какъ извѣстно, большимъ препятствіемъ къ спасенію души. «Богатому трудно войти въ царство небесное». «Если хочешь быть совершеннымъ, продай твое имущество и раздай нищимъ и ты получишь сокровище на небѣ; потомъ слѣдуй за мной». Трудъ признается достойнымъ похвалы лишь какъ страданіе, какъ умерщвленіе плоти, какъ искупленіе грѣха, но онъ не долженъ сопровождаться даже мыслію о пріобрѣтеніи, обогащеніи. «Не заботьтесь, ради вашей души, о томъ, что вы будете ѣсть и что пить, ни ради вашего тѣла, во что вы одѣнетесь. Не выше-ли душа, чѣмъ пища, а тѣло—чѣмъ платье. Взгляните на птицъ небесныхъ: они не сѣютъ, ни жнутъ и не собираютъ въ житницы, и отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ. А не значительно-ли вы выше ихъ? И почему вы заботитесь объ одеждѣ? Посмотрите, какъ растутъ полевыя лиліи. Онѣ не работаютъ и не прядутъ; однако я вамъ скажу, что Соломонъ во всей своей славѣ не былъ такъ одѣтъ, какъ онѣ. Если Богъ такъ одѣваетъ травы полевыя, которыя сегодня растутъ, а завтра будутъ брошены въ печь, то не одѣнетъ-ли онъ васъ, о люди маловѣрные! Не отягощайте себя заботами, говоря, что будемъ мы ѣсть и что пить и во что одѣнемся,

ибо только язычники ищутъ всего этого. Отецъ вашъ небесный знаетъ ваши нужды; ищите прежде всего царствія Божія и справедливости и всѣ эти вещи сами дадутся вамъ. Не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ. на каждый день достаточно своихъ заботъ»

Подобныя слова должны бы привлечь прежде всего сердца людей униженныхъ и неимущихъ. но вскорѣ это ученіе стало привлекать къ себѣ и высшіе классы. посвящавшіе себя не только литературѣ, но и философіи, они не видѣли никакой несовмѣстимости между внушеніями разума и религіи. тѣмъ болѣе, что по многимъ вопросамъ та и другая доктрина удивительнымъ образомъ согласовались между собою.

Обѣ онѣ признавали. что главнымъ препятствіемъ къ совершенству является тѣло. заботы о пріобрѣтеніи необходимаго для нуждъ этого тѣла, все то, что привязываетъ насъ къ матеріальнымъ благамъ и земной жизни; что единственное, достойное заботъ, это — душа и ея назначеніе. Поэтому соединенныя силы религіи и философіи вступили съ инстинктомъ тѣлесной жизни въ настоящую. упорную борьбу. Въ этой борьбѣ имъ помогали исторія и обстоятельства: медленное разложеніе римской имперіи, неустойчивость состояній, войны и общественныя бѣдствія разнаго рода, прогрессивное паденіе торговли и промышленности, отчаяніе. овладѣвавшее всѣмъ. возраставшее отвращеніе къ жизни. не могущей болѣе дать сколько-нибудь вѣрныхъ радостей. Вотъ почему въ эту эпоху самое названіе экономіи предается забвенію, еще задолго до того, когда медицина и механика. достигшія къ этому времени своего расцвѣта, также покрылись мракомъ забвенія, который знаменуетъ собой наступленіе средневѣковой ночи человѣческой исторіи.

«Горе вамъ богатые!».—сказалъ Христосъ. — «Блаженны

нищіе духомъ!» Отцы церкви двоякимъ образомъ толковали эти слова. По толкованіямъ однихъ, на вѣрующаго возлагалась строгая обязанность продать свое имущество и вырученную сумму передать общинѣ. По другимъ дѣло шло только о духовномъ отреченіи отъ благъ земныхъ и о готовности души все покинуть и все раздать при случаѣ несчастія съ ближнимъ или его нищеты.

«Мы принесемъ все то, что имѣемъ и раздадимъ между неимущими»,—говоритъ св. Юстинъ.—«Между нами все общее, за исключеніемъ женщинъ».—говоритъ Тертулліанъ.—«Земля, пишетъ св. Амвросій,—дана одинаково, въ общее владѣніе, какъ богатымъ, такъ и бѣднымъ. Почему-же вы, богатые, одни присвоили ее себѣ всю въ собственность?... Природа предоставляетъ все въ общее пользованіе всѣхъ... Природа создала общее право. Частное право возникло изъ насилія». Такимъ образомъ, частью осуществляется идеалъ Платона. Возникъ христіанскій соціализмъ, на почвѣ котораго выросъ соціализмъ философскій, оба коренясь въ основныхъ принципахъ христіанства. Образуются и около четвертаго и пятаго вѣка сильно размножаются на востокѣ общины, состоящія не только изъ мужчинъ, но и изъ женщинъ, воспроизводящія на почвѣ христіанства пифагорейскіе институты античной Греціи.

Цѣлью этихъ монастырей была совмѣстная жизнь для борьбы общими силами съ плотскимъ эгоизмомъ, чтобъ достойнымъ образомъ приготовиться къ смерти. Бѣдность, подобно болѣзни и рабству, для христіанина было избраніемъ. Св. Іоанъ Златоустъ, такъ восхваляетъ это избраніе: «Откинемъ мысли плотскія! Что такое мысли плотскія? Всѣ онѣ клонятся къ процвѣтанію и благоденствію тѣлесному и мраку духовному: богатство, утонченность, слава—все это происте-

каетъ отъ тѣла, все это угожденіе тѣлу. Не станемъ заботиться объ увеличеніи богатства: будемъ стремиться къ бѣдности: она по преимуществу благо. Но вѣдь бѣдность есть униженіе? Это намъ и нужно. Униженіе для насъ достойно высшей цѣны... «Блаженны нищіе духомъ!..» Ты хочешь слышать похвалу бѣдности? Христосъ, который принялъ ее, сказалъ: «Сыну человѣческому негдѣ преклонить главу свою» и, обращаясь къ ученикамъ, прибавилъ: «Не нужно вамъ ни денегъ, ни двухъ туникъ».

Тертулліанъ, воззрѣнія котораго стоятъ на высотѣ наиболѣе общихъ принциповъ христіанства, основательно различаетъ древній и новый законъ, первый—сообразный съ природой, второй—отвергающій и превосходящій природу. «Сила духа растетъ по мѣрѣ ослабленія тѣла». Растите и размножайтесь, было сказано евреямъ. Бодрость и богатство вотъ всѣ тѣ идеалы, которые проповѣдывали имъ пророки. Теперь же тѣ, которые растутъ и размножаются, способны лишь населять земное царство, поддерживать имперію и производить новыхъ преслѣдователей. Они не могутъ разсчитывать на царство Божіе. «Теперь царство нищихъ и бѣдность возноситъ Лазаря на царскій пурпуръ; теперь страданіе и слабость становятся силами». Принципы общинности, идеалистическаго соціализма, коммунистическаго строя получаютъ права широкаго гражданства: но теперь это не гласъ вопіющаго въ пустынѣ Платона философія котораго текла однимъ русломъ, а жизнь — другимъ: теперь религія, философія, жизнь слились въ одномъ общемъ теченіи, въ одномъ общемъ хорѣ. «Справедливость требуетъ, чтобы все принадлежало всѣмъ; частная собственность — продуктъ несправедливости», пишетъ св. Климентъ. Съ другой стороны нѣкоторые отцы церкви стараются лишить христіанскую доктрину ея революціоннаго характера, толкуя

ся принципы въ символическомъ смыслѣ. «Какъ понимать эти слова: Продай то, что ты имѣешь?—пишетъ Климентъ Александрійскій. Значатъ ли они, что должно отказаться отъ своего богатства и денегъ? Нѣтъ, они означаютъ, что необходимо только изгнать изъ своего ума суетныя мысли о богатствѣ, безумную любовь къ деньгамъ, жадность, нечестныя желанія, язвы вѣка. Не великая заслуга не имѣть богатства. Такимъ путемъ всѣ тѣ, которые лишены всякихъ средствъ существованія, всѣ нищіе по дорогамъ, не вѣдающіе Бога и его справедливости, всѣ они по одному тому, что обременены бѣдностью, были бы самыми счастливыми и достойными изъ людей. Не новая вещь отказаться отъ богатства и раздать его неимущимъ; задолго до пришествія Спасителя такъ поступали многіе, чтобы предаться изученію философіи и суетной мудрости, или ради аффектаціи, чтобы пріобрѣсть извѣстность своему имени, таковы: Анаксагоръ, Демокритъ, Кратесъ». Далѣе,—продолжаетъ тотъ же авторъ, гораздо болѣе проникнутый практическими соображеніями, чѣмъ пониманіемъ истиннаго духа евангелія:—Не лучше-ли было бы, еслибъ каждый, сохраняя при себѣ *умѣренныя* богатства, самъ бы избѣгалъ неблагопріятныхъ случайностей и приходилъ бы на помощь нуждающимся? Что-же дѣлили бы между собою люди, если бы ни у кого ничего не было?» Онъ упускаетъ изъ виду, что община можетъ не только кормить своихъ членовъ, но и сама накоплять богатства, помогать бѣднымъ, хотя каждый въ отдѣльности не имѣетъ ничего исключительно ему принадлежащаго. Въ томъ же духѣ говоритъ вѣрный своему вѣку св. Августинъ: «На основаніи какого права каждый владѣетъ тѣмъ, что ему принадлежитъ? Развѣ это не право человѣческое? Ибо съ точки зрѣнія божественнаго права, Богъ создалъ бѣднаго и богатаго изъ той-же земли и велѣлъ имъ пользо-

ваться той-же землей Но лишь съ точки зрѣнія человѣческаго права, можно сказать: этотъ городъ принадлежитъ мнѣ. Но право человѣческое развѣ не одно и то же, что право императорское? Почему? А потому, что при посредствѣ императоровъ и королей Богъ распредѣляетъ права человѣческія между людьми». Благодаря такой изобрѣтательности въ толкованіи новаго закона, за вѣрующими было оставлено право работать для самихъ себя, сберегать, накоплять богатства, по крайней мѣрѣ «*умѣренныя*». Жизнь соціальная, даже въ самыхъ нѣдрахъ христіанства, могла нѣкоторое время течь своимъ прежнимъ русломъ. Царство Божіе, вмѣсто того, чтобы замкнуться за стѣнами монастырскими, открылось чтобы слиться съ царствомъ земнымъ. Душа прекрасно стала уживаться въ тѣлѣ индивидуальномъ, а церковь въ тѣлѣ общественномъ, при единственномъ условіи, что подобно тому, какъ тѣло поддерживаетъ душу, а душа господствуетъ надъ тѣломъ, такъ и церковь станетъ господствовать надъ тѣломъ общественнымъ, питаясь его соками. Изученіе среднихъ вѣковъ покажетъ намъ, какое мѣсто заняла въ такой системѣ экономическая дѣятельность.

I.

Схоластика.

Александрійская школа была послѣднимъ лучемъ закатившагося надъ европейской цивилизаціей солнца. Далѣе наступаютъ вѣка, въ теченіе которыхъ высшія проявленія общественной дѣятельности, характеризующія цивилизацію, мало-по-малу парализуются. Нашествіе варваровъ, распаденіе Римской имперіи, территоріальное и политическое раздробленіе, которое открываетъ собой феодальную эпоху, мучительные роды новаго общества, построеннаго на крѣпостномъ правѣ, иммобилизація собственности и повсемѣстное господство класса завоевателей, застой не только въ движеніи идей, но и въ обращеніи товаровъ между безчисленными, постоянно враждующими между собою доменами, безсиліе, наконецъ, церкви, не мало испытавшей треволненій во время своего медленнаго роста — безсиліе стряхнуть съ себя печать варварства и озарить этотъ хаосъ создающихся народовъ новой общей вѣрой, — таковы главнѣйшія причины, которыя надолго отсрочили пробужденіе экономической доктрины, равно какъ развитіе и ростъ общественнаго богатства.

Изученіе экономическихъ феноменовъ начинается обыкновенно лишь тогда, когда самые экономическіе феномены успѣли достигнуть достаточнаго развитія. Но въ феодальномъ доменѣ, — станемъ-ли мы разсматривать крестьянскую хижину, или городъ, замокъ епископа или графа, — не могла имѣть мѣста никакая индустрія, такъ какъ рабъ трудился лишь для удовлетворенія нуждъ собственныхъ и своего господина, нуждъ

какъ у перваго, такъ и второго очень ограниченныхъ: не могло быть мѣста въ феодальномъ доменѣ и торговлѣ, такъ какъ эти зародыши человѣческаго общества довольствовались исключительно ежегоднымъ продуктомъ своей земли, причемъ не имѣли никакого излишка, чтобы продать, равно какъ не находили ничего, чтобы купить: потребности удовлетворялись изо-дня въ день предметами первой необходимости, монета составляла рѣдкость и передвиженіе товаровъ было крайне затруднительно.

Съ двѣнадцатаго и тринадцатаго вѣковъ экономическое состояніе Европы начинаетъ медленно измѣняться. Крестовые походы, отсутствіе необходимости въ изолированныхъ и укрѣпленныхъ замкахъ со введеніемъ «Божьяго міра» и, вообще, мирныхъ отношеній, развитіе рыцарскихъ нравовъ—все это сообщило феодальнымъ сеньорамъ болѣе изысканные вкусы и болѣе разнообразныя потребности. Въ городахъ тѣ же причины имѣли своимъ слѣдствіемъ увеличеніе благосостоянія, какъ результатъ увеличивающейся бережливости, увѣренной въ сохраненіи продуктовъ своего труда,—равно какъ и расширеніе потребностей. Пища, орудія, мебель, одежда, оружіе, украшенія стали требоваться массами и въ значительномъ разнообразіи Населеніе, начавшее отдыхать отъ безпрерывныхъ войнъ, стало увеличиваться въ числѣ.

Въ городахъ размножаются мастерскія. Ремесленники повсюду образуютъ ассоціаціи для полученія привилегій отъ феодальныхъ сеньоровъ и выкупаются на свободу значительными массами. Разсѣянные повсюду, но поддерживающіе между собою отношенія, евреи тотчасъ стали выдаваться своими способностями, служить посредниками между производителями и потребителями разныхъ странъ. Банкиры, владѣльцы ссудныхъ подъ залогъ кассъ, они долгое время одни сохра-

няли монополію владѣльцевъ денегъ (монеты). Торговыя отношенія стали болѣе многочисленны, количество монеты увеличилось. Установились правильныя ярмарки и нѣкоторыя изъ нихъ пріобрѣли очень большое значеніе. Такъ какъ такія ярмарки были очень доходной статьей для сеньоровъ, во владѣніяхъ которыхъ онп собирались, то для привлеченія къ нимъ торговаго движенія были учреждены разныя облегченія для путешественниковъ и проѣзжающихъ, въ формѣ пошлины за безопасность въ дорогѣ. На ярмаркахъ появляется въ большомъ количествѣ и самаго разнообразнаго достоинства монета; мѣнялы, чаще всего евреи, а по ихъ изгнаніи, итальянцы или, какъ обыкновенно говорятъ, ломбардцы, получили право выставлять здѣсь свои столы, около которыхъ сосредоточились всѣ сдѣлки: мѣняла — въ тоже время банкиръ; въ теченіи ярмарки онъ имѣетъ право брать за ссуду 15%. Онъ получаетъ залогъ и его оцѣниваетъ. Феодальные господа, сообразивъ выгоды, которыя они могутъ извлечь изъ такого расширенія дѣлъ, обнаруживаютъ все большую и большую щедрость во всемъ, что касается ростовщичества: въ Монпелье позволяется даже христіанамъ взимать процентъ до тѣхъ поръ, пока изъ него не образуется сумма, равная занятому капиталу; но евреи имѣли въ этомъ отношеніи значительныя преимущества: они пользуются правомъ взимать за ссуду 43%, а въ XIV-мъ вѣкѣ даже 86%. Въ 1327 году Карлъ IV красивый обязываетъ «итальянцевъ и жителей той стороны Альповъ (oultremontains), ростовщиковъ и банкировъ являться на ярмарки Шампаньи подъ угрозой изгнанія изъ королевства». Для расчетовъ на разстояніи заемныя письма съ XIII-го вѣка съ успѣхомъ замѣняютъ опасные въ то время транспорты металлической монеты. Оказывается необходимость въ безостановочномъ обращеніи товаровъ помощью сухопутныхъ и водныхъ

сообщеній. Возникаютъ компаніи рѣчнаго судоходства, которыя, взамѣнъ за полученныя отъ феодальныхъ сеньоровъ привиллегіи и за освобожденіе отъ дорожной пошлины, наложенной на сухопутныхъ торговцевъ, обязуются поддерживать въ исправности фарватеръ, набережныя и бечевники. Монастыри и феодальные сеньоры, получающіе пошлину за право прохода черезъ мосты или на перекресткахъ дорогъ, ради своихъ интересовъ, заботятся о поддержаніи въ исправности мостовъ и дорогъ опредѣленнаго района; ради той же цѣли организуется и полиція охраняющая безопасность на большихъ торговыхъ трактахъ. Лежащіе на послѣднихъ или при морѣ города становятся мѣстопребываніемъ постоянной ярмарки — рынкомъ, со всѣми необходимыми органами экономической жизни, магазинами, размѣнными и кредитными кассами. Въ семействахъ, посвятившихъ себя торговымъ операціямъ, появляются крупные финансисты. Они, подобно легистамъ, становятся лицами, безъ которыхъ не могутъ обойтись феодальные суверены. Они фигурируютъ на совѣтахъ у королей, являются видными государственными дѣятелями заключаютъ трактаты съ морскими державами до восточныхъ включительно. На такой ступени развитія, индустрія, торговля, финансовая организація становятся уже достойными быть объектами экономической науки.

Но далеко не безъ препятствій общественныя отношенія достигли того прогресса, картину котораго мы только что набросали. Эпидеміи и голодъ въ средніе вѣка были очень частыми гостями, унося цѣлыя массы народа; частыя войны опустошали поля, предавали огню селенія бѣднаго сельскаго люда; по временамъ, по крайней мѣрѣ, и торговцы становились жертвой лихоимства, непомѣрно тяжелыхъ требованій и полнаго произвола привиллегированныхъ компаній или сеньо-

ровъ, выходившихъ за добычей на большую дорогу. Подобныя явленія сильно затрудняли коммерческую жизнь даже въ лучшія времена феодальной эпохи. Но всѣ эти препятствія, проистекавшія отъ естественныхъ условій или политическихъ бурь, были ничто въ сравненіи съ тѣми, которыя возникали изъ общаго состоянія умовъ. Конкурренція товаропроизводителей еще не достигла своего позднѣйшаго могущества и потому обманъ въ торговой дѣятельности составлялъ самое распространенное явленіе: при несовершенствѣ сношеній цѣны на товары стояли или непомѣрно высокія или спускались очень низко: не было того общаго уровня, около котораго цѣны товаровъ колеблются въ настоящее время, рѣдко слишкомъ подымаясь выше или падая ниже этого уровня. Общественное мнѣніе не признавало за торговцемъ права получать барышъ, въ извѣстной степени справедливый, какъ вознагражденіе за трудъ передвиженія товара или за рискъ; во всякой скупкѣ съѣстныхъ продуктовъ видѣли лихоимство, а во всякомъ вывозѣ ихъ за предѣлы опредѣленнаго района—угрозу голода. Высокіе барыши торговцевъ, впрочемъ, давали поводы и основаніе подобному взгляду На иностранцевъ смотрѣли косымъ окомъ, какъ на неумѣстныхъ потребителей товаровъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда безъ нихъ нельзя было обойтись. Ростовщики, находясь подъ угрозой закона противъ ростовщичества, не могли смотрѣть на свой барышъ, какъ на нѣчто легальное. Всякая ссуда за процентъ, всякая продажа въ кредитъ считались ростовщичествомъ. Евреи были предметомъ общаго презрѣнія и преслѣдованія. Ломбардцы, которые замѣнили евреевъ, не менѣе строго были судимы общественнымъ мнѣніемъ, а во время смутъ населеніе не давало имъ никакого снисхожденія.

Подобныя идеи были столь распространенными, столь общими,

такъ вкоренились въ умахъ, что получили свое выраженіе въ современномъ правѣ, и цивилисты эти заблужденія общественнаго мнѣнія всюду проводили въ своихъ эдиктахъ. Регламентація рабочихъ корпорацій, цеховъ, освященная королевскими ордонансами, старалась обезпечить безупречную фабрикацію товаровъ тысячами самыхъ мелочныхъ предписаній. Всякая прибыль, которая считалась слишкомъ высокою была недозволенною въ торговыхъ операціяхъ. Вывозъ предметовъ первой необходимости былъ повсюду запрещенъ, а ввозъ—затрудненъ разными невозможными таможенными правилами. Размѣнъ денегъ находился подъ самымъ строгимъ надзоромъ; каждый мѣняльный столъ платилъ очень тяжелый налогъ. За исключеніемъ ярмарочнаго времени, ссуда за процентъ должна была скрываться подъ самыми разнообразными формами, слишкомъ предосудительными для заимодавца, для того, чтобы не подпасть подъ законъ противъ ростовщичества. Задолго до XIV столѣтія короли Франціи, еще изъ первыхъ Капетинговъ, поддѣлывали вѣсъ и пробу (достоинство) монеты или взимали съ городовъ ежегодно крупныя суммы за право быть свободными отъ такого всѣмъ очевиднаго обмана, состоявшаго въ обязательствѣ признавать за монетой, фактически низко стоящей по курсу, ея номинальную цѣнность.

Такимъ образомъ, каждый шагъ впередъ со стороны индустріи и торговли былъ побѣдой надъ общественными предразсудками и устарѣвшими правовыми учрежденіями. Эта вѣковая борьба между нуждами промышленности и торговли и отживавшими формами рутины получила свое выраженіе и въ экономическихъ сочиненіяхъ того времени. Первоначальные опыты конечно не идутъ дальше сплошного отрицанія, недовѣрія и запрещенія; но мало по малу замѣчаются зачатки научныхъ обобщеній экономическихъ явленій и ихъ законовъ

и настоящая политическая экономія находится у момента своего появленія на свѣтъ.

Стремленіе къ практическому рѣшенію экономическихъ вопросовъ, вытекавшихъ изъ общественнаго строя, начало зарождаться въ школахъ, основанныхъ церковью, для образованія духовныхъ лицъ, т. е. именно тамъ, гдѣ теологія господствовала надъ всѣмъ. Эти вопросы излагались въ теологическихъ терминахъ и экономическая ихъ сущность замѣняла только ту или другую главу моральныхъ сентенцій теологической казуистики. Правда, что съ XII-го вѣка, т. е. съ того времени, когда сочиненія Аристотеля начали появляться въ школахъ Запада, эти вопросы излагались въ видѣ комментаріевъ къ нѣкоторымъ главамъ *Политики* и *Этики* этого автора, о которыхъ мы уже вначалѣ говорили. Но было бы неточностью думать, будто одно случайное появленіе сочиненій Аристотеля породило всю массу экономическихъ противорѣчій и внушило доктрину, развиваемую докторами схоластики. Причинъ того и другого должно искать гораздо глубже и дальше.

Мы уже видѣли, что отцы церкви осудили не только вознагражденіе за трудъ, не только торговлю, но и самую собственность. При такомъ сплошномъ отрицаніи всего земного, доходившемъ до полнаго подавленія всякой экономической дѣятельности, конечно, ссуда за процентъ, кредитъ — этотъ главный нервъ торговой жизни,—долго не могли найти себѣ права гражданства. Подобно тому, какъ въ осужденіи торговой и предпринимательской прибыли отцы церкви вполнѣ соглашались съ философами, такъ и въ своемъ отвращеніи къ займу они черпали аргументы у тѣхъ же философовъ. Аргументація Аристотеля по этому предмету намъ уже извѣстна. Плавтъ порицалъ банкировъ, сравнивая ихъ профессію съ самой низкой, какія только существуютъ, вызывая своими филиппиками

громы рукоплесканій у римской толпы. Земледѣлецъ Катонъ говоритъ: — «Что такое ссуда за процентъ? Лучше спроси, что такое убить человѣка?» — Въ своемъ «Трактатѣ объ обязанностяхъ». Цицеронъ обнаруживаетъ также справедливое, по его мнѣнію, презрѣніе къ банкирамъ. Сенека негодуетъ на то, что время «продается» и называетъ ростовщиковъ «кровопійцами».

Когда первые теологи, не довольствуясь запрещеніемъ ростовщичества духовнымъ лицамъ, подняли сильную агитацію, чтобы побудить къ тому же и свѣтскихъ лицъ, они черпали свои аргументы у вышеозначенныхъ писателей. Всѣ они въ этомъ случаѣ соединяются въ единогласный хоръ. Такъ напр., св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: «Что можетъ быть безумнѣе желанія сѣять безъ земли, безъ дождя и безъ плуга?! Отвратимся отъ этихъ противоестественныхъ родовъ золота и серебра, пусть изсохнетъ такое отвратительное плодородіе!»

Это единогласное мнѣніе отцевъ церкви и теологовъ отразилось и на средневѣковомъ законодательствѣ, которое является въ этомъ отношеніи простымъ отраженіемъ внушеній церкви. Изъ многочисленныхъ примѣровъ укажемъ на постановленія Карла Великаго. «Безусловно запрещено, говорятъ капитуляріи, давать что бы то ни было съ цѣлью роста. Не только духовные, но и свѣтскіе христіане не должны требовать за ссуду процента. Что такое ростъ? Требованіе того, что не было дано... Самымъ законнымъ было-бы брать съ должника только размѣръ ссуды (валюту)». По такому опредѣленію подъ понятіемъ ростовщичества подразумѣваются всѣ роды прибыли, получаемые заимодавцемъ съ должника. Поэтому, Карлъ Великій въ одинаковой степени запрещаетъ всякаго рода жадное стремленіе къ обогащенію, какъ противное совѣсти хри-

стіанской. «Если кто во время жатвы или сбора винограда покупаетъ зерно или вино, не ради нужды, но изъ жадности, покупаетъ, напр., за два денье мѣру и выжидаетъ времени, когда онъ можетъ продать ее за четыре денье или больше,—это мы назовемъ преступною прибылью». И онъ назначаетъ цѣны на съѣстные припасы, желая этимъ бороться съ страстью торговцевъ къ прибыли.

Карлъ Великій, какъ видимъ, издаетъ декреты, ничѣмъ не отличающіеся отъ какихъ нибудь епископскихъ постановленій; начиная съ этого времени, цѣлый рядъ соборовъ или порицаетъ или, что чаще, отлучаетъ отъ церкви ростовщиковъ. Установился обычай дозволять занятіе ростовщичествомъ только евреямъ, уже по самому существу своему проклятымъ церковью, что для бароновъ служило источникомъ богатыхъ доходовъ. Но Людовикъ Святой не считаетъ возможнымъ безъ грѣха слѣдовать этому обычаю. Когда ему представляли, что народъ ни можетъ существовать, не занимая, что безъ займовъ нѣтъ не культуры, ни промышленности, ни торговли, что евреи давали взаймы на болѣе легкихъ условіяхъ, чѣмъ ломбардцы, Людовикъ святой отвѣтилъ: «Не мое дѣло заниматься ростовщиками-христіанами: это вѣдаетъ церковь. А что касается евреевъ, то пусть они или отказываются отъ своего занятія или уходятъ изъ моей земли: я не желаю, чтобы они долѣе оскверняли ее своимъ нечестивымъ пребываніемъ». И онъ предоставилъ баронамъ право конфисковать всѣ имущества растовщиковъ, разъ будетъ доказано наличность преступленія (ростовщичества).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что широкое распространеніе сочиненіи Аристотеля въ XIII-мъ вѣкѣ не могло содѣй-

ствовать созданію какой-нибудь новой экономической доктрины. Но мы должны себя спросить, должно-ли приписать вліянію Аристотеля это низкое состояніе тогдашней экономической науки, или-же самая популярность ученія Аристотеля есть такой-же продуктъ экономической дезорганизаціи общества, наступившей за паденіемъ римской Имперіи, какъ и упадокъ экономической доктрины?

Въ обществѣ здоровомъ и хорошо управляемомъ, богатство не можетъ возрастать безъ того, чтобы капиталы не становились смѣлѣе, кредитъ не возросталъ, безъ того, чтобы, однимъ словомъ, не понижался средній размѣръ процента ссуды. Общество страдающее или находящееся въ періодѣ разложенія должно представлять противоположныя отношенія. Втеченіе періода великаго переселенія народовъ нужда въ деньгахъ стала увеличиваться и требованія заимодавцевъ начали все сильнѣе превосходить средній размѣръ процента—около 12°/₀, который установился въ періодѣ Римской имперіи. Къ тому-же всеобщее отвращеніе къ росту само возвышало процентъ за ссуду, увеличивая рискъ заимодавца. Въ Восточной Имперіи, которая сравнительно съ Западной дольше пользовалась покоемъ, это отвращеніе къ росту не было такъ сильно. Въ варварскихъ государствахъ оно достигаетъ своего максимума. Съ того времени, когда феодальное государство мало-помалу принимаетъ формы цивилизованнаго общества, уменьшается и отвращеніе къ займу. Наконецъ, оно становится совершенно слабымъ когда увеличивается народное благосостояніе и дѣла принимаютъ свое естественное теченіе. Въ общемъ, слѣдовательно, экономическая доктрина только отражаетъ экономическій строй современнаго ей общества.

Предосторожности, которыя полезны для ребенка въ ту пору, когда онъ не умѣетъ ходить, предохраняя его отъ па-

денія, дѣлаются безполезными и ненужными, когда онъ подрастетъ настолько, что можетъ самостоятельно двигаться. Наступаетъ и въ жизни средневѣковаго общества моментъ, когда антиэкономическія доктрины теряютъ свою силу, потому что измѣнился тотъ общественный строй, котораго онѣ были выраженіемъ.

Идея естественнаго права, права, основаннаго на нуждахъ гражданскаго общества и вытекающаго изъ условій его существованія, противоположнаго праву каноническому, съ его религіозной этикой, имѣющей въ виду одну только душу и къ ней только обращающеюся,—идея естественнаго права была рычагомъ, который способствовалъ разрушенію препятствій, созданныхъ совокупнымъ дѣйствіемъ предшествующаго общественнаго строя, авторитета Аристотеля и постановленій соборовъ.

Римское право съ самаго начала пользовалось у варваровъ большимъ обаяніемъ. Среди броженія и волненій, которыя пришлось пережить въ теченіе слѣдующихъ вѣковъ населенію Италіи, послѣднее все же не переставало управляться римскими законами.

Этимъ объясняется знакомство докторовъ схоластики съ естественнымъ правомъ, развитымъ римскими юристами. Намъ понятно теперь, какимъ путемъ образовалась у нихъ идея различія между тѣмъ, что хорошо или дурно для правителя или государства, и тѣмъ, что дозволительно или грѣховно по постановленіямъ церкви. Мы можемъ уже предугадать, что скоро откроется открытая борьба между первыми несмѣлыми шагами экономической науки и неприкосновенными догматами церкви.

Всѣ вопросы этической казуистики, на которые заставляла натыкаться торговая практика, доктора схоластики рѣшали въ самомъ ригорическомъ смыслѣ; такъ, они допускали

въ обществѣ торговлю, но только на томъ условіи, чтобы торговый барышъ и потери распредѣлялись между компаніонами. Но они отвергали торговлю, называя ее ростовщичествомъ, если она была основана на условіи, по которому кредиторъ участвовалъ лишь въ выгодахъ, получаемыхъ дебиторомъ, а не въ его потеряхъ. Еще труднѣе было для докторовъ схоластики понять законность ссуды за процентъ, такъ какъ эта операція является болѣе сложною, чѣмъ торговая прибыль, особенно благодаря вмѣшательству одного момента — времени, который сильно смущалъ умъ. Св. Ѳома пользуется въ этомъ случаѣ аргументаціей Аристотеля, нѣсколько имъ усовершенствованной, и также мнѣніями канониковъ. «Очень большое заблужденіе, —говоритъ Ѳома, —утверждать подобно легистамъ, не понимающимъ природы грѣха ростовщичества, что ростъ составляетъ нарушеніе закона, по той причинѣ, что онъ запрещенъ только каноническимъ правомъ, т. е. церковью; по существу же своему ростъ если не позволителенъ, то во всякомъ случаѣ не беззаконенъ: совершенно наоборотъ, именно потому ростъ запрещенъ церковью, что онъ грѣховенъ по самому своему существу».

Мнѣніе легистовъ должно было восторжествовать. Договаривающіяся стороны, подъ давленіемъ необходимости, изобрѣли массу уловокъ для обхода закона о ростовщичествѣ. Такія сдѣлки имѣли своимъ слѣдствіемъ гораздо болѣе темныхъ сторонъ, чѣмъ открытые займы, дозволенные закономъ, но разумно регламентируемые. Вслѣдствіе этого постепенно начинаетъ обнаруживаться реакція противъ ригорически-отрицательнаго отношенія къ сдѣлкамъ ссуды. Общественныя власти должны были поэтому мало-по-малу уступить общему теченію. Для оправданія новаго взгляда на ростъ Францискъ Меронійскій приводитъ слѣдующіе мотивы: Не думаю, —говоритъ онъ, чтобы ростъ

былъ непозволителенъ, беззаконенъ съ точки зрѣнія естественнаго права. Утверждаютъ, что деньги по своему существу безплодны и потому не могутъ произвести изъ себя ничего новаго, т. е. что отъ займа нельзя получить больше заемной суммы (валюты). На это я возражу, что съ политической точки зрѣнія вещи оцѣниваются мѣрой пользы, которую извлекаетъ изъ нихъ государство. Сами по себѣ вещи не безплодны, ни плодоносны, но онѣ становятся таковыми, благодаря употребленію, которое изъ нихъ дѣлаютъ. А деньги имѣютъ самое разнообразное употребленіе». Бюриданъ еще болѣе открыто приводитъ соображенія общаго интереса, заимствованныя имъ изъ области частной политики. «Бываютъ случаи, когда въ государствѣ, хорошо управляемомъ, ростъ долженъ быть допущенъ: иногда запрещеніе роста приноситъ гораздо болѣе зла, чѣмъ его допущеніе. Бываютъ, наоборотъ, случаи, когда въ государствѣ, хорошо управляемомъ, ростъ долженъ быть запрещенъ, такъ какъ иногда допущеніе его приноситъ болѣе вреда, чѣмъ запрещеніе. Вообще во всемъ, что относится къ допущенію или запрещенію политикъ долженъ дѣйствовать, соображаясь съ разными обстоятельствами и людьми, съ условіями мѣстными и временными».

Другой вопросъ науки экономіи—вопросъ *о монетѣ* книги отцевъ церкви большею частью обходятъ молчаніемъ, и этотъ вопросъ вообще никогда не принималъ религіознаго характера. Соображенія Аристотеля относительно происхожденія и причинъ существованія монеты (денегъ) схоластика долгое время избѣгаютъ приводить. Только въ XIV вѣкѣ, когда поддѣлка и произвольное измѣненіе достоинства монеты сдѣлалось постоянной практикой королей, философы-схоластики, просвѣтившись въ требованіяхъ общаго интереса и въ принципахъ публичнаго права, съумѣли подняться выше соображеніи частнаго интереса и индивидуальной честности и выставили нормы,

которыя должны быть соблюдаемы для того, чтобы монета могла исполнить свою важную государственную функцію.

Николай Оресмъ, наставникъ Карла V, умершій епископомъ въ 1382 году, пишетъ спеціальное сочиненіе о монетѣ, проникнутое тою же тенденціей. «Монета,—говоритъ онъ,—не принадлежитъ королю-правителю, хотя она и носитъ его изображеніе; она составляетъ собственность общества и частныхъ лицъ. Уменьшать или увеличивать ея достоинство, сообразуясь съ тѣмъ, приходится ли платить или получать измѣнить вѣсъ монеты или ея пробу,—дѣйствія совершенно тождественныя съ грабежомъ и обманомъ; они въ концѣ концовъ всегда обращаются противъ того, кто ихъ совершаетъ такъ какъ вся неиспорченная монета, которая осталась въ государствѣ, тотчасъ исчезаетъ изъ него; довѣріе къ правителю и его авторитетъ начинаютъ колебаться; государству и правительственной власти угрожаетъ гибель».

Этотъ совершенно свѣтскій и проникнутый натурализмомъ взглядъ на одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ политической экономіи свидѣтельствуетъ, что наступетъ конецъ среднихъ вѣковъ и приближается эпоха возрожденія. Теперь уже утилитарная точка зрѣнія не только различается отъ теологической: первая начинаетъ даже господствовать надъ второю. Но не слѣдуетъ думать, что такой взглядъ былъ всеобщимъ: продолжаетъ существовать еще масса антиэкономическихъ предубѣжденій, которыхъ несостоятельность уже доказана, но еще не устранена практикой вещей, которая продолжаетъ идти своимъ чередомъ. Но наступаетъ, наконецъ, новое и болѣе глубокое пробужденіе натурализма, которое дѣлаетъ, наконецъ, возможнымъ положительное изученіе экономическихъ вопросовъ и кладетъ начало современной политической экономіи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Экономическія доктрины эпохи возрожденія.

Томасъ Моръ, Компанелла, Боденъ.

Въ сочиненіяхъ философовъ древняго міра нами были замѣчены двѣ основныя тенденціи, враждебныя другъ другу: одна—исканіе лучшей экономической организаціи общества, вторая — признаніе несовмѣстимости добродѣтели съ богатствомъ. Изъ этихъ двухъ тенденцій средними вѣками была преимущественно усвоена послѣдняя. Эпоха возрожденія реставрировала первую. Изъ двухъ доктринъ, одной экономической, другой антиэкономической, такъ искусно соединенныхъ греческими мыслителями, средневѣковому обществу пришлась особенно по вкусу послѣдняя—доктрина отреченія и общественнаго самоубійства. Въ эпоху возрожденія это общество, уже значительно возмужавшее, увѣрилось въ своихъ силахъ и стремится наслаждаться жизнію. Но оно еще не можетъ обойтись безъ руководителей, оно ищетъ авторитетовъ для подтвержденія своихъ взглядовъ и находитъ послѣднихъ въ философахъ древности, которымъ оно, однако, слѣдуетъ безъ рабскаго подчиненія, отрицая въ ученіи ихъ все то, что не приходится ему по вкусу, и сдѣлавшись совершенно глухимъ къ урокамъ пессимизма своихъ прежнихъ учителей—отцевъ

церкви. Это подрастающее общество научается у древнихъ раціонализму, руководится въ своихъ разсужденіяхъ требованіями разума и наклонностей наряду съ естественнымъ правомъ. Первой своей обязанностью оно считаетъ отдѣленіе теологіи отъ философіи. Именно въ такомъ духѣ теоріи Платона. Стоиковъ и Ксенофонта вновь появились на сцену, реставрированныя Моромъ. Боденомъ и Сюлли, пока въ лицѣ Монкретьена не появился новый Аристотель.

Платонъ является предметомъ живого удивленія для значительной части образованныхъ итальянцевъ пятнадцатаго столѣтія. Также церковь не могла не сочувствовать воззрѣніямъ Платона въ которыхъ она видѣла какъ бы отголосокъ отцевъ церкви, которые при зарожденіи христіанской теологіи сами были горячими послѣдователями Платона. И это неудивительно. Въ то время церковь была еще проповѣдницей *гуманизма*, т. е. она еще уважала и любила литературу и культуру древняго міра съ его энтузіазмомъ къ красотѣ, здоровью, равновѣсію физическихъ и нравственныхъ способностей человѣка къ гражданской доблести. а Платонъ. вѣрный своему времени, былъ полонъ этого энтузіазма; какъ грекъ. онъ любилъ разумъ. порядокъ и гармонію: онъ вѣритъ, что справедливость есть условіе силы и счастія для государства и его подданныхъ. Эпоха возрожденія противопоставляетъ Платона Аристотелю схоластики. Платоническій духъ овладѣлъ философіей и не замедлилъ распространиться на политику и экономику своего времени. Подъ вліяніемъ это духа создаются идеальныя конституціи, проекты идеально устроеннаго государства, единство и простота организаціи которыхъ предлагаются какъ образецъ націямъ, еще разъединеннымъ оставшимися учрежденіями феодальнаго права.

Подъ очевиднымъ вліяніемъ воззрѣній Платона англича-

нинъ Томасъ Моръ, государственный человѣкъ—великій канцлеръ Генриха VIII, написалъ свою «*Утопію*» или «*О лучшей республикѣ*» (1518). Извѣстно, какова была основная идея послѣдняго: это критика собственности и картина воображаемаго государства, въ которомъ все—общее. Собственность, по Платону, порождаетъ неравенство, она распредѣляется всегда такимъ образомъ, что только небольшая группа людей живетъ среди изобилія, остальные пребываютъ въ нищетѣ. Трудность опредѣлить предѣлы собственности у каждаго даетъ начало всѣмъ гражданскимъ процессамъ. Наконецъ, собственность благопріятствуетъ и обусловливаетъ цѣлую категорію самыхъ непроизводительныхъ лицъ и паразитовъ, совершенно безполезныхъ для общества, истребляющихъ только производимое послѣднимъ, пожирающихъ плоды труда другихъ, сами ничего непроизводя. Неравенство, раздоры, бездѣліе — вотъ плоды собственности... Но республика Мора болѣе справедлива, чѣмъ платоновская: кастъ въ ней нѣтъ; она представляетъ коммуну въ полномъ смыслѣ слова: всѣ защищаютъ государство и каждый можетъ быть его правителемъ; физическій трудъ не позоритъ человѣка напротивъ, это главная почетная обязанность. На Утопіи (Утопія—собственное названіе вымышленнаго острова) каждый занимается земледѣліемъ и въ тоже время ремесломъ. Такимъ способомъ Моръ думаетъ разрѣшить трудную проблему раздѣленія въ обществѣ работъ умственныхъ и физическихъ; всѣхъ онъ призываетъ къ тѣмъ и другимъ и ставитъ условіемъ, чтобы трудъ всегда сопровождался отдыхомъ и облагораживался духовными развлеченіями. Такимъ образомъ платоновскаго дѣленія людей на два класса: гражданъ и рабовъ или ремесленниковъ—болѣе не существуетъ; досугъ, которому всецѣло предавался гражданинъ античной республики, является

у Мора только отдыхомъ отъ труда, составляющаго обязанность не однихъ только рабовъ, но всѣхъ гражданъ республики; трудъ становится основнымъ правомъ гражданина, такъ какъ онъ даетъ право на существованіе.

Столѣтіе спустя, одинъ итальянскій монахъ *Компанелла*, мечтавшій вначалѣ основать всемірную монархію подъ главенствомъ испанскихъ королей, но отвергнутый ими и за свои конспираціи противъ ихъ владычества попавшій въ тюрьму, не перестаетъ заниматься химерическими планами о совершенномъ государствѣ, гдѣ царятъ философы. Перу его принадлежитъ: «*Городъ солнца*» (1623). Несмотря на XVII-е столѣтіе, Компанелла еще сынъ эпохи возрожденія. Во всемъ слѣдуя Платону, онъ въ тоже время остается вѣренъ Евангелію и отцамъ церкви и въ тоже время является послѣдователемъ стоиковъ, въ попыткахъ реабилитировать физическій трудъ. «*Городъ солнца*» нѣсколько напоминаетъ проникнутые эпикуреизмомъ торговые города богатой Италіи, Венеціи, Флоренціи.

Благодаря общинному устройству, жители этого города ни бѣдны, ни богаты: они богаты потому, что владѣютъ всѣмъ; бѣдны потому, что ничего не могутъ считать своей собственностью. Они владѣютъ вещами, но не отчуждаютъ ихъ въ собственность. Именно эта сторона жизни первыхъ христіанъ, особенно апостоловъ, наиболѣе привлекаетъ автора «Города солнца». Физическій трудъ въ этомъ государствѣ не унижаетъ человѣка, самыя унизительныя работы, разъ онѣ важны для общества, становятся высокими. Наиболѣе утомительныя работы считаются у жителей «Города солнца» наиболѣе достойными похвалы: таковы работы каменьщика и кузнеца.

Никто, поэтому, не думаетъ отказаться отъ такого труда, тѣмъ болѣе, что при опредѣленіи каждому его обязанности

принимаются въ разсчетъ его способности и наклонности. Притомъ трудъ не можетъ утомлять: онъ продолжается только немного часовъ. «Въ Неаполѣ,—говоритъ Компанелла,—считается 70.000 человѣкъ жителей, а между тѣмъ работниковъ изъ этого числа едва только 10—15.000». Пусть всѣ работаютъ, но за то каждый пусть будетъ занятъ не болѣе 4 часовъ въ день. Остальное время употребляется на любимое занятіе, разговоры, чтеніе, разсказы, прогулки, духовныя и тѣлесныя упражненія, удовольствія всякаго рода. Какъ и въ республикѣ Платона, въ «Городѣ солнца», гдѣ все въ изобиліи, и потому излишекъ продается иностранцамъ, не существуетъ монеты. Обмѣнъ совершается натурой. Иностранцы допускаются въ городъ въ качествѣ гостей, но не жителей Всякая продажа и покупка совершается у городскихъ воротъ.

Стоицизмъ какъ нельзя лучше подходилъ къ характеру тѣхъ мужественныхъ и хладнокровныхъ людей, которые, въ періодъ религіозныхъ войнъ, составляли во Франціи категорію «политиковъ». Лопиталь и Боденъ держатся того воззрѣнія, что надъ всѣми существующими религіями и догматами царитъ одинъ общій, тождественный у всѣхъ народовъ, законъ, одновременно естественный и божественный.

«Подобно тому,—пишетъ первый,—какъ одно и тоже солнце свѣтитъ и грѣетъ въ Парижѣ, и въ Римѣ, и въ Константинополѣ, такъ и божественная справедливость — естественное право,—что одно и тоже,—совершенно таже у дикарей Америки, какъ и у христіанъ Европы». Боденъ въ своей «Республикѣ» (1576), признавая съ Аристотелемъ, что совершенствованіе человѣка заключается въ созерцательной жизни, указываетъ гражданскому обществу, какъ на главную цѣль,

на соблюденіе справедливости, представляющую проявленіе божественнаго разума. Этотъ разумъ, одновременно «божественный и естественный», проявляется всюду и не заключенъ въ предѣлахъ опредѣленнаго государства. «Всѣ земные правители подчинены божественнымъ и естественнымъ законамъ; не лежитъ въ сферѣ ихъ правомочіи своимъ вмѣшательствомъ нарушать теченіе этихъ законовъ, если только они не желаютъ оказаться виновными въ святотатствѣ, не желаютъ объявить войну Богу, предъ величіемъ котораго каждый изъ монарховъ міра долженъ преклониться и пасть ницъ... Такимъ образомъ власть неограниченныхъ государей и суверенныхъ синьоровъ никакъ не простирается на законы Божества и Природы».

Однимъ изъ такихъ первоначальныхъ законовъ оказывается у Бодена частная собственность. «Заблуждаются тѣ,— говоритъ онъ про Платона и его послѣдователей въ вопросѣ о собственности,—которые думаютъ, что при общинной организаціи личности и вещи находятся между собою въ идеальномъ отношеніи». Всякій суверенъ располагаетъ какъ вещами, такъ и личностями лишь въ предѣлахъ права. Налоги должны быть результатомъ соглашенія, а не произвола правителей. «Государь, который доводитъ до нищеты своихъ подданныхъ, дѣйствуетъ не въ силу законнаго верховнаго права, но, вѣрнѣе сказать, при помощи насилія и солдатъ».

Другой законъ, вытекающій изъ естественнаго права, состоитъ въ томъ, что всѣ тѣ, кто участвуетъ въ выгодахъ, доставляемыхъ обществомъ, несутъ за это и всѣ необходимыя тяготы: что налогъ долженъ быть пропорціональнымъ состоянію и никто не можетъ быть свободнымъ отъ него, исключая неимущихъ. Не довольствуясь провозглашеніемъ этихъ

принциповъ, Боденъ указываетъ также и средства ихъ практическаго осуществленія. Онъ подаетъ идею всеобщаго имущественнаго кадастра, публичнаго регистра ипотекъ, періодической народной переписи, статистики бенефицій и должностей съ присвоенными послѣднимъ доходами. предлагаетъ такую систему косвенныхъ налоговъ. которая. не распространяясь на предметы общаго потребленія. равно необходимыхъ какъ богачу, такъ и бѣдному, ложилась бы главнымъ образомъ на предметы излишества и роскоши. несущественныхъ жизненныхъ потребностей, тѣмъ выше облагаемыхъ, чѣмъ онѣ изысканнѣе. Послѣ этого, иллюстрируя, по своему обыкновенію, выводы фактами. онъ рисуетъ мрачную картину Франціи XVI-го столѣтія, паразитизмъ привиллегированныхъ классовъ на доведенномъ до крайней степени нищеты народномъ тѣлѣ. Онъ выражаетъ опасеніе, какъ-бы дворянство, духовенство и богатые города, сложивъ всѣ государственныя тяготы на истощенный народъ, въ концѣ-концовъ, не оказались-бы на краю гибели, когда все выносящій народъ вдругъ падетъ подъ своей непомѣрной ношей, подобно общеизвѣстному не по силамъ обремененному ослу, вызывая своимъ паденіемъ общее разрушеніе государства. И опасеніе его исполнилось, правда, двумя столѣтіями позже въ формѣ Великой революціи 1789 г.

Идея всеобщаго порядка. согласнаго съ законами божества и природы, внушаетъ Бодену относительно международныхъ отношеній воззрѣнія, которыя были приняты только два столѣтія спустя, и въ которыхъ впервые мы встрѣчаемъ предчувствіе экономическаго единства Европейскихъ народовъ. Онъ приписываетъ Богу желаніе, чтобы разныя націи находились другъ съ другомъ въ дружескихъ отношеніяхъ. чтобы войны по крайней мѣрѣ не длились долго. Онъ доказываетъ положеніе, что разные народы не могутъ обходиться другъ безъ

друга уже по одному тому, что они принуждены вступать въ обмѣнъ своими продуктами Поэтому слѣдуетъ остерегаться стѣснять международную торговлю таможенными пошлинами. «Свобода обмѣна всегда выгодна съ экономической точки зрѣнія; утверждаютъ, что свобода торговли подымаетъ цѣны предметовъ потребленія. Я отрицаю это на томъ основаніи, что ввозъ товара удешевляетъ цѣну этого товара, котораго не хватаетъ при наличномъ спросѣ на него. Слыша разсужденія подобныхъ господъ, можно подъ часъ подумать, что торговецъ отдаетъ свой товаръ даромъ или что страна наша на своихъ пустынныхъ засадахъ хранитъ богатства Индіи и счастливой Аравіи!» Таковы воззрѣнія этого мощнаго ума эпохи возрожденія. Онъ вѣритъ, что естественные законы установлены Провидѣніемъ столько-же для регулированія экономическаго и соціальнаго міра, сколько и міра физическаго; онъ допускаетъ родъ предустановленной гармоніи между моральными и матеріальными интересами человѣчества. Его идеи одновременно отражаютъ въ себѣ натурализмъ возрожденія и спиритуализмъ Аристотеля. Подобный прецедентъ мы видѣли уже у стоиковъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Политическая экономія въ новѣйшее время

I.

Меркантильная система.

Въ XVI и XVII вв. философскія предубѣжденія уже не могли оказывать вліянія на политику, проникнутую реальными интересами. Это была эпоха образованія большихъ государствъ, которыя только что стали сознавать свою силу и народное единство и мечтали о полной независимости. Искусство управленія, достигшее совершенства въ Италіи, благодаря соперничеству между собою отдѣльныхъ республикъ и политическихъ партій внутри ихъ, было впервые формулировано Маккіавели (1469—1527), исключительно въ государственныхъ цѣляхъ, безъ примѣси религіознаго или моральнаго элемента. Сочиненія его сдѣлались «служебникомъ» королей. Послѣдніе не преминули воспользоваться новыми юридическими теоріями, выставлявшими на видъ авторитетъ королевской власти, но при этомъ съ ограниченіями верховной власти, которыя эти теоріи предлагали, они согласиться не могли. Національныя стремленія къ объединенію стали олицетворять личности правителей государства, они въ своемъ лицѣ и представляли государство, и власть ихъ не должна была знать никакихъ предѣловъ. Возгорѣвшаяся между ними борьба и вновь организованныя для этой цѣли постоянныя арміи по-

требовали такихъ денежныхъ затратъ, какихъ со временъ римской имперіи не зналъ еще ни одинъ народъ. Къ этому прибавилась дворцовая роскошь, открывшая монархамъ новое поле взаимнаго соперничества и расточительности. Только налоги, собираемые съ торговли и промышленности, которые достигли къ этому времени небывалыхъ размѣровъ, могли покрыть громадныя военныя издержки, и благодаря имъ же могла существовать и дворцовая роскошь. Вотъ почему тогдашніе монархи стали всячески покровительствовать мануфактурному производству и внѣшней торговлѣ, съ одной стороны, стараясь по возможности усовершенствовать производство, съ другой—увеличивая число отдаленныхъ торговыхъ конторъ и заботливо ихъ поддерживая. Въ такого рода борьбѣ, чтобы добиться успѣха, требовалось напряженіе всѣхъ народныхъ силъ. На религію стали смотрѣть или какъ на препятствіе, которое нужно было сломить, или какъ на простое орудіе: церковь во Франціи сдѣлалась органомъ государства. Исторія вступила, такимъ образомъ, въ золотой и вмѣстѣ съ тѣмъ желѣзный вѣкъ, а Европа обратилась въ арену враждующихъ другъ съ другомъ соперниковъ.

Насколько подобное положеніе дѣлъ благопріятствовало появленію на свѣтъ утилитарной политической экономіи, т. е. такой, которая, въ концѣ-концовъ, была проникнута политикой — это можетъ замѣтить безъ труда даже не особенно пытливый умъ. На этой почвѣ и возникла система, названная *меркантильною*, представляющая наиболѣе яркое выраженіе принципа *полезности* (сообразно, конечно, понятіямъ того времени) въ политикѣ. Эта система отождествляла богатство государства съ деньгами (съ золотою или серебряною монетою). Для того, чтобы больше пріобрѣсти денегъ, необходимо больше продать; для того, чтобы ихъ сохранить у себя—нужно какъ

можно меньше покупать у другого государства, ограничиваясь лишь тѣмъ сырьемъ, обработкою котораго занята мѣстная промышленность и, въ свою очередь, выпускать заграницу какъ можно меньше своихъ сырыхъ произведеній. Таможенный тарифъ необходимо такъ устроить, чтобы продавать какъ можно болѣе собственныхъ продуктовъ обрабатывающей промышленности и не допускать къ себѣ товаровъ иностраннаго производства. Такъ что, если къ концу года мы больше продали, *чѣмъ купили, то у насъ и денегъ больше, т. е. торговый* балансъ склоняется въ нашу пользу: если же мы продали на извѣстную сумму меньше, чѣмъ купили — то наше богатство уменьшилось на туже сумму. Конечный результатъ зависитъ отъ дѣйствій правительства. Послѣднее должно покровительствовать промышленности, регулировать путемъ запретительныхъ и поощрительныхъ пошлинъ привозъ и вывозъ товаровъ и устанавливать номинальную цѣну монеты. Все производство и по-*требленіе регулируетъ монархъ. Возможно болѣе широкая сво*бода предоставляется торговлѣ внутри страны, тогда какъ внѣшняя торговля обставляется безчисленными препятствіями.

Меркантильная система, происхожденіе которой восходитъ еще къ XV вѣку, во времена Кольбера, казалось, достигла своего апогея; поэтому ее и называли иногда «*кольбертизмомъ*». Однако самъ Кольберъ не всегда оставался вѣрнымъ своей программѣ. Тарифомъ 1664 года, знаменитый министръ значительно уменьшилъ таможенныя пошлины и не поднималъ ихъ до того момента, пока не возгорѣлась борьба между Голландіей и Франціей — борьба столько же политическая, сколько и экономическая. Кольберу даже приписываютъ слѣдующую фразу: «Чтобы поднять торговлю, необходимы двѣ вещи: безопасность и свобода». Впрочемъ, если сильное развитіе промышленности, которое характеризуетъ эту эпоху, и

заставляло правительство прибѣгать къ покровительственнымъ тарифамъ, чтобы поднять зарождающуюся мануфактуру, то за то, съ другой стороны, такая покровительственная система приводила къ дѣятельному обмѣну сырыхъ произведеній и заставляла искать свободнаго выхода для образовавшейся массы продуктовъ.

Что касается политико-экономическихъ сочиненій, то въ послѣднюю четверть XVI ст. ихъ появилось такое множество, что было бы затруднительнымъ разбирать всѣхъ ихъ.

Въ *Италіи* изученіе экономическихъ явленій было старинной традиціей; во Флоренціи и Венеціи торговля и промышленность рано достигли чрезвычайныхъ успѣховъ. Въ своей «Исторіи торговли» Шереръ говоритъ: «Флоренція замѣчательна тѣмъ, что коммерческія знанія были тамъ результатомъ теоретическаго изученія, не только одного опыта. Уже въ XIV ст. два флорентинскихъ негоціанта, Пегалотти и Антоніо Узанно, создали первые начатки коммерческихъ знаній. Они писали о торговыхъ центрахъ, о товарахъ, о вексельныхъ срокахъ и веденіи торговыхъ книгъ, о сухопутномъ и морскомъ транспортѣ, о страхованіи и о многихъ другихъ предметахъ. Сочиненія ихъ доказываютъ, что Флоренція болѣе, чѣмъ всякій другой городъ, обладала, какъ интеллигентными представителями торговаго сословія (которые смотрѣли на торговлю, какъ на предметъ серьезнаго изученія), такъ и учрежденіями, наиболѣе благопріятствующими торговымъ оборотамъ. Въ XVI ст. Скаруффи (1579) г.) [1]) и Даванцатти (1532 г.)

[1]) Приведенные годы показываютъ время составленія главнѣйшихъ сочиненій каждаго изъ этихъ авторовъ. Заимствуемъ у Wolowsk'аго (изъ его предисловія къ французскому переводу соч. Cibrario „Политическая экономія въ средніе вѣка") слѣдующія данныя, объясняющія раннее развитіе въ Италіи экономическихъ идей.

возобновили рядъ изслѣдованій, которыя были возбуждены еще въ средніе вѣка вопросомъ о монетѣ.

Экономическая наука родилась въ Италіи, потому что эта страна была самою населенною, богатою, отважною и свободною.

Амальфи процвѣтала уже въ X в.; ея торговля доходила до Іерусалима еще въ эпоху до крестовыхъ походовъ; промышленность обогатила этотъ небольшой городъ, прославившійся изобрѣтеніемъ компаса и составленіемъ морского кодекса. Тогда же Средиземное море сдѣлалось главнымъ торговымъ путемъ, а жители Венеціи и Генуи достигли высокой степени благосостоянія и могущества, благодаря тому, что въ ихъ рукахъ находился морской транспортъ (эта роль впослѣдствіи выпала на долю голландцевъ). Вся торговля съ Левантомъ и Африкою перешла къ нимъ, а промышленность, оживившаяся, благодаря легкости сбыта, развилась очень быстро. Могущественная своими капиталомъ и мануфактурою Флоренція наводнила всю Европу своими банками и конторами; нѣкоторые флорентійцы обладали цѣлыми королевскими состояніями. Два банкира Bardi и Perussi ссудили англійскаго короля Эдуарда III (около 1370 г.) суммою въ $1^1/_2$ милл флориновъ (золотой флоринъ=19,88 фр.). Въ началѣ XIV в. доходы флорентійской республики простирались до 300,000 флор., а расходы до 121,270, что превышало бюджетъ короля неаполитанскаго и Арагонскаго, а по свидѣтельству Маколлея, даже соединенныхъ Ирландіи и Англіи во времена Елизаветы. Флорентійцы первые ввели у себя въ XIV в. составленіе смѣтъ доходовъ и *расходовъ—«bilancio» (бюджетъ). Въ 1510 г. гонфалоньеръ Sode*rini представилъ верховному совѣту отчетъ о состояніи актива и пассива за предыдущіе восемь лѣтъ. Первый банкъ былъ основанъ въ Венеціи и въ ней же была заключена масса государственныхъ займовъ. Въ 1421 г. дожъ Mocenigo изложилъ въ замѣчательной рѣчи передъ верховнымъ совѣтомъ состояніе финансовъ и торговли. „Только вамъ,—говорилъ онъ,—открыто одинаково какъ море, такъ и суша. Вы представляете изъ себя артерію, снабжающую богатствомъ весь міръ. Весь міръ заинтересованъ въ вашемъ богатствѣ, золото отовсюду стекается къ вамъ... Я всегда заботился о томъ, чтобы уплата процентовъ по займамъ производилась аккуратно по полугодіямъ, и къ счастію достигъ этого... Берегитесь, какъ огня, посягать на чужое добро и несправедливо начинать войну. Богъ васъ накажетъ за это... Что вы будете продавать миланцамъ, если вы ихъ разорите? Да тутъ

Скаруффи былъ убѣжденъ, что европейскія государства могутъ выработать общій типъ монеты одной формы состава и обозначенія; а чтобы привести въ исполненіе эту реформу. онъ предлагалъ собрать конференцію изъ европейскихъ государствъ.

Ему принадлежитъ мысль — прилагать особое клеймо, утвержденное соглашеніемъ европейскихъ государствъ. къ золотымъ и серебрянымъ издѣліямъ. для гарантіи ихъ отъ поддѣлокъ. «Врядъ-ли, говоритъ онъ. кто-либо не согласится съ этимъ новымъ порядкомъ. такъ какъ безпорядочность денежной оцѣнки увеличивается безпрестанно. и въ тоже время каждый желаетъ обладать такимъ количествомъ чистаго металла. которое вполнѣ оплачивало-бы то, что слѣдуетъ ему получить». Въ 1613 г. Антоніо Серро издалъ трактатъ. «О причинахъ. которыя могутъ способствовать увеличенію золота и серебра въ государствахъ, лишенныхъ рудниковъ». Въ этомъ трудѣ онъ разсматриваетъ экономическіе феномены придерживаясь опредѣленной системы. Причины. объясняющія экономическія явленія. могутъ быть естественныя (рудники), частно-случайныя (плодородіе почвы. выгодное въ торговомъ отношеніи положеніе страны) или обще-случайныя (мануфактурная промышленность. морская торговля). Мануфактурныя произведенія по взглядамъ Серра представляютъ продукты болѣе опредѣленные для ремесленника, чѣмъ земля для крестьянина,

---

ли они тогда что либо вамъ въ обмѣнъ на ваши продукты? Что будетъ съ вашими продуктами, если ваши капиталы, которые вамъ нужны для ихъ производства, будутъ поглощены войною"! Ко всему этому прибавимъ еще. что въ Италіи, какъ говоритъ Cibrario, даже лица знатнаго состоянія не гнушались заниматься торговлею и завѣдывать промышленными предпріятіями. Впрочемъ сильное развитіе торговли и промышленности, начиная съ XV в., наблюдалось и во Франціи.

такъ какъ продукты послѣдней подвержены колебаніямъ, въ зависимости отъ внѣшнихъ условій: напр. отъ качества почвы. Прибыль ремесленника болѣе велика: она ему можетъ давать сто на сто, чего нельзя ожидать отъ земледѣлія. Далѣе, мануфактурныя произведенія легче сбывать, такъ какъ они менѣе подвержены порчѣ: наконецъ, выгодность мануфактурной промышленности подтверждается еще тѣмъ нерѣдкимъ фактомъ, что одинъ городъ можетъ сбывать товаровъ болѣе, чѣмъ цѣлая территорія. Если прибавить къ этому, еще то, что Серра выставляетъ во главѣ причинъ, производящихъ богатство въ странѣ, хорошую организацію политическихъ учрежденій, то мы вполнѣ опредѣлимъ то мѣсто, которое онъ занимаетъ въ ряду экономистовъ, признающихъ человѣческій трудъ и правительственную инициативу источниками созданія богатствъ.

Въ *Англіи* изслѣдованія по вопросу о монетѣ и величинѣ процента, очень рѣдкія въ средніе вѣка, продолжались до конца XVII в. Стаффордъ первый изъ англійскихъ писателей, въ одно время съ Даванцати, указалъ на опасность пониженія цѣны монеты (въ 1581 г.). Другой писатель Кульпеперъ (Culpeper) издалъ небольшой трактатъ, (1621), въ которомъ доказывалъ, что высокій процентъ является опаснымъ препятствіемъ для расширенія торговыхъ операцій Англіи, такъ какъ ставитъ эту страну въ худшее положеніе по сравненію съ Голландіей, ея соперницею. Въ 1621 г. Малайнсъ (Malynes) указывалъ на неудобство увеличенія обмѣна съ точки зрѣнія торговаго баланса. Болѣе важными трудами являются сочиненія Томаса Мэна (Thomas Mun), который первый далъ ясное и систематическое изложеніе теоріи торговаго баланса. По его мнѣнію, вся экономическая политика должна клониться къ тому, чтобы поднять торговый балансъ, т. е. внѣшняя торговля и пошлинная система должны быть такъ

согласованы между собою, чтобы удержать въ предѣлахъ страны возможно болѣе иностранныхъ денегъ. Мэнъ все-таки былъ противникомъ запрещенія вывозить драгоцѣнные металлы на покупку иностранныхъ товаровъ, такъ какъ послѣдніе, говоритъ онъ, снова могутъ быть вывезены и проданы съ прибылью.

Послѣднимъ выдающимся писателемъ этого періода былъ Чайльдъ (1688—90) который въ своихъ «Письмахъ о торговлѣ и должномъ процентѣ». (Brief observation concerning Trade and The interest of money), подобно предыдущимъ писателямъ, настаиваетъ на важности низкаго процента. Главная причина торговаго успѣха Голландіи — низшій процентъ. Чайльдъ восхищается экономическимъ развитіемъ Голландіи и выставляетъ ее образцомъ своимъ соотечественникамъ. Но вмѣсто того, чтобы разсматривать пониженіе процента въ зависимости отъ опредѣленнаго рода экономическихъ условій, существованіе которыхъ является произвольнымъ, независящимъ отъ воли человѣка, Чайльдъ считаетъ возможнымъ поддерживать величину процента на извѣстной высотѣ при помощи государственнаго вмѣшательства.

По его мнѣнію правительственная власть должна вмѣшиваться въ торговыя сношенія, не допуская, напр., торговли колоній съ другими государствами, кромѣ ея метрополіи. Тѣмъ не менѣе, благодаря Чальду, меркантилизмъ сдѣлался ученіемъ болѣе практическимъ и не столь одностороннимъ. Онъ предвидѣлъ уже несостоятельность распространенной тогда теоріи торговаго баланса, особенно въ томъ смыслѣ, какъ ее понимало большинство. Въ сочиненіи его указывается на то обстоятельство, какъ трудно бываетъ опредѣлить съ точностью количество и цѣну ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ. Затѣмъ онъ говоритъ слѣдующее по поводу торговаго баланса: Ошибоченъ

тотъ методъ сужденія, который разсматриваетъ каждую отрасль торговли въ отдѣльности. Поступая такъ, нельзя придти ни къ какимъ опредѣленнымъ выводамъ относительно всей вообще торговли. Можетъ случиться, напр., что нѣкоторыя страны вывозятъ въ Англію очень мало товаровъ, но за то такихъ, безъ которыхъ ея торговля обойтись не можетъ. Такъ, торговля Даніи и Норвегіи, съ точки зрѣнія торговаго баланса, крайне невыгодна для Англіи, между тѣмъ эти страны поставляютъ ей лѣсъ и смолу—товары, безусловно необходимые для существованія англійскаго флота».

Во *Франціи*, послѣ Бодэна, примыкавшаго по своимъ воззрѣніямъ на королевскую власть и на правительственное вмѣшательство къ школѣ меркантилистовъ, самымъ чистымъ представителемъ этого направленія явился извѣстный поэтъ Монкретьенъ Ватвилль. Принужденный вслѣдствіе дуэли бѣжать изъ Франціи, онъ поселился въ Англіи, гдѣ его поразило блестящее развитіе торговли и промышленности этой страны, тогда болѣе передовой, чѣмъ Франція. Хотя онъ не былъ знакомъ со многими изъ только что разобранныхъ сочиненій (за исключеніемъ трудовъ Стаффорда и Серра), тѣмъ не менѣе среда, въ которой онъ вращался, общеніе съ экономистами и коммерсантами тогдашняго времени, наконецъ, чтеніе Бодэна и Аристотеля, — все это могло въ сильной степени повліять на его пылкое воображеніе и вдохновить этого замѣчательнаго поэта создать истинный шедевръ.

«Трактатъ о политической экономіи» Монкретьена изданъ былъ въ 1615 г. и посвященъ Людовику XIII и его матери. Это первое сочиненіе, гдѣ наука о хозяйственныхъ фактахъ и искусство управлять ими названы политической экономіей. Названіе это было выбрано авторомъ съ тою цѣлью, чтобы противопоставить современный ему взглядъ на экономію, какъ на

теорію общественнаго хозяйства, воззрѣніямъ древнихъ, понимавшихъ подъ этимъ словомъ узкій кругъ части хозяйственныхъ интересовъ.

Подобно Аристотелю, Монкретьенъ считаетъ государство организмомъ, у котораго функцію головы исполняетъ государь душой этого организма является верховная власть — источникъ государственнаго единства и порядка. Основный законъ существованія такого общественнаго организма, какъ и всякаго другого—личный интересъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Монкретьенъ полагаетъ, что экономія, какъ искусство, должна давать практическія правила, сообразуясь всецѣло съ обстоятельствами.

Монкретьенъ признаетъ существованіе естественныхъ богатствъ и къ числу послѣднихъ относитъ произведенія земли, какъ напр., хлѣбъ, соль, вино и т. п.; онъ даже считаетъ ихъ основными элементами богатства, имѣющими большее значеніе, чѣмъ всѣ золотые и серебряные рудники Испаніи. Но безъ приложенія труда и промышленности естественныя богатства ничего не значатъ; только трудъ и промышленность могутъ имъ сообщить цѣнность. Придавая громадное значеніе въ дѣлѣ созданія народнаго богатства всякаго рода механическимъ искусствамъ, Монкретьенъ отрицательно относится къ земледѣлію, которое, по его мнѣнію, отрываетъ отъ промышленности слишкомъ много рабочихъ рукъ: а увлеченіе земледѣліемъ онъ считалъ даже вреднымъ.

Если промышленность является главнымъ источникомъ національнаго богатства, то она должна быть предметомъ особеннаго попеченія со стороны королевской власти, потому что богатство, во-первыхъ, нужно королю во всѣхъ отрасляхъ его управленія, а во-вторыхъ, интересы подданныхъ и короля совпадаютъ. Разбирая въ первой части своего сочиненія, что

слѣдовало бы сдѣлать Людовику XIII для улучшенія положенія различныхъ искусствъ. Монкретьенъ подаетъ ему слѣдующіе совѣты: необходимо завести общественныя мастерскія, гдѣ могли бы найти себѣ работу множество бродягъ, учредить ремесленныя школы съ обязательнымъ въ нихъ обученіемъ, не допускать въ страну иностранныя издѣлія и улучшить издѣлія мѣстныхъ фабрикъ, завести иностранныя мануфактуры и т. д.

«Счастіе людей заключается въ богатствѣ, а богатство въ трудѣ. Какъ у животныхъ, когда есть сердце, есть и кровь, такъ и государство, у которыхъ есть промышленность, есть и богатство». Такими словами заканчиваетъ Монкретьенъ первую часть своего труда. Предметомъ второй части служитъ вопросъ, какъ долженъ руководить государь торговлею своего народа. Согласно основнымъ взглядамъ Монкретьена, государь и въ этой области свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ: онъ можетъ произвольно стѣснять или освобождать отъ стѣсненій торговлю; интересы государя тоже, что и государственные интересы. Вся прибыль, говоритъ онъ, доставшаяся вашимъ подданнымъ отъ торговли, промышленности или земледѣлія должны, въ случаѣ необходимости, пойти на государственныя нужды или на личныя нужды короля. Богатство вашихъ подданныхъ есть ваше богатство. Королю иногда бываетъ и выгоднымъ разрѣшить иностраннымъ подданнымъ свободно торговать въ его государствѣ съ тѣмъ условіемъ, конечно, чтобы и его подданные получили такое же право въ соотвѣтственныхъ государствахъ—но это исключительные случаи. Нормальное состояніе государствъ въ торговыхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ — взаимная борьба за существованіе. Необходимо ревниво оберегать свои естественныя богатства отъ хищническихъ посягательствъ на нихъ со стороны иностранцевъ.

Вообще говоря, Монкретьенъ былъ большимъ привержен-

цемъ промышленности [1]) и механическихъ искусствъ и государственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь народа. Но онъ не забывалъ и того, что механическія искусства зависятъ отъ природы, а королевская власть должна руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ интересами своихъ подданныхъ, счастіе которыхъ и есть ея разумное основаніе.

II.

Теорія общественнаго кредита и ея заблужденіе.

Было, конечно, ошибочнымъ считать золотую и серебряную монету основнымъ богатствомъ государства и видѣть въ искусной правительственной регламентаціи торговли и промышленности единственное средство упрочить это богатство. Но такъ какъ промышленность предполагаетъ пользованіе сырыми матеріалами, извлекаемыми изъ земли, то такого рода идеи предоставляли извѣстную перспективу и земледѣлію, которое не могло не воспользоваться этимъ. Идея, которая ставила развитіе общественнаго хозяйства въ зависимость отъ правительственнаго воздѣйствія или вообще отъ воли людей, должна была рано или поздно проявиться въ болѣе смѣлой формѣ. И вотъ въ концѣ XVII в. и въ началѣ XVIII-го открыли новые источники къ увеличенію обмѣна, которые предоставлялъ кредитъ. Сообразно господствовавшимъ тогда понятіямъ, кредитъ тоже былъ отданъ въ руки королевской власти, какъ новое средство для созданія богатства.

---

[1]) Необходимо помнить, что подъ словомъ «промышленность» Монкретьенъ, какъ и другіе меркантилисты понимали, главнымъ образомъ, обрабатывающую промышленность — индустрію, переживавшую тогда переходную стадію своего развитія отъ простаго ремесла къ мануфактурѣ. *Прим. пер.*

Это было послѣднимъ усиліемъ меркантильной доктрины и въ то же время ея паденіемъ. Она царила въ Европѣ съ 1570 по 1721 годъ въ который пала система Джона Ло.

Публичные банки основаны были въ 1157 г. въ Венеціи, въ 1349 г. въ Барцелонѣ, въ Генуѣ въ 1407, въ Ліонѣ въ 1543, въ Амстердамѣ въ 1609, въ Гамбургѣ въ 1619 и въ Лондонѣ въ 1694 году. Банки возникли изъ учрежденій, принимавшихъ деньги на храненіе; первоначально они выпускали билеты, обезпечивая ихъ сполна звонкой монетой, которую сами и чеканили. Потомъ эти простые банки дѣлались мало-по-малу оборотными (циркуляціонными), отвѣчая нуждамъ торговли, все болѣе и болѣе расширяющей свои рынки, и стали выпускать такіе билеты, цѣнность которыхъ устанавливалась соотвѣтственно кредитамъ, имъ оказываемымъ.

Ло близко стоялъ у дѣлъ амстердамскаго банка и ясно видѣлъ опасное положеніе шотландскаго. Вся экономическая система этого геніальнаго игрока возникла въ его умѣ при наблюденіи за ходомъ операцій этихъ банковъ. Деньги, думалъ онъ, не только орудіе мѣны, онѣ еще—вознагражденіе за трудъ, а такъ какъ множество рукъ остается въ бездѣйствіи, потому что имъ не предлагается никакого труда, то чѣмъ болѣе въ странѣ будетъ денегъ, тѣмъ болѣе будетъ и занятыхъ работниковъ; тогда даже явятся изъ-за границы рабочія руки, чтобы предложить свой трудъ; кромѣ того, съ увеличеніемъ количества денегъ увеличится число рабочихъ семей, такъ какъ онѣ будутъ болѣе обезпечены. Такимъ образомъ, увеличеніе числа денегъ въ странѣ поведетъ за собою приростъ населенія. Это станетъ замѣтнымъ не только въ городахъ, но и въ деревняхъ, такъ какъ земледѣліе нуждается въ монетѣ не меньше, чѣмъ мануфактурная промышленность. Деньги есть основной принципъ труда, культуры

и населенности. Страна богата, когда въ ней денегъ много, и бѣдна, когда ихъ мало.

Изобиліе денегъ есть не только причина благосостоянія — оно есть условіе, безъ котораго не будетъ справедливости въ экономическихъ отношеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, происходитъ безпрерывная борьба между владѣльцами денегъ и собственниками вещей. Послѣдніе предписываютъ законы первымъ, когда всякаго рода товары становятся рѣдкими на рынкѣ и въ свою очередь, должны подчиняться законамъ своихъ противниковъ, когда число товаровъ увеличится. Однако, справедливость и общій интересъ требуютъ, чтобы мѣновая стоимость или рыночная цѣна производства вещей не превышала ихъ издержекъ. Есть только одно средство достиженія этого результата: поставить количество монеты въ постоянное соотвѣтствіе съ количествомъ вещей (обращающихся на рынкѣ). Задача эта будетъ достигнута съ того момента, когда явится возможность гарантировать извѣстнымъ количествомъ монеты всѣхъ тѣхъ, которые заявили требованіе на нее. Деньги, какъ богатство, обладаютъ тѣмъ характернымъ свойствомъ, что производятъ еще новыя богатства, такъ какъ, благодаря имъ, получаютъ цѣнность производительныя силы, которыя оставались бы безъ приложенія, при отсутствіи денегъ. Необходимо поэтому въ интересахъ справедливости стремиться къ ихъ изобилію.

Но что такое деньги?

Необходимо различать два элемента въ монетѣ: во-первыхъ — металлъ, изъ котораго она сдѣлана, во-вторыхъ — оттискъ.

Металлъ есть обыкновенный товаръ: кусокъ металла безъ оттиска, который дѣлаетъ его монетою, разумѣется, не можетъ приниматься въ обмѣнъ на другіе товары или на

трудъ и не даетъ той пользы, которую мы извлекаемъ изъ монеты. Только гарантія государства дѣлаетъ его орудіемъ обмѣна: государство пускаетъ въ обращеніе и надѣляетъ его свойствомъ выражать опредѣленныя цѣнности. Эта гарантія, будучи сама извѣстной цѣнностью, прибавляется къ цѣнности металла, какъ товара.

Еслибы можно было отдѣлять этотъ второй элементъ отъ перваго, тогда можно было бы безконечно увеличивать количество денегъ, такъ какъ этотъ второй элементъ зависитъ отъ человѣческой воли. Чтобы достигнуть этой цѣли, прибѣгали уже къ разнообразнымъ средствамъ: иногда поднимали нарицательную цѣну монеты, иногда понижали ее, но, къ несчастію, до сихъ поръ не достигли того, чтобы освободить кредитную цѣнность монеты отъ стѣсненій, налагаемыхъ на нее внутреннею товарною цѣною металла. То, чего не съумѣли сдѣлать съ металлическою монетой, было успѣшно достигнуто банками въ бумажныхъ деньгахъ. Билеты вошли въ обращеніе по гарантіи банковъ, точно также, какъ и звонкая монета, и даже съ большимъ еще успѣхомъ, потому что они облегчаютъ и ускоряютъ обмѣнъ, безопасно могутъ быть вывозимы, кромѣ того, обладаютъ большею точностью и не такъ удобны для всякаго рода поддѣлокъ. Но самая важная выгода ихъ состоитъ въ томъ, что тогда, какъ теперь бумажныя деньги обращаются въ количествѣ, равномъ ихъ обезпеченію, ихъ можно выпускать еще на болѣе крупныя суммы, и чѣмъ болѣе ихъ выпускать, тѣмъ болѣе будетъ увеличиваться денежная наличность.

Итакъ, задача о произвольномъ увеличеніи денегъ была разрѣшена и вмѣстѣ съ тѣмъ должны были, благодаря этому средству, умножиться пропорціонально трудъ и благосостояніе, которое послѣдній производитъ. Вотъ что сдѣлали Амстер-

дамскій. Лондонскій и Шотландскій банки. Послѣдній. правда, принужденъ былъ прекратить платежи. Но еслибы правительства были солидарны съ банками. тогда можно было бы избѣжать повторенія подобныхъ случаевъ. потому что «кредитъ зависитъ отъ человѣческой воли». Достаточно было бы правительству выпустить въ обращеніе мелкія бумаги, чтобы только дать время металлическимъ деньгамъ вернуться въ банкъ, или понизить законную пробу всякій разъ. когда это является необходимымъ. Уже одно извѣстіе о подобныхъ мѣрахъ могло возстановить кредитъ. лишь бы только въ государствѣ нашлось желаемое количество монеты. Впрочемъ, всегда можно обезпечить выпускаемыя бумаги залогомъ земли. Вотъ какова была «система» Ло. Въ такомъ видѣ она излагается въ «письмахъ» аббата Террасона, (1720) который писалъ ихъ по порученію самого Ло. въ защиту его системы передъ взволновавшимся тогда общественнымъ мнѣніемъ. и въ трудахъ Бордэлэ Мелона (Bordelais Melon), который былъ секретаремъ знаменитаго спекулянта. Для ученика, какъ и для учителя представлялось. что кредитъ зависитъ всегда отъ правительства и есть величина произвольная. «*Хорошій банкъ тотъ, который ничего не платитъ*» — принципъ. изъ котораго сдѣлали шутку. но который. все таки, основателенъ; тотъ, кто не платитъ. это значитъ тотъ, которому правительство предоставило принудительный курсъ.

Дюто тоже является ярымъ партизаномъ системы Ло и высказываетъ тѣ же взгляды.

Философскій камень былъ. наконецъ, открытъ, и въ рукахъ правительства явилось средство дѣлать золото. а вмѣстѣ съ тѣмъ и творить по желанію богатство, если не до безконечности, то. по крайней мѣрѣ. настолько, чтобы можно было согласовать количество денегъ съ предполагаемою цѣн-

ностью вещей, упрочить торговый балансъ и дать примѣненіе всѣмъ наличнымъ производительнымъ силамъ.

Извѣстно, что предложенія Ло, принятыя Регентомъ, только ускорили банкротство вмѣсто того, чтобы его предотвратить. Спустя нѣсколько лѣтъ палъ и англійскій банкъ, дѣла котораго блестяще шли въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Описывать подробности этихъ крушеній мы предоставляемъ историкамъ; достаточно сказать, что они были эпилогомъ первой фазы современной политической экономіи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Теорія естественнаго богатства.

I.

Предшественники физіократовъ (Пименъ, Локкъ).

Возвратимся нѣсколькими годами назадъ, къ концу царствованія Людовика XIV.

Борьба за гегемонію, веденная съ крайнимъ напряженіемъ силъ Франціею съ другими европейскими народами, какъ на полѣ битвъ, такъ и на экономической почвѣ, въ конецъ истощила силы страны. Людовикъ XIV оставилъ сельское населеніе въ ужасающей нищетѣ. Сердца честныхъ людей, способныхъ оцѣнить величину этого зла и понять его глубину, конечно, были возмущены этимъ. Въ концѣ царствованія Вобанъ и Буагильберъ обратились съ краснорѣчивымъ призывомъ къ милосердію въ пользу несчастныхъ, обездоленныхъ тяжкими поборами и притѣсненіями. Но они всю надежду на исцѣленіе золъ, причиненныхъ королевскою властью, возлагали на нее самое и ихъ цѣль была тронуть сердце короля. Если они въ этомъ и не успѣли, то мы увидимъ, что ихъ послѣдователи—физіократы были счастливѣе въ этомъ отношеніи при короляхъ Людовикѣ XV и Людовикѣ XVI. Эта одна

изъ характерныхъ чертъ политической экономіи той эпохи: сильно развившіяся симпатіи къ страданіямъ низшаго класса населенія способствовали появленію переворота въ воззрѣніяхъ политической экономіи, въ которой въ предшествующую эпоху выраженія такого рода сочувствія почти не замѣчалось.

Вобану приходилось не разъ посѣщать отдаленные углы королевства, такъ что съ экономическимъ бытомъ народа онъ былъ близко знакомъ. Онъ подозрѣвалъ, что всѣ тогдашнія народныя бѣдствія составляютъ результатъ неудачнаго распредѣленія богатства; послѣднее, говорилъ онъ, заключается не въ обладаніи большими запасами золота и серебра, а въ изобиліи и дешевизнѣ предметовъ, необходимыхъ для существованія; кромѣ того, богатство зависитъ отъ числа гражданъ и достоинства ихъ. Рабочій, земледѣлецъ, вся масса мелкаго люда, дотолѣ всѣми (за исключеніемъ Монкрэтьена) презираемаго, пріобрѣли въ глазахъ Вобана громадное, небывалое значеніе. Онъ понималъ, что интересы государя не могутъ быть противоположными интересамъ народа; государь въ его глазахъ былъ главою обширнаго организма, котораго ни одинъ органъ не могъ терпѣть страданіе, безъ того, чтобы оно не отразилось на всемъ организмѣ. Въ своемъ сочиненіи «Королевская десятина» онъ выставляетъ экономическою аксіомою то положеніе что, если центральная власть и вправѣ налагать на народъ, взамѣнъ покровительства, которое оно ему оказываетъ, извѣстные сборы, необходимые для исполненія общегосударственныхъ повинностей, то необходимо распредѣлять эти сборы пропорціонально доходамъ каждаго и не дѣлать никакихъ изъятій: «потому что всякая привиллегія, которая направлена на изъятіе кого бы то нибыло изъ общихъ сборовъ въ пользу государства, несправедлива и беззаконна». Здѣсь, слѣдовательно, идея справедливости проникаетъ и въ политическую

экономію, всецѣло преданную дотолѣ сухой «хрематистикѣ» и искусству наполнить какою угодно цѣною государственную казну. Изъ чувства гуманности и справедливости и произошелъ предложенный Вобаномъ проектъ всеобщаго подоходнаго налога — королевской десятины: смягченный и поставленный авторомъ въ соотвѣтствіи съ требованіями реальной политики, онъ не былъ такимъ радикальнымъ, какимъ могъ казаться на первый взглядъ. Извѣстно, что придворные и финансисты, которые могли все потерять въ случаѣ осуществленія этого проекта, безъ труда добились того, что Вобанъ впалъ въ немилость у короля, а книга его была изъята изъ обращенія. Буагильбера, который былъ тѣхъ же убѣжденій, что и Вобанъ, постигла таже участь. Но книги ихъ остались образцомъ для другихъ экономистовъ.

Что особенно заслуживаетъ вниманія у обоихъ писателей, даже болѣе чѣмъ благородные порывы, которыми проникнуты ихъ сочиненія, это—методъ, которымъ они пользовались. Самая кропотливая и терпѣливая статистическая работа даетъ имъ матеріалъ для самыхъ возвышенныхъ мнѣній. Первымъ, кто научился въ совершенствѣ владѣть этимъ орудіемъ политической экономіи, былъ одинъ французъ, жившій въ XVI в., имя котораго скрыто псевдонимомъ. Въ своемъ сочиненіи «Финансовыя тайны» онъ прибѣгаетъ къ воображаемымъ цыфрамъ, чтобы затемнить нѣсколько картину разрушенія, произведеннаго религіозными войнами.

Статистическій методъ былъ извѣстенъ и Монкретьену, но Буагильберъ и Вобанъ впервые дали ему широкое примѣненіе и съумѣли воспользоваться имъ. «Королевская десятина» опирается на анализѣ числовыхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ. Кромѣ того, въ этой книгѣ авторъ указываетъ на необходимость ежегодныхъ переписей

основныхъ элементовъ общественнаго богатства Франціи. Вообще она настолько проникнута духомъ положительныхъ наукъ, что предлагаетъ частичное примѣненіе этой реформы въ двухъ или трехъ провинціяхъ въ видѣ опыта. Изъ этого видно, насколько великій умъ Вобана опередилъ свое время, когда идея о примѣненіи опыта къ политикѣ и въ наши дни остается еще новою и спорною.

Физіократы явились не только продолжателями Вобана и Буагильбера, но воспользовались цѣлымъ рядомъ техническихъ изслѣдованій англійскихъ экономистовъ, сочиненія которыхъ заняли видное мѣсто въ литературѣ съ конца предыдущаго столѣтія.

Взгляды Буагильбера и Вобана нашли себѣ многихъ послѣдователей, продолжавшихъ разрабатывать основныя черты новой экономической идеи, явившейся предвозвѣстницей физіократической школы. Въ числѣ этихъ послѣдователей Вобана упомянемъ *Вилліама Петти* *) (1623—1687). Уже Чайльдъ указалъ на нѣкоторыя непослѣдовательности покровительственной системы, которую можно было-бы назвать системою дурно понятаго національнаго эгоизма. Петти ушелъ впередъ еще далѣе, хотя онъ всегда имѣлъ въ виду величіе Англіи и относился къ иностранцамъ, какъ патріотъ. Онъ жилъ въ то время, когда Англія цѣною кровавыхъ революцій добилась своей политической и религіозной свободы, сломила могущество Голландіи, господствовавшей до той поры въ сѣверныхъ

---

*) Петти пятнадцати лѣтъ отъ роду пріѣхалъ съ небольшимъ количествомъ товаровъ во Францію; здѣсь слушалъ университетскій курсъ въ Канѣ, который затѣмъ продолжалъ въ Парижѣ и въ Голландіи. Возвратившись въ Англію, изучалъ музыку и медицину. Петти извѣстенъ также и своими механическими изобрѣтеніями. Нѣкоторыя сочиненія его появились одновременно на французскомъ и англійскомъ языкахъ.

моряхъ и остановила развитіе французскаго флота. Въ это время Англія успѣла уже организовать у себя могущественную промышленность и торговлю и, обезпечивъ себя отъ всякой конкурренціи «актомъ о мореплаваніи», стремилась завязать дѣятельныя торговыя сношенія съ остальными народами Европы. Петти былъ поборникомъ мирной политики и единственною задачею для королевской власти полагалъ развитіе производительныхъ силъ страны. Наиболѣе совершеннымъ орудіемъ для такого экономическаго развитія, по мнѣнію Петти, должна служить статистика, т. е. точное исчисленіе элементовъ народнаго богатства. Будучи военнымъ врачемъ. Петти былъ назначенъ. благодаря знанію математики. на ревизію земельныхъ участковъ, *отведенныхъ въ Ирландіи солдатамъ Кромвелля.* Воспользовавшись этимъ случаемъ, онъ составилъ нѣчто въ родѣ *анатомическаго* очерка несчастнаго острова по методу, прославленному Бэкономъ въ естественныхъ наукахъ.

Такъ какъ человѣческій трудъ и земля являются двумя неразрывными факторами всякаго богатства, то, чтобы, опредѣлить экономическое положеніе какой либо страны и предусмотрѣть ея будущность. необходимо, съ одной стороны, изслѣдовать ея территоріальныя условія, съ другой. разсмотрѣть взаимныя отношенія населенія къ различнымъ отраслямъ труда. Такого рода статистическій пріемъ Петти называетъ «политическою ариѳметикою». По его мнѣнію, страна съ небольшою территоріею можетъ прокормить большее относительно количество людей, владѣть большимъ богатствомъ, развить больше свои силы, чѣмъ страна. обладающая большею территоріею; поэтому Англія должна получить превосходство передъ Франціею. несмотря на меньшее пространство территоріи Англіи. Во-первыхъ, говоритъ Петти, Лондонъ болѣе населенъ, чѣмъ Парижъ, Римъ и Руанъ, взятые вмѣстѣ; плотность населенія есть условіе, бла-

гопріятствующее для развитія промышленности Прибыль, получаемая отъ мануфактурнаго предпріятія тѣмъ больше. чѣмъ крупнѣе и усовершенствованнѣе сама мануфактура. Такъ, въ большомъ городѣ одна мáнуфактура рождаетъ другую. и каждая въ отдѣльности раздѣляется еще на возможно болѣе мелкія части, чѣмъ достигается упрощеніе и облегченіе труда каждаго рабочаго. Какъ напримѣръ, можно указать на производство часовъ: если одинъ рабочій будетъ дѣлать колеса, другой пружины, третій циферблатъ, тогда часы будутъ дешевле и лучше. чѣмъ тогда. когда вся работа была бы исполнена однимъ рабочимъ. И мы видимъ. что въ нѣкоторыхъ городахъ или даже улицахъ одного большого города. тамъ. гдѣ жители ихъ заняты исключительно одною отраслью промышленности. сорта продуктовъ. ими выдѣлываемыхъ. становятся все выше и выше. чѣмъ гдѣ бы то ни было. Тоже можно сказать и про деревню. И здѣсь. до извѣстнаго предѣла. впрочемъ, весьма отдаленнаго,—чѣмъ болѣе людей заняты землею, тѣмъ болѣе она производитъ и тѣмъ больше народу она можетъ прокормить. Поэтому-то земли, находящіяся вблизи городовъ обладаютъ большею цѣнностью. чѣмъ земли удаленныя. Уже на англійской территоріи, если не считать непроизводительныхъ гражданъ болѣе многочисленныхъ во Франціи. чѣмъ въ Англіи, существуетъ столько же производительнаго населенія. сколько и во Франціи. но оно еще можетъ увеличиться. Достаточно разрѣшить иностранцамъ покупать земли въ Англіи; прибыль. полученная отъ продажи земли доставила бы возможность многимъ молодымъ людямъ заняться торговлею. такъ что появленіе этихъ новыхъ капиталовъ увеличенныхъ банками, удвоило бы богатство Англіи. и сообразно съ этимъ. возросло бы и морское ея могущество. Съ этого момента (1582 г.) Англія

вполнѣ можетъ утверждаться въ роли морской державы. Франція не въ силахъ съ нею соперничать такъ какъ причины длительныя, напр. недостатокъ портовъ, или постоянныя, какъ напр. неудовлетворительность ея торговаго флота, зависящая отъ разнообразія продуктовъ, ею вывозимыхъ, мѣшаютъ ей имѣть сильный военный флотъ. Понятно, эти результаты будутъ достигнуты Англіею, если она будетъ убѣждена въ томъ, что за послѣдніе сорокъ лѣтъ она много выиграла въ силѣ и богатствѣ и что препятствія, которыя представляются ея возвышенію, легко побѣдимы, а теперешнее ея состояніе далеко до упадка. Необходимо ей объединить законодательство и администрацію трехъ королевствъ и не слѣдуетъ ей бояться увеличенія налоговъ, которое есть признакъ, даже болѣе того—причина богатства, а нужно ихъ уравнять, не ограничиваясь земельнымъ налогомъ, обложить трудъ и продукты мануфактурные; далѣе, она должна воздерживаться отъ регулированія роста (процентовъ) законодательнымъ порядкомъ и, доставить, наконецъ, возможность свободно высказываться общественному мнѣнію.

Большая часть всѣхъ этихъ требованій вошла въ программу конституціонной монархіи, возстановленной революціей 1688 г., спустя годъ послѣ смерти Петти.

Признаніе идей свободной торговли и защита ихъ, въ противоположность запретительной системѣ, вошедшей въ употребленіе послѣ англійской революціи, мы находимъ въ трудѣ Дедлея Норта (Dudley North), изданномъ въ 1691 г. Онъ доказываетъ, что богатство можетъ существовать независимо отъ золота и серебра, что источникомъ богатства является человѣческій трудъ, приложенный или къ обработкѣ земли или къ промысламъ. Все таки драгоцѣнные металлы, по его мнѣнію, представляютъ одинъ изъ важныхъ

элементовъ національнаго богатства и могутъ оказывать большія услуги. Что касается денегъ, то ихъ можетъ и не хватать можетъ быть и слишкомъ много; количество ихъ, нужное для цѣлей торговли, мѣняется сообразно съ обстоятельствами, и уровень этихъ колебаній регулируется самопроизвольно. Думать, что застой въ торговлѣ есть результатъ недостатка денегъ—это Нортъ считаетъ ошибочнымъ, такъ какъ застой въ торговлѣ происходитъ или отъ переполненія внутренняго рынка товарами, или отъ разстройства иностранной торговли, или, наконецъ, отъ уменьшенія потребленія, вслѣдствіе бѣдности. Вывозъ денегъ для торговыхъ цѣлей вовсе не уменьшаетъ національнаго богатства, напротивъ, увеличиваетъ его, потому что торговля существуетъ тамъ, гдѣ есть обмѣнъ излишковъ. Въ отношеніи торговли весь міръ является одною націею, такимъ народомъ, гдѣ отдѣльныя націи фигурируютъ, какъ отдѣльныя личности. Упадокъ торговли въ одной странѣ неминуемо отразится на всемірной торговлѣ, такъ что нельзя торговлю одной страны разсматривать отдѣльно отъ другихъ странъ, потому что всѣ части цѣлаго,—всемірной торговли—согласованы между собою. Относительно процента Нортъ говоритъ, что какъ цѣны всѣхъ благъ, такъ и процентъ опредѣляется спросомъ и предложеніемъ, а низкій процентъ зависитъ отъ относительнаго увеличенія капиталовъ, и не можетъ подлежать произвольному регулированію, какъ думали Чайльдъ и другіе экономисты. Вообще, говоритъ Нортъ, никакой законъ не можетъ устанавливать цѣнъ, онѣ опредѣляются сами собою и всякое вмѣшательство закона въ эту область только затруднитъ торговлю, слѣдовательно, принесетъ вредъ, а не пользу. Напрасны всякія стремленія къ ограниченію и притѣсненію: ни одинъ народъ не разбогатѣлъ отъ государственныхъ мѣропріятій, народное благосостояніе зависитъ отъ мира,

трудолюбія и свободы. Читатель вскорѣ увидитъ насколько подобныя идеи Норта послужили Ад. Смиту; что касается Локка, то послѣдній, кажется не былъ знакомъ съ трудами Норта.

Политическій строй, установившійся въ Англіи послѣ революціи 1686 г., предполагалъ у каждаго человѣка существованіе естественныхъ правъ, присущихъ ему еще до возникновенія общества, которое разсматривалось какъ результатъ договорнаго соглашенія между его членами. Теорія естественнаго права —плодъ полубиблейскихъ, полустоическихъ взглядовъ, смѣшеніе вѣры и разума,—была изложена Локкомъ въ его «Трактатѣ о правительствѣ». Мы увидимъ, что политическая философія физіократовъ есть не что иное, какъ воспроизведеніе взглядовъ Локка. Вмѣстѣ съ этой теоріей въ главѣ «О собственности» Локкъ даетъ изложеніе наиболѣе общихъ принциповъ политической экономіи, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и приступимъ.

Богъ создалъ землю общею для всѣхъ людей. Въ естественномъ состояніи ничто не принадлежитъ кому-нибудь въ отдѣльности. Для того, чтобы какой-нибудь индивидъ могъ утилизировать продукты земли, необходимо, чтобы часть ихъ онъ пріобрѣлъ въ собственность. Какъ же происходитъ это присвоеніе?—Трудомъ. Несомнѣнно, каждый принадлежитъ самому себѣ, тѣло его принадлежитъ ему, дѣятельность рукъ его принадлежитъ ему, и на этомъ основаніи продукты этой дѣятельности тоже принадлежатъ ему. «Человѣкъ, который питается желудями, собирая ихъ подъ дубомъ, или яблоками, срывая ихъ съ деревьевъ, въ лѣсу,—этимъ самимъ присваиваетъ ихъ. Очевидно, только трудъ и забота собрать эти продукты дѣлаютъ ихъ принадлежащими отдѣльному человѣку. Трудъ, отдѣляетъ эти плоды отъ остальной массы благъ, которыя

принадлежатъ вообще всѣмъ людямъ, и, надѣляя ихъ особеннымъ качествомъ, которымъ природа—общая мать всѣхъ—эти плоды не снабдила въ частности, дѣлаетъ ихъ такимъ образомъ частнымъ благомъ».

Естественный разумъ и откровеніе, на которыхъ основано право собственности, являются въ тоже время и ограниченіями его. Если кто захватитъ естественныхъ благъ болѣе, чѣмъ ихъ необходимо для его употребленія, то этимъ онъ нарушитъ права остальныхъ; или если кто-нибудь соберетъ плоды сверхъ надобности, и плоды эти портятся и пропадаютъ,—онъ точно также нарушаетъ права своего ближняго. Другое ограниченіе права собственности заключается въ самой невозможности для человѣка присвоивать, именно: трудъ человѣка можетъ оперировать только надъ извѣстнымъ количествомъ матеріала, такъ что весь остальной матеріалъ, не подлежащій его труду, долженъ составить достояніе прочихъ людей.

Тотъ-же законъ царствуетъ въ присвоеніи земли. Она принадлежитъ тому, кто первый вспахалъ ее и обработалъ, какъ вода изъ ручья принадлежитъ тому, кто набралъ ее, чтобы напиться; но владѣніе землею подчинено тѣмъ же условіямъ, что и владѣніе плодами. «Если хлѣбъ на чьей либо землѣ сгніетъ или плоды съ деревьевъ, имъ посаженныхъ, пропадутъ отъ того, что этотъ человѣкъ не заботился о нихъ, то, хотя земля эта и отмежевана, — она должна быть разсматриваема, какъ заброшенная, и должна перейти къ кому-нибудь другому».

«Собственность, основанная на трудѣ, является центромъ коммунальной собственности на землю. Только трудъ придаетъ стоимость вещи. Если принять въ соображеніе разницу между участкомъ земли, на которомъ посаженъ табакъ

или сахарный тростникъ, и участкомъ земли, который оставленъ въ общую собственность безъ того, чтобы какой нибудь отдѣльный собственникъ прилагалъ къ нему свои заботы,—то легко можно убѣдиться, что результаты труда составляютъ наибольшую часть цѣнности того, что произведено землей. Если я скажу, что $^{9}/_{10}$ продукта обработанной земли приходится на долю труда, то я думаю, что и такой разсчетъ будетъ слишкомъ умѣреннымъ. Я скажу даже болѣе того: чтобы истинно оцѣнить вещи, нужно отнести на долю труда 99 частей изъ 100».

Итакъ, основаніе собственности лежитъ въ личности человѣка и его дѣятельности. Изъ тѣхъ же принциповъ вытекаетъ объясненіе сложныхъ формъ собственности.

Излишество продуктовъ, собранныхъ однимъ человѣкомъ, по отношенію къ общему достоянію, происходитъ отъ того, что не всегда является возможность, собирая припасы, предохранить ихъ отъ порчи. Если кто нибудь обмѣниваетъ часть своихъ припасовъ на такіе, которые меньше подвергаются порчѣ (напр., если обмѣнять яблоки на орѣхи), то этимъ права другихъ не нарушаются: въ данномъ случаѣ, получается естественный избытокъ. Такой результатъ даетъ пользованіе деньгами въ торговлѣ; послѣднія позволяютъ сосредоточивать богатство въ однѣхъ рукахъ, не принося въ то же время ущерба другимъ. Онѣ приводятъ къ существованію законнаго неравенства; соглашеніе людей утверждаетъ существованіе денегъ и, допуская торговлю, узаконяетъ этимъ самимъ послѣдствія, которыхъ избѣжать нельзя.

Эти идеи нашли отголосокъ въ XVIII вѣкѣ: отраженія ихъ мы встрѣтимъ въ воззрѣніяхъ Смита и Ж. Ж. Руссо. На ряду съ этими философскими взглядами о происхожденіи собственности, идеалы Локка выразились еще въ чисто эко-

номическихъ сочиненіяхъ, именно, въ трехъ небольшихъ трактатахъ, появлявшихся съ 1692 по 1695 г.

Самый важный изъ нихъ носитъ заглавіе. «О пониженіи процента и возвышеніи цѣнности монеты» («Considerations of the lowering of interest and raising the value of money»). Англія тогда много терпѣла отъ недобросовѣстной чеканки серебряной монеты, которую безнаказанно урѣзывали, такъ что въ среднемъ она сохраняла только половину законнаго вѣса. Торговыя сдѣлки останавливались, цѣны съѣстныхъ припасовъ подымались и началось общее разстройство дѣлъ; правительство стремилось упорядочить его тѣмъ, что декретами возвышало цѣну прежней монеты или чеканило новую монету того же наименованія, но низшаго достоинства. Локкъ, послѣ дѣятельной борьбы, успѣлъ доказать эту ошибку и достигъ наконецъ въ 1695 г. того, что монета была законнымъ образомъ перечеканена, но добиться уничтоженія регулировки денежнаго роста правительствомъ онъ не успѣлъ; это случилось годъ спустя послѣ его смерти въ царствованіе королевы Анны.

Въ рѣшеніи этихъ двухъ вопросовъ Локкъ былъ либералъ. «Золото и серебро, говорилъ онъ, такія же полезности по своей природѣ, какъ и всѣ другія; невозможно возвысить законодательнымъ путемъ цѣнность золотой или серебряной монеты. Вы можете, правда, приказать парламентскимъ актомъ, чтобы 6 пенсовъ назывались впредь шиллингомъ, но въ дѣйствительности никакой перемѣны отъ этого не будетъ, такъ какъ предметовъ потребленія можно будетъ купить все же только на шесть пенсовъ: вы вскорѣ увидите, что новый шиллингъ на рынкѣ станетъ обладать покупательной силой прежнихъ 6-ти пенсовъ, а слѣдовательно, если правительство взяло себѣ эту разницу, то оно просто

похитило у своихъ подданныхъ сумму, равную этой разницѣ, тоже самое можно сказать и о денежномъ процентѣ. При обыкновенныхъ условіяхъ, цѣна пользованія деньгами не можетъ быть установлена закономъ; возвышеніе закономъ иной цѣны сверхъ естественной рыночной — окажется вредной для общественныхъ интересовъ. Законъ обойдутъ и указной ростъ будетъ совершенно безполезенъ. Онъ затруднитъ совершеніе займовъ, задержитъ обращеніе капиталовъ, парализуетъ промышленность и торговлю и собственника капитала превратитъ въ простого хранителя денегъ».

Локкъ такимъ образомъ является чистымъ предшественникомъ физіократовъ тамъ, гдѣ теоріи его основываются на существованіи естественныхъ законовъ и въ особенности на законѣ спроса и предложенія, который былъ имъ очень точно формулированъ; кромѣ того, онъ высказывалъ еще ту мысль, что всѣ налоги въ концѣ концовъ сводятся къ налогу на продукты земледѣльца, чьей бы рукой онъ ни вносился въ казначейство. Но, за исключеніемъ этихъ положеній, въ которыхъ онъ является противникомъ Чайльда, Локкъ вообще былъ защитникомъ меркантильной системы и торговаго баланса.

II.

Дальнѣйшее развитіе физіократическихъ идей.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ (1-го янв. 1771 г.) Тюрго, перечисляя тѣхъ писателей, которымъ обязана политическая экономія, какъ наука, своимъ существованіемъ, называетъ среди именъ Мелона, Монтескье, Юма, Кэнэ, Гурнэ, также имя Кантильона. Кто же такой былъ Кантильонъ? Извѣстно, что онъ былъ купецъ ирландскаго происхожденія,

разбогатѣвшій уже въ Лондонѣ, откуда онъ пріѣхалъ въ Парижъ незадолго до прибытія туда Ло. Въ Парижѣ Кантильонъ основалъ банкъ и, благодаря своимъ связямъ съ высшимъ обществомъ, а также и финансовой ловкости, быстро пріобрѣлъ тамъ обширное довѣріе. Предчувствуя въ немъ соперника, Ло пригласилъ его къ себѣ и сказалъ ему: — «Если бы мы были съ вами въ Англіи, намъ слѣдовало бы вести дѣла сообща, но мы находимся во Франціи, и я могу сегодня же вечеромъ отправить васъ въ Бастилію, если вы не дадите мнѣ слова уѣхать отсюда въ 24 часа.» — Кантильонъ немного подумалъ, потомъ отвѣтилъ: — «Отсюда я не уѣду, но сдѣлаю все, чтобы ваша система имѣла успѣхъ.» — Дѣйствительно, на слѣдующій день онъ купилъ значительное число акцій и далъ этимъ рѣшительный предлогъ къ возвышенію курса. Но спустя нѣкоторое время, акціи эти онъ реализировалъ, отправился въ Голландію и возвратился въ Лондонъ милліонеромъ. Въ 1733 г. Кантильонъ былъ убитъ своимъ поваромъ, французомъ, который поджегъ и его домъ. Когда черезъ 22 года въ Парижѣ появилась анонимная книга, подъ заглавіемъ «Изслѣдованіе о природѣ торговли» [1]), то никто не сомнѣвался, что авторомъ ея былъ Кантильонъ.

Это сочиненіе, какъ говоритъ Джевонсъ, знаменуетъ возникновеніе политической экономіи, какъ науки; оно соединяетъ англійскую политическую науку семнадцатаго вѣка съ французскою школою восемнадцатаго вѣка. У Кантильона много заимствовалъ Кэнэ, на его сочиненіе ссылался Кандильякъ и открыто подражалъ ему; часто излагалъ его взгляды и Смитъ, хотя не вполнѣ точно. Сочиненіе Кантильона сохранило свою оригинальность и въ наши дни, благодаря глубинѣ и достоинству. Постараемся изложить его взгляды.

---

[1]) „Essais sur la nature du commerce en général".

Отличительная черта этого систематическаго труда—отсутствіе какого либо метафизическаго элемента. О естественномъ правѣ тамъ нѣтъ и рѣчи; въ основѣ сочиненія лежитъ исторія человѣчества, разсматриваемая à priori, и необходимо вытекающая изъ нея зависимость экономическихъ фактовъ. Все сочиненіе состоитъ изъ 3 частей: Въ первой части говорится о богатствѣ, во второй части объ обмѣнѣ и въ 3-ей о международной торговлѣ.

Земля есть источникъ богатства, или матеріалъ богатства, трудъ человѣка является формой богатства; послѣднее есть ни что иное, какъ пища, полезныя удобства, развлеченія жизни. Такимъ образомъ на ряду съ трудомъ Кантильонъ считаетъ источникомъ богатства и землю; послѣдней онъ придаетъ даже большее значеніе въ роли фактора богатства. Но каково бы ни было происхожденіе богатства, отчего бы не зависѣло распредѣленіе земли—отъ воли завоевателя или отъ случайностей борьбы,—собственность всегда индивидуальна и неравномѣрна; и никогда не было такого момента, чтобы земля была общимъ достояніемъ. Частная собственность и есть причина группировки людей и основа общества.

Собственники земли передаютъ подъ извѣстными условіями обработку ея другимъ лицамъ. Эти послѣднія должны селиться возлѣ полей; отсюда являются деревни. Деревня содержитъ, кромѣ земледѣльцевъ, еще необходимое число ремесленниковъ; величина ея будетъ зависѣть отъ того, какое количество окрестныхъ земель отдано подъ обработку, и отъ количества собственниковъ, которые останутся въ ней жить.

Нѣкоторыя изъ этихъ деревень мѣстные землевладѣльцы дѣлаютъ своими рынками, и тогда онѣ становятся мѣстечками («бургами»). Число ремесленниковъ въ нихъ увеличивается, туда стекается народъ изъ окрестныхъ деревень за покупкой

тѣхъ предметовъ, которыхъ нѣтъ въ продажѣ въ деревнѣ; тамъ же устанавливается рыночная цѣна предметовъ. Значеніе такого рода мѣстечекъ («бурговъ») опредѣляется качествомъ продуктовъ и количествомъ населенія тѣхъ деревень, для которыхъ *они являются центромъ*. Крупные собственники, обладающіе нѣсколькими помѣстьями, могутъ соединяться въ одномъ центрѣ, отдаленномъ отъ ихъ помѣстій, который тогда получаетъ названіе *города*; здѣсь населеніе увеличивается еще разнаго рода ремесленниками. Населеніе большихъ городовъ можетъ быть еще увеличено пребываніемъ чиновниковъ и вообще служилаго люда; но главнымъ образомъ города служатъ резиденціей наиболѣе крупныхъ собственниковъ и наиболѣе искусныхъ ремесленниковъ, такъ что можно даже установить такой законъ: величина города прямо пропорціональна количеству находящихся въ немъ земельныхъ собственниковъ или, еще лучше, пропорціональна количеству продуктовъ, которые выработываются принадлежащими имъ землями.

Послѣ собственности Кантильонъ подвергаетъ изслѣдованію трудъ. Онъ устанавливаетъ то положеніе, что трудъ ремесленника долженъ быть болѣе дорогимъ, чѣмъ трудъ земледѣльца, такъ какъ обученіе ремеслу требуетъ больше времени и сопряжено съ рискомъ. Различія въ платѣ за трудъ въ различныхъ профессіяхъ устанавливаются естественнымъ ходомъ вещей.

Можно замѣтить, что число ремесленниковъ зависитъ отъ того, насколько является въ ихъ трудѣ надобность: большая сумма требуемаго труда увеличиваетъ число ремесленниковъ, и, напротивъ, недостатокъ труда заставляетъ ихъ обращаться къ земледѣлію или приниматься за другія отрасли ремеслъ, болѣе вознаграждаемыя.

Установивши принципы собственности и труда, легко

опредѣлить, чему равна цѣна любой вещи. «Цѣна или внутренняя цѣнность какой-либо вещи есть мѣра количества земли и труда, употребляемыхъ на ея производство, причемъ необходимо еще принимать въ разсчетъ качество или продуктивность земли и качество труда».

Кантильонъ не объясняетъ первой части этого опредѣленія, — что разумѣть подъ количествомъ земли, только по поводу второй половины этого опредѣленія онъ говоритъ, что предметы, производство которыхъ требуетъ больше труда, будутъ имѣть пропорціонально этому и высшую цѣну. Но въ концѣ концовъ, эти издержки производства составляютъ средства существованія рабочаго въ данное время, а питаніе и поддержаніе существованія рабочаго даетъ соотвѣтствующее количество продукта земли. Это количество находится въ зависимости отъ потребностей рабочаго, качества земли и способовъ ея обработки (такъ, напр., чтобы существовать какому либо охотничьему населенію требуется гораздо больше поверхности земли, чѣмъ для существованія пастушескаго).

Взаимное отношеніе между цѣнностью земли и цѣнностью труда на рынкѣ выражается деньгами; послѣднія есть наиболѣе точное измѣреніе цѣны земли и труда, т. е. продуктовъ земли, которые во всякой странѣ принадлежатъ тому, кто обработываетъ. Какъ бы тамъ ни было, но если изслѣдовать средства существованія человѣка, если доискиваться ихъ источника, всегда придется придти къ тому заключенію, что они проистекаютъ изъ фонда землевладѣльца, причемъ двѣ части остаются фермеру, а третья приходится на долю землевладѣльца. Только владѣтельныя особы и земельные собственники могутъ жить независимо, всѣ остальные или находятся въ услуженіи, или составляютъ классъ предпринимателей. Кромѣ того, собственники своимъ личнымъ расположе-

ніемъ и образомъ жизни установливаютъ тотъ или другой характеръ пользованія землею въ государствѣ. Это дѣлается непосредственно. когда эксплуатація земли зависитъ отъ ихъ личной воли. или посредственно, когда земля передается ими лицамъ довѣреннымъ. фермерамъ и даже тогда. когда земля и не принадлежитъ имъ, такъ какъ только земельные собственники являются главными покупателями на всѣхъ рынкахъ, а въ силу закона спроса и предложенія требуются болѣе тѣ продукты, изготовленіе которыхъ является болѣе выгоднымъ и болѣе распространеннымъ. въ ущербъ тѣмъ. которые уже вышли изъ моды.

Пользуясь властью измѣнять такъ или иначе характеръ эксплуатаціонной земли, крупные собственники ея вліяютъ и на увеличеніе населенія государства, потому что земля, сообразно той культурѣ, которая къ ней примѣняется, можетъ содержать больше или меньше обитателей. При интенсивной культурѣ небольшой участокъ земли можетъ прокормить большее число людей, а это, конечно. зависитъ отъ собственника участка. Благодаря вознагражденію, которое землевладѣлецъ дастъ своимъ служащимъ, его вліяніе можетъ простираться даже и на увеличеніе браковъ; но въ интересахъ поддержанія хозяйства. имъ не слѣдуетъ допускать размноженіе людей настолько далеко, чтобы не хватало продуктовъ земли для ихъ прокормленія.

Если таково участіе элемента земли въ производствѣ богатства, то—что остается на долю труда? Труда двадцати пяти взрослыхъ работниковъ хватаетъ на прокормленіе и содержаніе жизни безъ роскоши другихъ ста работниковъ. Избытокъ труда ничего не можетъ прибавить къ количеству вещей, необходимыхъ для поддержанія существованія людей, но избытокъ этотъ можетъ увеличить потребленіе пищевыхъ и

другихъ продуктовъ. Принято смотрѣть на государства, обладающія этимъ избыткомъ, такъ. какъ будто они богаче другихъ; но преимущество это только кажущееся, замѣтное тогда, когда мы разсматриваемъ одно государство отдѣльно отъ другихъ; при сравненіи же ихъ съ другими, можно замѣтить, что мануфактурныя произведенія даютъ возможность государству извлекать изъ заграницы посредствомъ торговли много золота и серебра, кромѣ того, позволяютъ увеличивать резервный монетный фондъ и предметы потребленія, а это все служитъ признакомъ величія государства. Обиліе денегъ даетъ возможность гражданамъ такого государства пользоваться продуктами значительныхъ пространствъ земли внѣ его территоріи. Поэтому-то и кажется, что трудъ создаетъ богатство, тогда какъ онъ только содѣйствуетъ его накопленію.

Цѣнность денегъ не есть величина произвольная; она выражаетъ средства существованія рабочихъ, трудъ которыхъ былъ употребленъ на добываніе металла, его очистку и отдѣлку; точно также монета, какъ мѣрило цѣнности, вполнѣ соотвѣтствуетъ цѣнѣ земли и труда, заключающихся въ тѣхъ вещахъ, на которыхъ она обмѣнивается на рынкѣ.

Во второй части авторъ изслѣдуетъ обмѣнъ и денежное обращеніе. Вначалѣ онъ указываетъ на то, что до него никому еще не былъ извѣстенъ законъ, управляющій рыночнымъ обращеніемъ; но этотъ законъ, по собственному признанію Кантильона, заимствованъ имъ у Локка, по мнѣнію котораго цѣнность вещей пропорціональна ихъ обилію или рѣдкости, съ одной стороны, и съ другой—обилію и рѣдкости денегъ, на которыя эти вещи обмѣниваются. «Это отношеніе устанавливается споромъ: лавочникъ поддерживаетъ свою цѣну сообразно числу покупателей, къ нему обращающихся, а послѣдніе предлагаютъ свою цѣну, сообразуясь съ тѣмъ—уве-

личивается или уменьшается сбытъ. Цѣна устанавливается немногими, а другіе обыкновенно соглашаются. Одна сторона должна быть болѣе ловкой для того, чтобы поднять цѣну своего товара, другая, напротивъ, приспособляется къ тому, чтобы сбить цѣну. Хотя такого рода способъ опредѣленія цѣнъ на рынкѣ и не имѣетъ правильнаго геометрическаго основанія, потому что зависитъ отъ ловкости и навыка небольшого числа покупателей и продавцевъ, тѣмъ не менѣе другого пути, болѣе удобнаго, нѣтъ». Кантильонъ устанавливаетъ тотъ фактъ, что главнымъ образомъ количество съѣстныхъ припасовъ или товаровъ, обращаемыхъ въ продажу, сообразно требованіямъ на нихъ, является основаніемъ для рыночныхъ цѣнъ; вообще, эти цѣны не бываютъ никогда далеки отъ внутренней ихъ цѣнности, а эта послѣдняя, какъ уже сказано, опредѣляется количествомъ земли и труда, необходимыхъ для производства обмѣниваемаго предмета.

Кантильонъ первый старался съ общей точки зрѣнія обнять экономическое явленіе обращенія. «Въ Англіи,—говоритъ онъ,—уже общеизвѣстнымъ является мнѣніе, что фермеръ долженъ выработать три ренты: первая, главная и истинная рента, которая предполагается равной стоимости $^{1}/_{3}$ продуктовъ фермы, идетъ въ пользу собственника земли; другая рента идетъ на содержаніе людей и лошадей, которые служатъ при обработкѣ фермы, и, наконецъ, третья—поступаетъ самому фермеру для поддержанія его личнаго существованія и существованія предпріятія. Такимъ образомъ эти три ренты должны разсматриваться какъ главные источники или, такъ сказать, двигатели обращенія въ странѣ. Въ самомъ дѣлѣ, около половины продукта земли потребляется въ деревнѣ или непосредственно или послѣ обмѣна натурою, другая половина продается городскимъ предпринимателямъ, лавочникамъ, булочникамъ и т. п., сосредо-

точиваясь въ крупныхъ суммахъ; потомъ эти крупныя суммы расходуются частью фермерами, частью собственниками земли и распредѣляются на мелкія суммы между ремесленниками всякаго рода до тѣхъ поръ, пока онѣ не поступятъ въ руки крупныхъ предпринимателей, чтобы быть уплоченными еще разъ фермерамъ.

Однако нѣтъ необходимости, чтобы количество денегъ было равнымъ въ государствѣ той половинѣ продуктовъ земли, которая идетъ въ обмѣнъ; для того, чтобы судить о количествѣ обращающихся денегъ, необходимо принимать во вниманіе скорость ихъ обращенія; чѣмъ большая эта скорость, тѣмъ меньшее количество монеты можетъ быть въ обращеніи. Отсюда Кантильонъ приходитъ къ заключенію, что количество денегъ, обращающихся въ европейскихъ государствахъ, равно $^1/_9$ количества продуктовъ земли и не превышаетъ $^1/_3$ всѣхъ ежегодныхъ рентъ собственниковъ.

Нѣсколько причинъ могутъ задержать быстроту обращенія и привести къ необходимости увеличить количество обращающихся денегъ. Эти причины слѣдующія: во-первыхъ, заграничная торговля, если по ней платежи производятся чрезъ посредниковъ; затѣмъ поступленіе денегъ въ руки ремесленниковъ и чернорабочихъ, которые при денежныхъ расчетахъ желаютъ имѣть дѣло съ монетою и не довольствуются билетами; наконецъ, запасы, дѣлаемые ради предосторожности на непредвидѣнные случаи, а также и склады золота при рудникахъ. Напротивъ, кредитъ, взаимное довѣріе ускоряетъ обращеніе и приводитъ количество обращающейся монеты къ только что упомянутому уровню. Деньги распредѣляются въ различныхъ частяхъ государства неравномѣрно: въ деревняхъ ихъ бываетъ гораздо менѣе, чѣмъ въ городахъ, особенно въ провинціяхъ удаленныхъ отъ столицъ. Это является причиной дороговизны, гораздо бо-

лѣе замѣтной въ городахъ чѣмъ въ деревняхъ и отдаленныхъ провинціяхъ; особенно она велика въ окрестностяхъ Лондона и Парижа.

Что происходитъ въ томъ случаѣ, когда абсолютное количество золота и серебра, обращающагося въ государствѣ, увеличится? Это увеличеніе происходитъ отъ двухъ причинъ; или оно является результатомъ вновь открытыхъ рудниковъ, что имѣло мѣсто въ Испаніи, или же оно происходитъ вслѣдствіе возростанія мануфактуръ, продукты которыхъ, проданные заграницу, доставили государству избытокъ монеты, повернувъ его торговый балансъ въ благопріятную сторону. Въ обоихъ случахъ потребленіе увеличивается и цѣна всѣхъ предметовъ возвышается. Но при этомъ, собственники, доходъ которыхъ остается прежнимъ, бываютъ принуждены ограничивать свои покупки и даютъ меньше работы; отъ этого рабочіе и прислуга принуждены эмигрировать и населеніе уменьшается. Тогда приходится обращаться за-границу для пріобрѣтенія мануфактурныхъ произведеній, цѣна которыхъ стоитъ уже очень высоко. Національныя мануфактуры, благодаря этой конкуренціи, падаютъ, а все золото и серебро вывозится изъ страны, такъ что торговый балансъ обращается въ неблагопріятную сторону. Въ приморскихъ государствахъ такого рода явленія замедляются, благодаря существованію дѣятельной торговли, промышленности и транспортному движенію; но и въ такихъ государствахъ, рано или поздно, эти явленія имѣютъ мѣсто. Государство, достигшее высшей точки развитія своего богатства, впадаетъ такимъ образомъ въ бѣдность, даже при обыкновенномъ ходѣ вещей.

Кантильонъ думаетъ, что, если у государства есть хоть немного «фондовъ», т. е. извѣстной поверхности земли, годной для обработки, то искусный министръ всегда можетъ

достигнуть того, чтобы въ странѣ наступило экономическое преуспѣяніе: стоитъ только постараться установить торговый балансъ въ благопріятную сторону. Въ этомъ отношеніи могутъ оказаться полезными государственные займы, хотя они и небезопасны; болѣе вѣрное средство—развитіе мануфактурнаго производства. При такихъ условіяхъ. т. е. при существованіи торговаго баланса, сами собою наступятъ послѣдовательныя фазы экономическаго развитія. указанныя выше.

Взгляды Кантильона на торговый балансъ. которому онъ придавалъ такое важное значеніе. и на роль государственнаго вмѣшательства, къ которому онъ относился съ довѣріемъ, приближаютъ его къ меркантилистамъ. Сочиненіе его служитъ промежуточнымъ звеномъ между доктринами Джона Ло съ одной стороны. и Токкера и Гурнэ—съ другой.

Вторая часть заканчивается интересною главою о процентѣ, гдѣ онъ является защитникомъ свободы. Кантильонъ здѣсь доказываетъ, что величина процента, какъ и другія экономическія явленія, подчинены извѣстнымъ законамъ, среди которыхъ главное мѣсто занимаетъ законъ спроса и предложенія. Затѣмъ, говоритъ онъ, процентъ всегда пропорціоналенъ риску. Большія издержки дворянъ и владѣтельныхъ лицъ поддерживаютъ высокій процентъ, побуждая этимъ къ многочисленнымъ предпріятіямъ, хозяева которыхъ оспариваютъ другъ у друга наличные капиталы; такой же результатъ даетъ и война. По мнѣнію Кантильона, роль правительства можетъ ограничиваться только однимъ удостовѣреніемъ факта рыночнаго колебанія, и всякое его вмѣшательство въ эту область безполезно.

Третья часть трактуетъ о международной торговлѣ. Вначалѣ Кантильонъ какъ будто отказывается дать систематическое рѣшеніе этому вопросу. «Для того, чтобы можно было

дать выгодное направленіе иностранной торговлѣ, необходимо изслѣдовать каждую отрасль ея въ отдѣльности, говоритъ онъ, а изъ общихъ разсужденій нельзя составить о ней яснаго понятія».

Несмотря на то, что авторъ является защитникомъ международныхъ сношеній, несмотря на то, что онъ постоянно рекомендуетъ государствамъ увеличивать свой торговый флотъ и развивать торговыя сношенія съ иностранцами, чтобы не сдѣлаться ихъ данниками, — все-таки онъ придерживается обычнаго условія старой школы: продавать мануфактурныя произведенія и покупать сырыя; не продавать сырыя и не покупать мануфактурныя произведенія. Но и здѣсь онъ остается вѣренъ своей оригинальности, выражая цѣнность всякой вещи въ продуктахъ земли, которая есть у него источникъ и мѣра всякаго богатства.

Послѣднимъ предметомъ изслѣдованія у Кантильона является обмѣнъ и колебаніе цѣнъ металловъ, банковая дѣятельность и цѣна денегъ. Кантильонъ смотритъ на банки, какъ на органы, способствующіе ускоренію обращенія, но онъ недовѣрчиво относится къ государственнымъ банкамъ. Съ замѣчательнымъ знаніемъ дѣла и своей обыкновенной проницательностью изслѣдуетъ онъ этотъ трудный вопросъ о кредитѣ въ наиболѣе сложныхъ его формахъ. Читая эти страницы, полныя фактовъ и идей, богатыхъ историческими обобщеніями, нельзя не удивляться тому, насколько авторъ проникнутъ идеей чисто научнаго изслѣдованія предмета и свободенъ отъ всякихъ увлеченій. Еще можно сомнѣваться, пошли-ли физіократы дальше его. Время, въ которое эта книга редактирована (1733), и личныя знакомства автора съ Ло сближаютъ автора съ меркантилистами, но основныя идеи его книги, именно то, что экономическое движеніе зависитъ отъ земледѣльческаго труда

и что экономическій порядокъ устанавливается самъ собою, дѣлаютъ его скорѣе прототипомъ всей послѣдующей французской школы, несмотря на то, что книга его вышла въ свѣтъ въ то время, когда школа эта уже существовала (1755 г.). Въ лицѣ Кантильона проявился обычный фактъ, имѣющій мѣсто въ смѣнѣ философскихъ и вообще научныхъ идей, именно то, что умы, не стоящіе даже другъ съ другомъ въ непосредственныхъ отношеніяхъ, могутъ оказывать другъ на друга взаимное вліяніе. Изъ всѣхъ авторовъ, которыхъ изучалъ Кантильонъ, Петти, кажется, оказалъ наибольшее на него вліяніе. Онъ явился истолкователемъ тѣхъ идей, распространенныхъ въ эту эпоху въ Англіи, которыя родились на почвѣ энергичной экономической дѣятельности, дотолѣ еще неизвѣстной.

Обратимся къ другому писателю той эпохи—къ *Джасіа Токкеръ* (Josias Tucker), (1711—1799 г.). Съ Токкеромъ англійская экономія принимаетъ характеръ чисто либеральный. Токкеръ былъ богатымъ духовнымъ лицомъ и жизнь его не представляетъ изъ себя ничего интереснаго. Вопросы, наиболѣе любопытные въ политической экономіи, изучалъ онъ какъ патріотъ, но въ тоже время и какъ философъ, который не отдѣляетъ интересовъ человѣчества отъ интересовъ своей страны. Онъ имѣетъ большое сходство съ Тюрго, съ которымъ у него было много общаго, въ смыслѣ убѣжденій.

Мы уже видѣли, что со времени среднихъ вѣковъ начинаетъ развиваться мнѣніе, не сочувствующее прогрессу промышленности и торговли, полагавшее, что эти высшія формы экономической дѣятельности нарушаютъ примитивную ея форму—земледѣлі . На этой почвѣ возникъ антагонизмъ между двумя классами: земледѣльцами и коммерсантами. Со времени Токкера, благодаря недавнему развитію торговли, оживилась борьба между представителями двухъ интересовъ: денежнаго и земельнаго.

Оппозиція, которую оказывала большая часть страны иностраннымъ эмигрантамъ, привела къ тому, что стали недоброжелательно смотрѣть на все увеличивающуюся армію промышленниковъ и спекуляторовъ. Въ одной изъ своихъ первыхъ работъ, написанныхъ по этому поводу и переведенныхъ Тюрго (1754 г.), Токкеръ высказываетъ аргументы въ пользу допущенія иностранныхъ промышленниковъ. Аргументы эти имѣютъ общій характеръ и стремятся согласить интересы двухъ враждующихъ элементовъ—производства земли и труда. Въ противоположность ревнивымъ притязаніямъ земледѣлія, онъ выставляетъ на видъ свободу торговли и промышленности и ратуетъ за расширеніе международныхъ сношеній. «Трудящееся населеніе,—говоритъ онъ,—есть истинное богатство государства. Развѣ торговля Великобританіи уже неспособна къ дальнѣйшему развитію? Болѣе обширное количество рукъ, увеличеніе торговыхъ сношеній, промышленности, экономіи, болѣе распространенная бережливость, — развѣ все это не можетъ увеличить наши мануфактуры и нашу торговлю, наше мореплаваніе и наше національное богатство? Обращеніе труда не есть ли тоже самое, что и обращеніе денегъ?»

Обращеніе денегъ безъ обращенія труда не принесетъ ли обществу болѣе вреда, чѣмъ пользы, какъ это мы видимъ на печальномъ, но ясномъ примѣрѣ въ игрѣ или лоттереѣ? Какое государство болѣе благопріятствуетъ обмѣну, то ли, въ которомъ населеніе не велико, или то, гдѣ жителей много и каждый изъ нихъ даетъ возможность работать другимъ? (Уже Чайльдъ указывалъ на то, что трудъ одного человѣка даетъ работу другому). Не служатъ ли препятствіемъ обращенію труда—монополіи, исключительныя привиллегіи и цехи? Промышленная дѣятельность людей, умѣло направленная мудрымъ законодателемъ, развѣ не даетъ въ результатѣ развитіе торговли? Держась

той же вопросительной формы Токкеръ доказываетъ. что. если въ какой нибудь отдѣльной вѣтви національной мануфактуры окажется перепроизводство. то болѣзнь такого рода сама собою излѣчивается, потому что эта отрасль промышленности. становится уже непродуктивной.

Полагая. что правильное распредѣленіе труда принадлежитъ самой природѣ. онъ съ ироніей говоритъ о тѣхъ людяхъ, которые надѣются, что государство можетъ распредѣлить рабочія руки между различными отраслями труда, исключивъ предварительно изъ нихъ безполезныхъ людей. Если отсутствіе заработка для подданныхъ государства есть достаточное основаніе для недопущенія иностранцевъ въ его предѣлы, то почему бы тогда не установить запретительныя нормы относительно перепроизводсва дѣтей, почему не позаботиться намъ еще о томъ. чтобы не производились на свѣтъ дѣти раньше, чѣмъ тѣ дѣти наши. которыя уже родились, были бы обезпечены извѣстнаго рода профессіею?

Важно только. чтобы число рабочихъ рукъ въ государствѣ было велико. потому что трудъ есть истинное богатство, а деньги ничего болѣе, какъ знаки и единицы измѣренія. Балансъ труда заключаетъ въ себѣ и торговый балансъ. Если во Франціи или въ Швеціи сорокъ тысячъ лицъ работаютъ на Англію и только десять тысячъ въ Англіи работаютъ на Францію или Швецію. то гдѣ будетъ болѣе выгоденъ балансъ? Не число акровъ земли или число домовъ, не сумма капиталовъ или количество товаровъ говорятъ о богатствѣ Англіи; все это получаетъ свою цѣнность отъ обитателей ея, которые владѣютъ. служатъ, покупаютъ, продаютъ. развозятъ и вывозятъ всѣ предметы и все то. что изъ этихъ предметовъ извлекается.

Увеличеніе населенія ведетъ къ увеличенію доходности

земли для собственника. Такимъ образомъ, интересы земли и торговые интересы сходятся. «Если число купцовъ и фабрикантовъ увеличится, если всѣ препятствія и стѣсненія, связывающія торговлю, падутъ и обращеніе товаровъ, вслѣдствіе этого, оживится и обезпеченъ будетъ сбытъ—то выгоды которыя проистекутъ отъ этого, развѣ не коснутся собственниковъ земли? Если парламенту предлагается на обсужденіе какой нибудь проектъ, то истиннымъ критеріемъ полезности предпринимаемой мѣры долженъ быть вопросъ, увеличиваетъ ли она или не увеличиваетъ національный трудъ.

Не довольствуясь обнаруженіемъ взаимной связи между различными экономическими отношеніями и функціями и указаніемъ выгодъ предоставленія имъ свободнаго теченія—Токкеръ идетъ еще далѣе и спрашиваетъ, на чемъ основывается существующая экономическая разобщенность между націями. «То патріотично, что полезно государству». Иностранцы, которымъ слѣдовало-бы предоставить всѣ права подданныхъ, оказали-бы большія услуги Англіи, тѣмъ, что принесли бы съ собою техническія знанія и познакомили бы туземцевъ съ новыми видами производствъ. Въ другихъ сочиненіяхъ Токкеръ настаиваетъ на существованіи такой же взаимности интересовъ между отдѣльными націями, какъ между отдѣльными личностями; такъ, по его мнѣнію, существуетъ тѣсная связь Англіи не только съ Ирландіею, но и съ Франціею и даже съ Турціею. Онъ былъ сторонникомъ независимости сѣверо-американскихъ колоній Англіи.

Винцентъ Гурнэ (Vincent de Gournay) (1712—1759) не оставилъ послѣ себя оригинальныхъ сочиненій; онъ только перевелъ и комментировалъ Кольперера (Colperer) и Чайльда (Child). Но за то велико было его личное вліяніе на Кэнэ и Тюрго.

Гурнэ занимался торговлею въ Кадиксѣ. потомъ путешествовалъ по Голландіи и Англіи; здѣсь то онъ и познакомился съ идеями Чайльда и Вита (With) и вообще вынесъ изъ своихъ путешествій много свѣдѣній, благодаря непосредственному наблюденію за ходомъ тогдашней торговли и постоянному общенію съ наиболѣе видными ея дѣятелями. Во Франціи личность его была замѣчена, и онъ былъ сдѣланъ интендантомъ торговли. Въ этой должности Гурнэ приходилось объѣзжать многія провинціи, причемъ постояннымъ его спутникомъ былъ Тюрго — его ученикъ и другъ. Въ Реннѣ (Rennes), благодаря содѣйствію Гурнэ, было основано общество покровительства земледѣлія, торговли и промышленности. Въ провинціи — во всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ, въ Парижѣ — въ королевскомъ бюро торговли, въ философскихъ и экономическихъ кружкахъ (гдѣ уже началось тогда то «счастливое броженіе», о которомъ говоритъ Тюрго) — повсюду Гурнэ пропагандировалъ самымъ дѣятельнымъ образомъ идею свободы. Онъ былъ, можно сказать, истиннымъ иниціаторомъ новаго экономическаго движенія во Франціи. Идеи его. если взять всю ихъ совокупность, отличались замѣчательною послѣдовательностью, отчего и пріобрѣли названіе «системы». Названіе это перешло и къ послѣдующимъ доктринамъ. возникшимъ подъ вліяніемъ идей Гурнэ, но стало употребляться уже въ ироническомъ смыслѣ.

Взгляды Гурнэ были далеко не тѣже, что у Кэнэ; они не такъ односторонни, какъ у послѣдняго, и придаютъ въ производствѣ богатства одинаковое значеніе труду и продуктамъ земли; кромѣ того, въ нихъ не замѣтно, кажется, преобладанія произвольнаго метафизическаго элемента. Всего лучше характеризовалъ идеи Гурнэ Тюрго въ слѣдующихъ словахъ:

«Въ теченіи двадцати лѣтъ. Гурнэ наблюдалъ всемірную

торговлю. принимая самъ въ ней участіе, а о существованіи тѣхъ ограничительныхъ законовъ, которымъ онъ придавалъ столько значенія, онъ могъ узнать только изъ книгъ. Но онъ никогда не могъ думать, что его сочтутъ «новаторомъ» или «человѣкомъ системы».—потому что онъ излагалъ только тѣ принципы, которымъ научилъ его опытъ и которые были уже извѣстны всѣмъ окружающимъ его просвѣщеннымъ торговымъ людямъ».

Принципы эти, которые были названы «*новой системой*», представлялись ему обыкновенными правилами здраваго разума. Вся его система покоилась на томъ главномъ правилѣ, что каждый человѣкъ сознаетъ свои собственные интересы гораздо лучше посторонняго и что поэтому чужіе интересы не могутъ остановить на себѣ вниманіе людей.

Отсюда Гурнэ заключилъ, что, какъ частный интересъ, такъ и общій, прежде всего нуждаются въ томъ, чтобы каждый человѣкъ могъ дѣлать то, что онъ хочетъ. Онъ считалъ невозможнымъ, чтобы въ торговлѣ, предоставленной самой себѣ, частный интересъ не совпадалъ съ общимъ.

Торговля можетъ относиться къ общему интересу, или— что тоже самое — государство можетъ интересоваться торговлею только съ двухъ точекъ зрѣнія. Во первыхъ, покровительствуя интересамъ частныхъ лицъ, изъ которыхъ оно состоитъ, государство заинтересовано въ томъ, чтобы отдѣльныя личности не наносили другъ другу такого ущерба, котораго предотвратить сами они не могутъ. Во вторыхъ, какъ политическое тѣло, принужденное защищаться отъ внѣшнихъ нападеній и тратить значительныя суммы на внутреннія улучшенія, государство заинтересовано въ томъ чтобы народное богатство, ежегодные продукты земли и промышленности были бы по возможности больше.

Для достиженія перваго результата, т. е. того, чтобъ отдѣльныя лица не вредили другъ другу, правительству достаточно оказывать покровительство естественной свободѣ: покупателю покупать, продавцу продавать. Покупатель, будучи свободенъ въ выборѣ—покупать ли ему или нѣтъ, выберетъ среди продавцевъ такого, который продастъ ему товаръ по наиболѣе сходной цѣнѣ. Тоже самое продавецъ, интересъ котораго состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы выйти изъ конкуренціи побѣдителемъ, въ общемъ продастъ лучшій товаръ и за болѣе дешевую цѣну, чтобы удержать за собою по возможности большее число покупателей. Нѣтъ надобности поэтому купцу обманывать, разъ не имѣется на лицо какой либо исключительной привилегіи.

Но если правительство станетъ ограничивать число продавцевъ исключительными привилегіями или какимъ нибудь другимъ образомъ, тогда, конечно, интересы потребителей будутъ нарушены, и продавцы, увѣренные въ сбытѣ, принудятъ покупать плохіе товары за дорогую цѣну. Если-же напротивъ того, уменьшить число покупателей, исключивъ изъ нихъ иностранцевъ или другихъ лицъ, тогда пострадаютъ интересы продавцевъ, а если это нарушеніе дойдетъ до той степени, что цѣна товара не будетъ уже вознаграждать издержки и рискъ, тогда остановится производство и наступитъ голодъ.

Общая свобода продавать и покупать есть единственное средство обезпечить продавцу цѣну, способную поднять производство, а съ другой стороны—доставить возможность потребителю получать товаръ за наиболѣе низкую цѣну. Только въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ оказаться, что купецъ будетъ мошенникъ, а покупатель—простакъ... Но желать того, чтобы правительство обязалось исключить всякій обманъ — это все равно, что желать, чтобы каждый ребенокъ, который

можетъ упасть, былъ снабженъ особою подушкою, предохраняющею его отъ ушиба...

Что касается того, какъ разрѣшить другой предметъ заботы правительства,—заботы о возможно большемъ увеличеніи массы народнаго богатства, то не очевидно-ли, что это богатство, разъ оно состоитъ изъ ежегодныхъ продуктовъ земли и промысловъ каждаго жителя, достигнетъ наибольшаго развитія лишь тогда, когда всякая составная единица его, народнаго богатства, тоже достигнетъ высшей точки своего развитія? И развѣ самъ собственникъ земли не заинтересованъ болѣе всякаго другого въ томъ, чтобы его земля давала ему возможно большій доходъ? А всякій человѣкъ не заинтересованъ въ томъ, чтобы трудами рукъ своихъ добыть какъ можно болѣе денегъ?

Желанія поддержать при помощи государства одни производства и запретить другія изъ боязни повредить тѣмъ, которыя находятся подъ покровительствомъ, попытки поддерживать мануфактуру въ ущербъ земледѣлію, искусственно возвышая цѣны пищевыхъ продуктовъ, покровительство отдѣльнымъ отраслямъ промышленности на счетъ казны — всѣ подобныя мѣры не что иное, какъ грубая ошибка и незнаніе истинныхъ интересовъ торговли. Держаться такого рода политики — значитъ забывать, что всякая торговая операція требуетъ взаимности, и желать, ничего не покупая у иностранцевъ, въ тоже время все имъ продавать.

Итакъ, съ какой бы точки зрѣнія не смотрѣло государство на интересы торговли, частный интересъ, предоставленный самому себѣ, всегда вѣрнѣе ведетъ къ общему благу, чѣмъ какія бы то ни было правительственныя операціи, исходящія всегда изъ неопредѣленныхъ шаткихъ теорій.

Въ заключеніе Гурнэ указываетъ тѣ цѣли, которыми должно задаваться правительство: во-первыхъ, предоставить

всѣмъ отраслямъ промышленности драгоцѣнную для нихъ свободу, которой они лишены изъ-за вѣковыхъ невѣжественныхъ предразсудковъ, легкости, съ какою правительство пользуется частными интересами, и плохо понятаго имъ стремленія къ совершенству; во-вторыхъ, облегчить примѣненіе труда всѣмъ членамъ государства, и возбудить этимъ дѣятельную конкурренцію среди продавцовъ, результатомъ которой было бы усовершенствованіе производства и удешевленіе цѣнъ; наконецъ, въ-третьихъ, произвести конкурренцію въ то же время и среди покупателей, расширивши поле сбыта товаровъ, что послужитъ средствомъ обезпечить труду вознагражденіе и упрочить производство, цѣлью котораго и является полученіе этого вознагражденія.

Эта «система» существенно отличалась отъ того ученія, которое вскорѣ было дано Кэнэ. «Система» покоилась на одномъ принципѣ—яснаго сознанія каждымъ человѣкомъ своихъ интересовъ; она, не смѣшивая нисколько политической экономіи съ моралью, приходила къ практическимъ выводамъ, достаточно мудрымъ и либеральнымъ.

Система Гурнэ имѣла большое вліяніе на *Тюрго*. Содержаніемъ первыхъ его сочиненій было изложеніе идей Гурнэ. Мы не будемъ говорить о рѣчахъ, которыя онъ произносилъ въ Сорбоннѣ; хотя онѣ и указываютъ на богатый запасъ его способностей къ историческимъ и соціальнымъ знаніямъ, но его всецѣло охватило увлеченіе активною политикою. Политической экономіи онъ касался только отчасти, смотря на нее съ болѣе общей точки зрѣнія интересовавшихъ его историко-соціальныхъ наукъ. Мы коснемся только двухъ его раннихъ трудовъ: письма къ аббату de Cicé, въ которомъ онъ раскрываетъ основную ошибку школы Ло, и небольшой работы о заемномъ процентѣ. Двумя этими трудами, особенно

первымъ, Тюрго проложилъ дорогу новымъ идеямъ. Его опроверженіе тезиса аббата Террасона, составляющаго послѣднюю защиту меркантилизма — что цѣнность монеты заключается въ ея оттискѣ, — можетъ считаться образцомъ аргументаціи.

Когда образовалась школа физіократовъ, Тюрго, несмотря на то, что былъ близокъ со многими изъ ея членовъ и раздѣлялъ ихъ убѣжденія, тѣмъ не менѣе поставилъ себя въ нейтральное по отношенію къ ней положеніе и старался сохранить за собою свободу своихъ мнѣній. Видя всеобщее подчиненіе идеямъ этой школы, онъ часто упрекалъ физіократовъ за пристрастіе ихъ къ партійности, сдѣлавшееся своего рода сектантствомъ. Въ теченіе нѣкотораго времени, онъ, казалось, оставался вѣренъ ученію Кэнэ, который любилъ излагать свои мысли на обѣдахъ, гдѣ принималъ участіе вмѣстѣ съ Тюрго и Адамъ Смитъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1766 г., Тюрго имѣлъ случай изложить подробно свои собственные принципы, которые уже замѣтно разошлись съ воззрѣніями его учителей.

Въ своемъ мѣстѣ мы еще возвратимся къ Тюрго, а теперь остановимся на сочиненіяхъ маркиза *Виктора де Мирабо*, прозваннаго *другомъ народа*. Труды маркиза Мирабо заключаютъ въ себѣ то же, что мы сказали о Гурнэ. Его первый и наиболѣе содержательный трудъ*) вышелъ въ 1750 г. безъ имени автора. Въ этомъ сочиненіи онъ настаиваетъ на необходимости мѣстнаго самоуправленія отдѣльныхъ провинцій при распредѣленіи и голосованіи налоговъ, по образцу, какъ онъ говорилъ, «страны штатовъ», и обозрѣваетъ конституціи 4-хъ большихъ провинцій Франціи: (Лангедокъ, Бретань, Бургонь и Провансъ), которыя сохранили еще свои привилегіи.

*) Mémoire sur les Etats provinciaux.

При этомъ онъ выставляетъ на видъ преимущества самоуправленія передъ абсолютною властью интендантовъ. Собственно говоря, Мирабо не былъ творцомъ, изобрѣтателемъ этихъ идей; уже до него онѣ высказывались Вобаномъ, Фенелономъ и Буагильберомъ; онъ ихъ только воспроизводилъ и обновлялъ.

За этимъ мемуаромъ послѣдовалъ другой его трудъ, создавшій ему репутацію подъ заглавіемъ «Другъ людей» (отчего и произошло прозвище Мирабо) или «Трактатъ о населеніи» *). Сочиненіе это издано въ 1756 г., и такъ какъ на обработку и составленіе этого труда Мирабо, весьма вѣроятно, истратилъ болѣе года, т. е. закончилъ его до появленія первыхъ сочиненій Кэнэ, то, слѣдовательно, школа физіократовъ не могла оказать на него вліянія. Слѣдующія слова его могутъ вполнѣ характеризовать это сочиненіе.

«Государство представляетъ изъ себя дерево, у котораго корни — земледѣліе, стволъ — населеніе, вѣтви — промышленность, листья — торговля и промыслы. Отъ корней дерево получаетъ питательный сокъ; корни растилаются въ землѣ безчисленными и невидимыми отростками; своимъ существованіемъ они обязаны землѣ, получая отъ нея питательный матеріалъ. Послѣдній дѣлается сокомъ; стволъ укрѣпляется и отдѣляетъ отъ себя вѣтви, развитіе которыхъ зависитъ отъ жизненности ствола. Съ виду вѣтви могутъ обходиться безъ корней, забота и дѣятельность которыхъ столь отдаленны, что кажутся почти неизвѣстными. Дѣятельность питательнаго сока заканчивается образованіемъ листьевъ, которые составляютъ самую блестящую и пріятную для глаза часть дерева. За то эта часть менѣе солидна и болѣе подвержена ударамъ грозы; достаточно засухи, чтобы изсушить и уничтожить ее. Если корни сохра-

*) «l'Ami des hommes» или «Traité de la population».

нятъ еще свою жизненность, то сокъ скоро исправитъ нарушенную дѣятельность, новые листья проростутъ со всѣхъ сторонъ и замѣнятъ тѣ, которые были уничтожены злокачественнымъ вліяніемъ; но если какія либо вредныя насѣкомыя источатъ корни внутри земли, тогда напрасно ожидать, что солнце и влага оживятъ засохшій стволъ: лекарство нужно направить на корни, имъ нужно дать средство распространиться и окрѣпнуть, а если этого не будетъ сдѣлано—дерево погибнетъ».

Въ этихъ словахъ между прочимъ заключается та идея, что въ общественномъ организмѣ есть функціи, которыя выполняются сами собою, безъ участія центральной власти, и что экономическая жизнь по существу своему самопроизвольна, подобно всасыванію и питанію растеній. «Нравы,— говоритъ Мирабо, — это струны политическаго инструмента, а законы не что иное, какъ звуки». Понятно теперь, почему Мирабо настаивалъ такъ на децентрализаціи въ политикѣ и на свободѣ въ экономіи. Онъ воспринялъ вѣрованія физіократовъ, но въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ онъ съ ними не сходился, онъ осуждалъ ихъ ошибочность. Во всякомъ случаѣ, его многочисленные проекты реформъ оказали благотворное вліяніе на французскую политику и администрацію въ это время спокойнаго состоянія умовъ, которое предшествовало революціи. Изъ спеціальныхъ вопросовъ по политической экономіи онъ больше всего занимался вопросомъ о населеніи. Но и въ этомъ отношеніи, какъ и вездѣ, онъ ничего не заимствовалъ у англичанъ; послѣднихъ онъ изучалъ, придерживаясь исторіи и стоя на точкѣ зрѣнія позитивнаго права, какъ это дѣлали Вобанъ и Монтескье, а не естественнаго, какъ Локкъ и Кэнэ. Защитникъ провинціальной автономіи и постепенныхъ улучшеній, онъ строго судилъ Тюрго,

котораго считалъ черезчуръ радикальнымъ и слишкомъ преданнымъ централизаціи. Личность Мирабо лучше всего убѣждаетъ насъ въ томъ, что здравыя идеи существовали во Франціи еще до образованія школы «экономистовъ» и распространялись онѣ уже довольно широко, такъ какъ ихъ раздѣляли наиболѣе авторитетные представители дворянства.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Школа физіократовъ. Теорія естественнаго права и естественнаго богатства.

I.

Ученіе Кэнэ.

Экономія, построенная на началахъ искусственнаго поддержанія промышленности всѣми силами страны и ожидавшая развитія богатства отъ всемогущаго воздѣйствія правительства, привела мало по малу Францію въ состояніе полнаго разстройства. Естественно, что среди негодующаго, возмущеннаго общественнаго мнѣнія должна была образоваться реакція въ пользу естественнаго развитія народнаго хозяйства, въ пользу экономіи, основанной на естественныхъ законахъ. Къ несчастію, тогдашніе писатели имѣли слишкомъ предвзятое, идеализированное представленіе о природѣ, которое не имѣло ничего общаго съ исторической дѣйствительностью. Эта химерическая философія не мало парализовала значеніе замѣчательныхъ трудовъ французскихъ «Экономистовъ» XVIII в.

Философія эта —англійскаго происхожденія. Локкъ (1632—1704) въ цѣляхъ борьбы съ абсолютизмомъ Стюартовъ, воспользовавшись доктринами голландца Гуго Гроція, изложилъ ихъ въ своей книгѣ «О правѣ войны и міра». Противъ теоретиковъ абсолютизма, Локкъ выставилъ естественное право, которое предостав-

ляло. въ его глазахъ. свободу и равенство всѣмъ гражданамъ и ставило послѣднихъ внѣ посягательствъ тирановъ. «Чтобы понять,— говорилъ онъ,—политическую власть и обнаружить истинный источникъ ея происхожденія, мы непремѣнно должны изслѣдовать. каково было естественное состояніе у людей. Оно было состояніе полной свободы,—свободы располагать своими дѣйствіями и своимъ имуществомъ по собственному усмотрѣнію. не спрашиваясь ничьего разрѣшенія и не завися ни отъ чьей посторонней воли. Это было такое состояніе равенства, въ которомъ всякая власть была взаимна, такъ что всѣ люди по отношенію другъ къ другу были только сосѣдями. Въ самомъ дѣлѣ. очевидно. что существа одного и того же рода и вида, одинаково рожденныя для того, чтобы наслаждаться всѣми естественными благами и пользоваться ими для однѣхъ и тѣхъ же надобностей. должны быть и одинаково равноправны между собою, безъ всякой подчиненности другъ другу». Во Франціи подобныя мысли высказывалъ еще Бодэнъ; но восемнадцатый вѣкъ не обращалъ вниманія на своихъ предшественниковъ шестнадцатаго столѣтія. Вдохновителями тогдашнихъ умовъ явились Локкъ, Шефсбери, Гютчиссонъ и вообще представители англійской и шотландской философіи

Школа физіократовъ исходила изъ этой точки зрѣнія. Они строили моральный порядокъ, равно какъ и политическій—на естественномъ. природномъ состояніи. Но что такое природа? Для насъ это—совокупность вещей, управляемыхъ необходимыми законами. Для Кэнэ природа являлась совокупностью божественныхъ намѣреній. направленныхъ на сохраненіе и благоденствіе нашего рода. Эти намѣренія мы можемъ видѣть только въ самихъ себѣ; они начертаны въ нашемъ разумѣ. Отсюда все то, что разумно, — внушено естественнымъ или божественнымъ установленіемъ. По ученію этой школы, прежде

чѣмъ существовало общество, у человѣка было уже право и обязанность: право захвата того, что было ему выгодно, и обязанность трудиться, для возможности обладанія. Конечно странно, какъ можетъ существовать «*право*» тамъ, гдѣ нѣтъ соціальныхъ отношеній; точно также, нельзя называть обязанностью слѣпое удовлетвореніе животныхъ стремленій. Но для физіократовъ самый фактъ существованія общества и то, что человѣкъ рождается въ обществѣ и его жизнь необходимо связана съ какою либо соціальною группою—является актомъ предъустановленнаго природою порядка и естественнымъ основаніемъ соціальныхъ отношеній. Другими словами, физіократы хотѣли поставить естественныя права выше историческихъ институтовъ и внѣ ихъ, свести положительные законы къ простой деклараціи, къ констатированію отношеній вѣчныхъ и непреложныхъ, происшедшихъ отъ самой природы. Отсюда «*декларація правъ человѣка*»: законодатель не есть творецъ законовъ, онъ ихъ не создаетъ, а только возвѣщаетъ. Вотъ эти вѣчные законы: свобода, право располагать своей личностью («собственность надъ самимъ собою») собственность движимая и недвижимая. Физіократы описывали такой общественный строй, въ которомъ эти законы свято соблюдались. Гдѣ-же и когда существовалъ этотъ золотой вѣкъ? Онъ существовалъ, когда общество еще зарождалось, онъ существуетъ и теперь недалеко отъ насъ, у Остяковъ или Индѣйцевъ, словомъ у дикарей. Но естественный порядокъ былъ нарушенъ; были учреждены правительства и отъ имени общественнаго интереса былъ попранъ интересъ личный; золотой вѣкъ уступилъ мѣсто эпохѣ, которая существуетъ и нынѣ, эпохѣ, въ которой естественные законы замѣнились произвольными постановленіями правительства. Порядокъ снова будетъ возстановленъ лишь тогда, когда верховная власть, облеченная неограни-

ченными полномочіями, объявитъ, что она существуетъ единственно для охраненія свободы и собственности каждаго отдѣльнаго человѣка, кто-бы онъ ни былъ, и когда она возобновитъ первобытное право. Достигнуть этого верховной власти не трудно: стоитъ только распространить повсюду ученіе физіократовъ. Просвѣщеніе само собою введетъ въ должныя границы инстинктивное стремленіе каждаго человѣка выбирать для себя то, что ему наиболѣе выгодно: всякій уяснитъ себѣ, что общественный интересъ вполнѣ совпадаетъ съ личнымъ интересомъ. «Общественное образованіе ариѳметически точно докажетъ послѣднему гражданину, что нѣтъ ему никакой выгоды нарушать права своего ближняго, и каждому будетъ также легко устроить жизнь, какъ считать деньги». Король будетъ царствовать, какъ царствуетъ разумъ очевидностью всеобщаго интереса, и люди будутъ снова счастливы, какъ въ тѣ времена, когда вовсе не было правительства.

Эти полу-метафизическія, полу-миѳическія бредни были во вкусѣ того вѣка и содѣйствовали успѣху физіократовъ гораздо болѣе, чѣмъ ихъ справедливая защита земледѣлія и свободы торговли. Если они и не были поняты (и не безъ основанія) то все-таки оставили послѣ себя благотворные слѣды, распространивши здравыя экономическія понятія. Они учили, что экономическій строй не исключительно создается государственною властью, а зависитъ большею частью отъ естественнаго хода вещей и есть медленная и прогрессивная эволюція. Люди имъ не представлялись настроенными всегда въ дурную сторону, если имъ предоставить идти туда, куда влечетъ ихъ интересъ, а напротивъ ими руководитъ сознаніе той тѣсной связи, которая соединяетъ частный и общественный интересы; право и мораль, по ихъ мнѣнію, согласовались съ необходимыми условіями существованія. Они признавали тождественность интересовъ

властей и граждан. а если нѣкоторыя общественныя функціи нуждаются больше всего въ свободѣ. то съ другой стороны есть такія, какъ напр. образованіе или защита слабыхъ противъ сильныхъ. бѣдныхъ противъ богатыхъ, которыя только выигрываютъ отъ того, что переходятъ въ руки общественной власти; даже болѣе того, всякое благоустроенное правительство есть проводникъ интеллектуальной культуры и необходимый органъ для проведенія въ жизнь реформъ, провозглашенныхъ общественнымъ мнѣніемъ. Самый оптимизмъ физіократовъ (впрочемъ черезмѣрный) помогъ имъ сознать соціальную гармонію, которая ускользнула отъ вниманія философовъ революціоннаго типа. каковымъ былъ Руссо. Они дѣйствовали другими путями. Вмѣсто того, чтобы излагать свои теоріи о происхожденіи естественнаго права въ духѣ полемизирующемъ, опорочивающемъ духовенство, они предпочитали набирать въ свои ряды союзниковъ изъ этого класса. каковыми были аббаты Будо (Baudeau) Морреле (Morrellet) Кондильякъ (Condillac) Вмѣсто того, чтобы грозить королевской власти, они искали ея поддержки. Такъ, Кэнэ, вовсе не теряя своего достоинства, бывалъ въ Версалѣ и съумѣлъ возбудить даже у самого Людовика XV такой энтузіазмъ, что «Tableau économique» была напечатана на глазахъ короля съ эпиграфомъ: «бѣдны крестьяне-бѣдно и королевство, бѣдно королевство,—бѣденъ король»! Министерство Тюрго служитъ примѣромъ кратковременнаго согласія между смѣлымъ реформаторомъ и боязливымъ представителемъ наслѣдственной монархіи, являясь хорошимъ доказательствомъ того, что «экономической школѣ» лучше было бы отстаивать историческія учрежденія, а не разрушать ихъ. Правиломъ этого министерства было—довольствоваться возможнымъ, но зато дѣлать все возможное для общественнаго блага. Какъ противовѣсъ Marcier de la Riviere. который признавалъ необходимость

вооруженной силы для исполненія законовъ, Тюрго не поколебался воспользоваться общественною властью для торжества доктрины «laisser faire, laisser passer».

Если мы теперь, послѣ общей характеристики духа школы, перейдемъ къ разсмотрѣнію частностей ея ученія,—взглядамъ ея на производство и распредѣленіе богатства, то мы увидимъ, что въ общемъ это претендующее на новизну ученіе было ничѣмъ другимъ, какъ протестомъ, вызваннымъ нуждами страны и доведеннымъ до крайности, благодаря сознанію тѣхъ препятствій, которыя нужно было преодолѣть,—протестомъ, принявшимъ свойственную тому времени форму системы.

Мы видѣли, что право располагать своею личностью (*«личная собственность»*), будучи необходимостью, есть въ то же время примитивное право; собственность движимая, т. е. собственность на такіе полезные предметы, которые личность захватываетъ или производитъ, вовсе не есть необходимость и не имѣетъ основаній въ справедливости; наконецъ, недвижимая собственность основывается на необходимости, связывающей ее съ предыдущими видами собственности, которыя безъ нея теряютъ свое значеніе. «Съ того момента, когда число людей дѣлается большимъ, чѣмъ число средствъ существованія, необходимость заставитъ людей идти другъ на друга, и тогда не будетъ существовать уже ни недвижимой собственности, ни личной собственности, ни общества» (Mercier de la Rivière). Движимая собственность (орудія, хлѣбъ, пища) необходимы для того, чтобы сообщить цѣнность землѣ. Въ этомъ лежитъ основа всей системы физіократовъ. Всякое богатство есть матеріальный, потребляемый предметъ, а всѣ потребляемые предметы прямо или косвенно — продукты земли. Земля единственный источникъ богатства, только земледѣліе увеличиваетъ богатство». По-

этому только трудъ земледѣльца плодотворенъ и производителенъ, всѣ же остальные виды труда непроизводительны. У земледѣльца, который питается плодами своего годичнаго труда можетъ образоваться, благодаря прибыли домашнихъ животныхъ или увеличенію растительныхъ матеріаловъ, излишекъ цѣнностей, который присоединяется къ общей массѣ уже существующихъ богатствъ. Между тѣмъ рабочій или купецъ, потребляя въ тотъ же промежутокъ времени извѣстное количество припасовъ, только превращаютъ свой трудъ въ опредѣленное количество богатства, эквивалентное получаемому ими вознагражденію, и какъ бы мало ни было это потребленіе, излишка образоваться у нихъ не можетъ; слѣдовательно, къ существующему богатству они ничего не могутъ прибавить— слѣдовательно, трудъ ихъ непроизводителенъ. Благодаря этому, земледѣльцы нашли удобнымъ освободить себя отъ производства своихъ орудій и не искать лично сбыта для своихъ произведеній, удѣляя такимъ образомъ часть создаваемаго ими богатства рабочимъ и купцамъ въ видѣ вознагражденія, на которое послѣдніе и существуютъ. Возможно, что это вознагражденіе дастъ средства существованія большему числу людей, сообразно съ увеличеніемъ мануфактуры и расширеніемъ сбыта; но то обстоятельство, что увеличеніе *) числа занятыхъ ремеслами зависитъ всегда отъ количества съѣстныхъ

---

*) *Примѣчаніе.* Основанія, на которыхъ построилъ этотъ выводъ Кэнэ, вполнѣ софистичны, какъ и многія другія. Въ самомъ дѣлѣ, если въ торговлѣ явится избытокъ денегъ, то это дастъ возможность увеличить заработную плату, что, въ свою очередь, если торговля остается свободной, повлечетъ за собою приливъ продуктовъ земледѣлія изъ тѣхъ странъ, которыя ихъ производятъ. Слѣдовательно, вовсе не ежегодное количество продуктовъ земледѣлія въ данной странѣ ограничиваетъ промысловое вознагражденіе. *Авт.*

припасовъ, производимыхъ въ данной странѣ земледѣліемъ, можетъ служить доказательствомъ, что деньги, добытыя этимъ путемъ (какъ вознагражденіе рабочимъ и купцамъ), все таки не есть богатство.

Классъ истинныхъ производителей долженъ быть предметомъ всякой заботы власти. Первою обязанностью у послѣдней должно быть обезпеченіе земельной собственности и необходимой для ея эксплуатаціи движимой собственности: «Безопасность собственности есть основа экономическаго порядка въ обществѣ». Правительство отнюдь не должно поощрять громадныя издержки промышленности, «которыя только разорительны и не служатъ источникомъ дохода»; пусть оно сберегаетъ средства на нужды земледѣлія, поощряетъ увеличеніе скота, устраиваетъ порты, каналы, дороги, а больше всего расширяетъ земледѣльческое образованіе. Впрочемъ, самою главною необходимостью для земледѣлія является свобода: «каждый долженъ свободно обрабатывать на своемъ полѣ то, что ему выгодно и доступно, что по свойствамъ его земли можетъ принести ему наибольшій доходъ». Далѣе, земледѣліе нуждается въ свободномъ обмѣнѣ своихъ произведеній какъ внутри страны, такъ и внѣ ея, потому что вмѣстѣ съ сбытомъ растетъ и обработка; еще болѣе вредны для нея запрещенія, налоги, косвенные сборы, все равно на что бы они не налагались, а тѣмъ болѣе на хлѣбъ или на предметы потребленія; однимъ словомъ, должны быть удалены всякія стѣсненія и ограниченія — «laisser faire, laisser passer *). Граждане, наученные опытомъ, просвѣщенные общественными школами, сами съумѣютъ направить свои капиталы на земледѣліе, а не на промышленныя предпріятія, сами позаботятся регулировать потребленіе

*) *Примѣчаніе.* Это получившее извѣстность выраженіе принадлежитъ, кажется, de Gournay.

земледѣльческихъ продуктовъ, сами соединятъ свои помѣстья такимъ образомъ, чтобы уменьшить издержки производства, короче сказать, все само собою будетъ тогда стремиться къ непрерывному увеличенію настоящаго богатства.

Если земля является единственнымъ источникомъ богатства, то, сообразно этому, только на нее одну и должна ложиться тяжесть налога. Но здѣсь необходимо различать нѣсколько элементовъ. Если мы возьмемъ всю массу полезностей, которая даетъ эксплуатація земли, т. е. ея валовой продуктъ, мы найдемъ въ немъ двѣ части, отличныя одна отъ другой; одна часть идетъ на вознагражденіе труда земледѣльца, другая, за вычетомъ этого вознагражденія изъ валовой суммы продуктовъ, поступаетъ въ распоряженіе землевладѣльца. Въ той части дохода отъ земли, которая приходится на долю земледѣльца, заключаются при ея обработкѣ средства содержанія его самого и семьи его, затѣмъ уплата необходимыхъ затратъ и наконецъ фондъ, необходимый для дальнѣйшей обработки; безъ этихъ составныхъ элементовъ остановится, за недостаткомъ капитала, обработка земли и вмѣстѣ съ тѣмъ изсякнетъ сейчасъ же источникъ богатства. Государство не можетъ посягать на эти основные элементы, иными словами, фермеръ долженъ быть свободенъ отъ налога. Какая же часть продукта въ такомъ случаѣ должна подлежать обложенію? Та, которая остается и поступаетъ къ собственнику земли, какъ арендная плата. Государство гарантируетъ землевладѣльцу владѣніе его собственностью, оно является соучастникомъ вмѣстѣ съ собственниками въ чистомъ продуктѣ земли—въ земельной рентѣ, съ которой и взимается налогъ. Чистый продуктъ, т. е. чистый доходъ, получаемый съ земли, за вычетомъ издержекъ на ея обработку, составляетъ наличную часть на-

роднаго богатства, которая идетъ на уплату расходовъ государства и на содержаніе всѣхъ остальныхъ видовъ промысла.

Косвенныхъ налоговъ физіократы не признавали, потому что они ложатся бременемъ на промышленные классы, которые ничего не производятъ. Единственный раціональный налогъ есть прямой налогъ, при которомъ за основаніе обложенія долженъ приниматься чистый продуктъ земли; кромѣ того, такой налогъ долженъ быть всеобщимъ и пропорціональнымъ.

Неограниченное возрастаніе населенія желательнымъ нельзя считать, такъ какъ увеличеніе населенія ограничено числомъ наличныхъ средствъ существованія, безъ увеличенія которыхъ не можетъ увеличиваться населеніе. Въ государствѣ, управляемомъ по раціональной системѣ, это обстоятельство необходимо постоянно имѣть въ виду. Отъ неравномѣрнаго увеличенія населенія неизбѣжно появленіе неравенства: если даже права и равны у всѣхъ, то не равны выгоды, такъ какъ возможность пользоваться правомъ не можетъ быть у всѣхъ одинаковою. Хотя неравенство вообще неизбѣжно во всякомъ обществѣ, но во всякомъ случаѣ, не должно быть крайней бѣдности, и всѣ могутъ быть счастливы, сообразно личному положенію каждаго.

Еще болѣе нежелательнымъ является пониженіе цѣнъ на произведенія земли. Вообще, для каждой вещи должна быть удобная естественная цѣна, вытекающая изъ спроса и предложенія, свободно предоставленныхъ своему теченію; цѣна эта должна быть выгодна какъ покупателю, такъ и продавцу. Повышеніе ея нанесетъ ущербъ потребителю, а пониженіе доставитъ потери производителю. Колебанія цѣнъ происходятъ или отъ безполезнаго вмѣшательства государства, или отъ тѣхъ преградъ и ограниченій которыми связываютъ внутреннюю и внѣшнюю торговлю.

Внѣшняя торговля нисколько не выгоднѣе внутренней.

Страна. достигшая благосостоянія, должна заботиться объ уменьшеніи внѣшнихъ торговыхъ сношеній: такая страна будетъ удовлетворять свои нужды собственными произведеніями. Самая лучшая международная политика та. которая основывается на естественномъ правѣ. Народы въ сношеніяхъ другъ съ другомъ—тоже. что отдѣльныя личности. «Отдѣльныя общества. писалъ Mercier de la Riviere. подобно тому, какъ и вѣтви одного и того же ствола, происходятъ изъ одного начала, они—не что иное, какъ различные классы одного естественнаго общества, которое учредило ихъ... Всякая нація есть только область великаго царства природы, всѣ націи управляются одними и тѣми же законами. которые въ своихъ существенныхъ чертахъ будутъ вполнѣ одинаковы. если только эти націи достигнутъ пониманія того. что справедливо и что не справедливо. и сознаютъ, что существуетъ одинъ непреложный порядокъ, установленный творцомъ природы, порядокъ. при которомъ люди управляются вездѣ и всегда и съ которымъ связано ихъ возможное благополучіе».

Достаточно сопоставить доктрины физіократовъ съ современными имъ учрежденіями, чтобы увидѣть. насколько большинство этихъ доктринъ имѣло значеніе лишь относительное и временное, какъ протестъ противъ злоупотребленій монархическимъ режимомъ. Такъ, провозглашая свободу личности, свободу труда, свободу торговли, требуя всеобщаго единаго налога, они въ дѣйствительности возставали противъ тѣхъ препятствій, которыя останавливали повсюду усилія индивидуальной дѣятельности,—противъ тираніи ремесленныхъ союзовъ. стѣсненій, парализовавшихъ торговлю. противъ безконечнаго увеличенія налоговъ и монополій, разросшихся цѣлымъ лѣсомъ подъ тѣнью абсолютной власти. Идея всеобщаго законодательства, которое должно вытекать изъ божественнаго разума, содержала въ себѣ на самомъ дѣлѣ

двоякія стремленія: во-первыхъ упрощеніе кодексовъ законовъ, во-вторыхъ, прекращеніе постояннаго состоянія войны между европейскими государствами.

Но при всемъ томъ, нельзя отказать этой первой школѣ экономистовъ въ вполнѣ заслуженной ею славѣ. Она заслужила ее уже тѣмъ, что она придала своимъ трудамъ вполнѣ научный характеръ. Физіократы установили существованіе естественныхъ и необходимыхъ отношеній между экономическими феноменами: они пытливо изслѣдовали отраженія каждаго изъ этихъ феноменовъ на соціальномъ организмѣ даже тамъ, гдѣ, казалось, они были незамѣтны; имъ была извѣстна идея о правильномъ ходѣ исторіи, объ эволюціи въ юридическихъ учрежденіяхъ. Кромѣ того, свои идеи и факты, призванные ихъ подтвердить, они соединили въ цѣльный систематическій порядокъ. Правда, система физіократовъ была черезчуръ искусственна, отдѣльныя части своей доктрины они связывали путемъ дедукціи, а такого апріорнаго связыванія не допускаетъ ни одна реальная доктрина. Главною же ошибкою авторовъ этой системы было то, что они считали ее пригодною для всѣхъ народовъ безъ различія мѣста и времени. Тѣмъ не менѣе, система эта, является прелюдіею дальнѣйшаго синтеза, болѣе послѣдовательнаго и положительнаго. Идеалы Dupont de Nemours, Mercier de la Riviere, le Trosne, Turgot замѣчательны своею простотою и послѣдовательностью въ духѣ геометрическихъ построеній, благодаря чему идеи ихъ быстро распространились между современниками и создали популярность «новой науки».

II.

Противники физіократовъ. Революціонная политическая экономія: Руссо и Мабли.

Само собой понятно, что «экономисты», превозносившіе принципъ свободы въ промышленности и торговлѣ, объявили

войну послѣднимъ ветеранамъ меркантильной системы и регламентаціи, доведенной до послѣднихъ предѣловъ. Отсюда, шумные дебаты по поводу вопроса о свободной торговлѣ зерномъ, въ которыхъ со стороны партизановъ ограниченія свободы торговли въ первыхъ рядахъ выступали аббатъ Галіани и Неккеръ. Но теоретическое значеніе этихъ дебатовъ—невелико. Какъ ни талантливы были люди, подобные Форбоннэ, даже до 1800 года остававшіеся вѣрными запретительной системѣ, все-таки «новыя идеи» побѣдоносно боролись съ прошлымъ; тріумфъ ихъ былъ не больше, какъ вопросомъ времени. А между тѣмъ, среди полнаго разгара тріумфа принципа «laissez faire, laissez passer» (свободы личности и дѣятельности) зарождаются соціалистическія доктрины. Въ XVIII вѣкѣ они пока не привлекаютъ къ себѣ особеннаго вниманія, тѣмъ не менѣе, должно отмѣтить моментъ ихъ зарожденія, такъ какъ въ слѣдующемъ XIX вѣкѣ доктрина «laisser faire, laisser passer» находитъ въ этихъ доктринахъ самаго непримиримаго и упорнаго противника. «Экономисты» подымаютъ изъ гроба Локка, Руссо и Мабли и черпаютъ вдохновеніе главнымъ образомъ у Платона. Первые зарекомендовываютъ себя стараніями утвердить на правовыхъ догмахъ принципъ частной собственности, для того, чтобы придать ему больше прочности и положить твердое основаніе политической экономіи. Вторые хотятъ переорганизовать общество, согласно требованіямъ справедливости; богатство кажется имъ, какъ и философамъ древности, препятствіемъ къ добродѣтели. Въ ихъ ученіи мы можемъ прослѣдить антиэкономическое теченіе, зарожденіе котораго мы видѣли у Платона, а продолженіе его — въ христіанской философіи и въ ученіяхъ XVI и XVII вѣковъ въ видѣ утопій Мора и Кампанеллы.

Христіанство, впрочемъ, не переставало, (правда только въ теоріи, а не на дѣлѣ), провозглашать принципіальную несправедливость богатства. Среди блеска версальскаго двора Боссюэ проповѣдуетъ неиспорченное евангельское ученіе. Въ своемъ *Sermon sur la dignité des pauvres dans l'Eglise* — онъ говоритъ: «Отецъ послалъ меня, говоритъ Спаситель чтобы возвѣстить Евангеліе бѣднымъ (Evangelisare pauperibus misit me). Онъ терпитъ богатство единственно ради помощи неимущимъ. Поэтому, въ древней церкви все отдавалось въ пользу общины, изъ боязни оказаться повиннымъ въ чьей-нибудь бѣдности... Какъ не справедливо, братья мои, что всѣ тяжести несутъ на себѣ только бѣднѣйшіе, что страданія нищеты покоятся на ихъ плечахъ! Если они жалуются и ропщутъ противъ Божественнаго Провидѣнія, то позволь мнѣ, Спаситель, сказать, что въ ихъ ропотѣ есть тѣнь правды. Вѣдь всѣ люди сотворены изъ одного и того-же праха. Развѣ можетъ быть различіе между прахомъ и прахомъ? Почему-же, съ одной стороны, мы видимъ веселіе, радость, изобиліе, а съ другой—горе, отчаяніе, крайнюю нужду и, что хуже всего,—презрѣніе и рабство? Почему этотъ богачъ, живущій среди такого изобилія, можетъ удовлетворить самыя мельчайшія изъ своихъ желаній, изощренныхъ до пресыщенія, въ то время какъ бѣднякъ, такой же человѣкъ, какъ онъ, не можетъ ни пропитать свое семейство, ни даже успокоить свой собственный голодъ?». Въ другой его рѣчи (*«Sermon sur les dispositions relativement aux néccessités de la vie)* легко найти отголосокъ тѣхъ-же взглядовъ: «Справедливы роптанія неимущихъ. Зачѣмъ это неравенство состояній! Всѣ созданы изъ праха и потому нѣтъ никакаго оправданія неравенству людей, если не признать, что Богъ подчинилъ неимущихъ богатымъ и опредѣлилъ однимъ существованіе отъ излишествъ другихъ. Ut fiat

equalitas, какъ сказалъ ап. Павелъ» (Кор. VIII, 14). И Боссюэ, возвращаясь къ христіанскому соціализму первыхъ вѣковъ, въ своемъ трактатѣ о ростѣ подвергъ осужденію ссуду за процентъ и вмѣнилъ богатому въ обязанность ссужать безъ вознагражденія бѣдняку сумму, въ которой онъ нуждается.

Фенелонъ въ своемъ «Телемакѣ» изображаетъ идеальный городъ Салентъ и подробно рисуетъ его экономическую организацію. Заявивъ, что здѣсь господствуетъ абсолютная свобода торговли. Фенелонъ все же говоритъ, что ввозъ продуктовъ роскоши строго запрещенъ. Равнымъ образомъ. отсюда изгнаны производство предметовъ роскоши, золотые и серебряныя украшенія. Всѣ ремесленники, которые раньше были заняты приготовленіемъ продуктовъ, признаныхъ безполезными, направлены на земледѣльческія работы. Земледѣліе составляетъ самую главную заботу правителя города; села являются сердцемъ государства. «Большой городъ, наполненный всевозможными ремесленниками, вся дѣятельность которыхъ направлена къ одному—изощрить, изнѣжить вкусы въ наслажденіяхъ жизни. и являющійся какъ бы средоточіемъ въ государствѣ бѣдномъ и мало культурномъ,—такой городъ напоминаетъ чудовище съ головой непомѣрной величины и безжизненными, истощенными голодомъ и болѣзнями, непропорціонально малыми членами. Только численность населенія и обиліе продуктовъ потребленія создаютъ истинную силу и истинное богатство государства». Преміи, поощряющія многочисленности семействъ, и облегченіе налоговъ—вотъ мѣры, которыя способствуютъ умноженію земледѣльческаго населенія; но послѣднее должно быть гарантировано отъ чрезмѣрнаго наростанія богатствъ и вытекающей изъ этого изнѣженности; поэтому должны быть изданы законы, ограничивающіе собственность. «Нужно первымъ дѣломъ упорядочить земельные надѣлы. выпадающіе на

отдѣльное семейство. . Семья многочисленная, но владѣющая малымъ количествомъ земли принуждена работать безъ отдыха. Изнѣженность и бездѣятельность дѣлаютъ народъ надменнымъ и непокорнымъ. Правда, хлѣбъ у нихъ будетъ, и въ достаточномъ количествѣ, но за то ничего другого, кромѣ хлѣба и плодовъ, собираемыхъ съ ихъ земли въ потѣ лица». Такая экономическая организація, въ которой государство располагаетъ собственностью и регламентируетъ индустрію и торговлю, очевидно близка къ соціалистической. Воззрѣнія Фенелона представляютъ сліяніе христіанскихъ ученій и античныхъ традицій (Сократа и Платона). Въ одно и тоже время, его воззрѣнія приближаются къ доктринамъ физіократовъ, по предпочтенію, оказываемому земледѣлію, и къ доктринамъ Руссо и Мобли, по своей соціалистической тенденціи, на которую мы только что указывали. Извѣстно, какъ тяжело было Фенелону, какъ и Лабріотеру, видѣть нищету или войну; а между тѣмъ, непомѣрно тяжелые налоги ослабляли ростъ населенія, которое тѣмъ болѣе возбуждало его состраданіе, что о-бокъ съ нищетой блисталъ своей роскошью королевскій дворъ. Ему, поэтому, казалось, подобно первымъ отцамъ церкви, что богатые отвѣтственны за окружающую ихъ нищету. Всякая частная собственность, конечно, необходимо носитъ исключительный характеръ.

По мѣрѣ того какъ XVII вѣкъ приближался къ концу, все сильнѣе начинаетъ пробуждаться забота, какъ справедливѣе распредѣлить между всѣми соціальныя выгоды. Состраданіе Фенелона соотвѣтствуетъ сантиментализму философовъ. Мощный потокъ любви и состраданія, совершенно увлекшій XVIII вѣкъ, долженъ былъ натолкнуться на неравенство состояній, какъ на препятствіе къ осуществленію идеала.

Въ 1753 г., т. е. въ то время, когда экономическое дви-

женіе только что начинало принимать сколько нибудь опредѣленныя формы, одна провинціальная академія (Дижонская), безъ сомнѣнія, отвѣчая на зарождающееся безпокойство умовъ, предложило на конкурсъ слѣдующую тему: «Откуда произошло неравенство среди людей и сообразно ли оно съ естественными законами?» Начало «соціальному вопросу» было положено. Жанъ-Жакъ Руссо появился на сценѣ, чтобы разрѣшить его. Тотъ же соціальный вопросъ нѣсколько позже находимъ мы въ его «Соціальномъ договорѣ», гдѣ, наряду съ вопросами чисто политическаго характера, удѣляется значительное мѣсто праву собственности и равенства. Къ нему-же возвратился онъ въ статьѣ «Политическая экономія», которою обязана ему энциклопедія.

Для Руссо казалось невозможнымъ, чтобы Богъ, виновникъ человѣческаго общества, какъ и всѣхъ остальныхъ вещей, могъ бы желать неравенства состояній,—осыпать благами небольшое число людей и обречь всю остальную массу на нищету. Чтобы снять съ Провидѣнія обвиненіе къ такой несправедливости, онъ строитъ гипотезу, что на зарѣ человѣчества царило совершенное состояніе вещей, — золотой вѣкъ, — которое онъ называетъ естественнымъ состояніемъ. Первобытный человѣкъ имѣетъ очень мало потребностей, которыя окружающая природа легко удовлетворяетъ. «Я представляю себѣ его, удовлетворяющаго свой голодъ подъ тѣнистымъ дубомъ, пьющаго у перваго источника, находящаго свое ложе подъ тѣмъ самимъ деревомъ, отъ котораго онъ получилъ свой обѣдъ; такимъ образомъ всѣ его потребности удовлетворены». Частная собственность не нужна тамъ, гдѣ всѣ находятъ полное удовлетвореніе своихъ потребностей, свободно пользуясь благами, которыя въ обиліи расточаетъ щедрая природа. Частная собственность не есть, слѣдова-

тельно. право естественное, вытекающее изъ законовъ природы; существованіе ея вовсе не входило въ первоначальные планы Провидѣнія; такъ, мы не находимъ ее, равно какъ и обусловливаемаго ею неравенства, у дикарей пребывающихъ въ первобытномъ состояніи, напр., у Караибовъ. Къ несчастію, по какимъ то таинственнымъ причинамъ, естественное первобытное состояніе не могло длиться. Побуждаемые развивающимися настоятельными потребностями, люди водворились на клочкѣ земли, обработали его и объявили право исключительнаго владѣнія на землю, обработанную ихъ трудомъ. Неравенство силъ и способностей не замедлило повлечь неравенство состояній. Насилія болѣе сильныхъ и жестокихъ, хитрости со стороны болѣе изворотливыхъ ради эксплоатаціи слабѣйшихъ, авторитетъ, поддерживаемый для того, чтобы сохранить соціальныя преимущества, ставшія источникомъ богатствъ,—все это создало еще болѣе крупныя различія между людьми. Наконецъ, пожирающее честолюбіе, страсть увеличить свое состояніе не столько подъ вліяніемъ реальныхъ потребностей, сколько ради возвышенія надъ другими, внушило людямъ гибельную наклонность вредить другъ другу, тайную зависть, тѣмъ болѣе опасную, что для вѣрнѣйшаго успѣха она не прочь надѣть и маску дружелюбія; появились конкурренція и соперничество съ одной стороны, а съ другой — противоположность интересовъ и скрытое, но постоянное желаніе поживиться на счетъ другого. Всѣ эти бѣдствія — прямой результатъ собственности и нераздѣльно связаны съ соціальнымъ неравенствомъ. Люди, наконецъ, начали сознавать необходимость установить путемъ договора нѣкоторый правовой порядокъ, при которомъ каждый нѣсколько ограничиваетъ свою свободу и отдаетъ свое пріобрѣтеніе подъ покровительство общества, подъ тѣмъ условіемъ, что остальная

сфера его свободы и его имущество будутъ обезпечены ему общественной силой. Такимъ образомъ, частная собственность не есть продуктъ естественнаго права, но продуктъ права, установленнаго людьми—гражданскаго; оно есть фактъ соціальный и проистекаетъ изъ коллективной воли. Частная собственность, не санкціонированная закономъ, есть нѣкоторымъ образомъ лишь физическое владѣніе, крайне непрочное и постоянно спорное» (Руссо—«Политическая экономія»,—статья изъ энциклопедіи).

Но съ этого момента государство пріобрѣтаетъ право, въ видахъ общественнаго блага, регулировать пользованіе правомъ гарантируемой имъ частной собственности. «Изданіе законовъ, регулирующихъ правомочіе частныхъ лицъ такъ или иначе употребить свое имущество, принадлежитъ одной верховной власти («Соціальный договоръ»). Равенство предъ закономъ и властями не можетъ долго существовать тамъ, гдѣ царитъ неравенство по положенію и по состоянію. Простые нравы предупреждаютъ крайности; роскошь, напротивъ, развращаетъ какъ богатаго, такъ и бѣдняка, развивая въ одномъ страсть къ обладанію, въ другомъ—алчность: она обрекаетъ государство на изнѣженность и тщеславіе; она лишаетъ его гражданъ порабощая однихъ другимъ, а всѣхъ—общественному мнѣнію».

«Поэтому главнѣйшимъ дѣломъ государственной власти должно быть предупрежденіе крайняго неравенства состояній, но не путемъ лишенія богачей объектовъ ихъ владѣнія, а путемъ устраненія для каждаго возможности ихъ пріобрѣтать и накоплять, не только воздвигая больницы и богадѣльни для нищихъ, но предупреждая возможность появленія послѣднихъ». (Соціальный договоръ). Такіе благодѣтельные результаты могло-бы дать воспитаніе, такъ какъ оно сдерживаетъ личный эго-

измъ человѣка въ опредѣленныхъ границахъ и облагораживаетъ его, сообщая ему оттѣнокъ любви общечеловѣческой.

Въ основаніе «Политической экономіи», какъ искусства управленія финансами, должны быть положены слѣдующіе принципы. Главнымъ источникомъ дохода государства должны быть продукты земли, право собственности на которую соіальный договоръ оставляетъ за государствомъ. Если возможно, слѣдовало бы деньги устранить совершенно. «Дайте явиться золоту и вы тотчасъ увидите желѣзо! Слово «финансы» — слово рабовъ; оно неизвѣстно было въ древнихъ греческихъ государствахъ». Поэтому государство должно быть небольшимъ; значительныя государства возникаютъ изъ завоеваній и для завоеваній: имъ нужны постоянная армія, вооруженіе, крѣпости, — расходы, которые не могутъ пополняться на счетъ общества. Съ точки зрѣнія Руссо, эти мелкія государства легко могли бы входить между собою въ договоры и такимъ образомъ выходить изъ естестественнаго состоянія, въ которомъ необходимо должны были бы пребывать. Великіе умы, — говоритъ Руссо, — всегда космополиты. И, дѣйствительно, мы знаемъ, что его занимали космополитическіе вопросы, и для него изъ самой сущности радикальнаго соціализма вытекало отрицаніе національной идеи. Какъ бы то ни было, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда государство не можетъ обходиться безъ значительныхъ финансовыхъ издержекъ, Руссо призываетъ на помощь безкорыстіе добродѣтели и устраненіе неравенства. Налогъ не долженъ ложиться на землю, а равно и на предметы первой необходимости, чтобы не заставлять людей голодать. Онъ долженъ черпаться изъ таможенъ, а внутри государства — изъ потребленія предметовъ роскоши. «Пусть облагаютъ высокими пошлинами ливреи, экипажи, зеркала, люстры и мебель, матеріи и драгоцѣнности, дворы и парки дворцовые,

зрѣлища разнаго рода, непроизводительныя профессіи: шутовъ, пѣвцовъ, скомороховъ, однимъ словомъ, все, что проистекаетъ изъ роскоши, изъ страсти къ наслажденіямъ, изъ бездѣлія изъ всего того, что тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что пользованіе имъ стремится показать себя». Недостаточно обложить богатыхъ пропорціонально выше, чѣмъ бѣдныхъ; обложеніе, по справедливости, должно черпаться изъ различія ихъ положеній и изъ разности ихъ состояній. Другими словами, налогъ не долженъ быть пропорціональнымъ, но прогрессивнымъ. Государство въ такомъ случаѣ можно уподобить человѣку, который, имѣя предъ собой неодинаково нагруженныя чашки вѣсовъ, безъ стѣсненія беретъ отъ тяжелѣе нагруженной и перекладываетъ на менѣе нагруженную.

Руссо не думаетъ посягать на принципъ частной собственности даже тогда, когда онъ требуетъ, чтобы государство гарантировало средства существованія своимъ гражданамъ, учредивъ общественные склады. Напротивъ, онъ даже совѣтуетъ государству покровительствовать наслѣдственной передачѣ и заботиться о сохраненіи частныхъ состояній. *Мабли* радикальнѣе Руссо: онъ отрицаетъ самую идею собственности. Его сочиненія есть не болѣе, какъ перефразъ Платона «О республикѣ». Онъ упрекаетъ «экономистовъ», что они предаются изученію однихъ матеріальныхъ интересовъ людей. «Основаніемъ благоденствія человѣческаго общества должно считать добродѣтели; богатство явится само собою». Главной задачей политики, по его мнѣнію, должно быть устраненіе того, чтобы страсти выходили съ побѣдой изъ борьбы съ нашимъ разумомъ, борьбы, на которую мы осуждены навсегда. Политика должна ставить своей цѣлью держать страсти подъ ярмомъ. Родоначальникомъ всѣхъ пороковъ является «чудовище съ двумя туловищами — жадностью и расточитель-

ностью, — которое никогда не устаетъ или пріобрѣтать, или расточать». Для обузданія его, должно устранить неравенство состояній и обязать всѣхъ вести скромный образъ жизни. Для этого есть только одно средство: это — превратить частную собственность въ общественную: другими словами, уничтожить ее. Подобно Руссо, Мабли также изображаетъ счастливое время, когда всѣ предметы потребленія не принадлежали никому, когда обязанности распредѣлялись по способностямъ, когда каждый получалъ свою долю въ общемъ достояніи чрезъ посредство установленныхъ для этого лицъ. Нельзя не отмѣтить особую важность доктрины Мабли, особенно для послѣдующаго времени.

Она является связующимъ звеномъ между соціалистическими ученіями XVI вѣка и утопическимъ соціализмомъ новѣйшаго времени. Современники не придали ей должнаго значенія; всеобщее вниманіе было отвлечено индивидуалистической либеральной школой, которая продолжала двигаться впередъ быстрыми шагами и съ именемъ Адама Смита связала апогей своего развитія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Начало либерализма и индивидуализма.

I.

Предшественники Адама Смита въ Италіи, Франціи и Англіи.

Чѣмъ болѣе экономисты углублялись въ вопросъ объ истинномъ происхожденіи богатства, тѣмъ навязчивѣе и очевиднѣе становилось то положеніе, что произведенія земли дѣлаются доступными и годными къ употребленію, только благодаря приложенію къ нимъ человѣческаго труда. Разные экономисты, предшествовавшіе Адаму Смиту, всѣ, такъ или иначе, сходятся въ признаніи истинности приведеннаго положенія о роли труда въ созданіи богатствъ; въ этомъ смыслѣ они являются непосредственными предшественниками Адама Смита. Ученіе этого великаго экономиста было подготовлено изслѣдованіями цѣлаго ряда экономическихъ писателей Италіи, Франціи и Англіи, у которыхъ выдвигается и постепенно развивается вопросъ о трудѣ и значеніи его въ народномъ богатствѣ. Разсмотримъ сочиненія главныхъ представителей этого новаго направленія въ экономической наукѣ.

Италія. Первая половина восемнадцатаго вѣка не отличалась въ Италіи оживленіемъ въ сферѣ экономической науки. За то вторая половина дастъ намъ рѣдкій примѣръ обилія трудовъ въ экономической области; такое явленіе, безспорно, находится въ связи съ значительнымъ развитіемъ общественнаго

благосостоянія, особенно въ государствахъ сѣверной части полуострова.

Блестящую вереницу мыслителей открываетъ *Бандини* своимъ трудомъ, появившимся въ 1737 г. и опубликованнымъ только въ 1775 г., о мареммѣ Сіенны. Въ Неаполѣ была создана для него новая профессорская кафедра, подъ названіемъ кафедры торговли и механики. Это была первая кафедра политической экономіи, все еще связанной съ принципами меркантильной школы, но уже ушедшей далеко отъ нея въ своихъ требованіяхъ свободы торговли зерномъ и отмѣны регламентаціи процента и денегъ. Она провозглашаетъ рядъ новыхъ положеній; она смотритъ на трудъ, какъ на капиталъ, принадлежащій всѣмъ націямъ, всякому человѣку, всѣмъ сословіямъ, и признаетъ, что какъ бы ни былъ тягостенъ трудъ, его должно любить, какъ высшій законъ жизни и дѣятельности, какъ источникъ всякаго блага. «Нѣтъ,—говоритъ Бандини,—другого средства создавать богатство, кромѣ честнаго труда». Это былъ реформаторъ, глубоко проникнутый идеями своего вѣка.

Другой писатель *Галіани* принялъ дѣятельное участіе въ спорѣ относительно торговли зерномъ, обнаруживъ при этомъ много остроты ума. Вопреки мнѣніямъ физіократовъ, либеральные выводы которыхъ отличались крайней абсолютностью, независимостью отъ мѣстныхъ и временныхъ условій, Галіани старался доказать, что въ одной странѣ могутъ быть болѣе умѣстны законы, ограничивающіе торговлю, въ другой—свободное обращеніе. Въ первомъ своемъ сочиненіи, которое появилось подъ его именемъ (и которое съ большимъ основаніемъ можно приписать внушенію маркиза Ринуччини и Бартоломео Интіери), «*О монетѣ*» (1750 г.), Галіани съ большимъ остроуміемъ разсматриваетъ многочисленныя развѣтвленія трактуемаго вопроса и особенно останавливается на цѣнности. Онъ доказываетъ что

цѣнность обусловливается спросомъ, полезностью, количествомъ труда и времени, затраченныхъ на производство; результатомъ вліянія на человѣческое мышленіе вышеприведенныхъ факторовъ является понятіе цѣнности, понятіе до крайности смутное въ его время.

Беккарія (1738 г. — 1794 г.) читалъ въ Миланѣ курсъ политической экономіи, (который былъ опубликованъ впослѣдствіи, въ 1804 году), уже создавъ себѣ широкую извѣстность своимъ знаменитымъ трактатомъ *«О преступленіяхъ и наказаніяхъ»* (1764 г.). Со своимъ обычнымъ глубокомысліемъ, въ курсѣ политической экономіи Беккарія въ крайне сжатой формѣ, излагаетъ взгляды, полные оригинальности, особенно по сравненію съ идеями физіократовъ. Раньше Адама Смита онъ понялъ великое значеніе раздѣленія труда, роль времени и духовныхъ способностей человѣка въ производствѣ, истинную функцію производительныхъ капиталовъ. Одновременно съ Беккарія, Петро Верри, его другъ дѣтства (1728 — 1797) человѣкъ, быть можетъ, болѣе глубокій и проницательный, чѣмъ Беккарія, но болѣе скромный, въ нѣсколькихъ глубокомысленныхъ сочиненіяхъ, особенно въ «Размышленіяхъ» (1771) пытался создать новую систему нарождавшихся политико-экомическихъ ученій. Правда, законъ, считаемый имъ за основной — «что цѣна находится въ обратномъ отношеніи къ числу продавцевъ и въ прямомъ къ числу покупателей — законъ этотъ можно очень и очень оспаривать; но зато заслуживаетъ полнаго вниманія рѣшительная его критика взглядовъ физіократовъ относительно безплодности промышленнаго труда. Промышленное воспроизводство, говоритъ онъ, возникаетъ изъ примѣненія труда въ мануфактурахъ такимъ-же образомъ, какъ пашни возникаютъ отъ примѣненія труда къ землѣ. Всѣ явленія вселенной, какъ вытекающія непосредственно изъ природы, такъ и

создаваемыя человѣкомъ, всѣ они представляютъ не *актъ творенія*, но лишь *измѣненія* матеріи. Соединеніе (интеграція) и раздѣленіе (дезинтеграція)—единственные элементы, которые человѣческій умъ открываетъ при анализѣ идеи воспроизводства. Совершенно такое же воспроизводство *цѣнностей* и *богатства* имѣетъ мѣсто какъ въ томъ случаѣ, когда земля, вода и воздухъ преобразовываются въ зерно, такъ и въ томъ, когда рука человѣка преобразовываетъ въ бархатъ выдѣленія насѣкомаго, или превращаетъ въ часы небольшіе кусочки металла». Онъ утверждаетъ, что промышленный трудъ, нисколько не менѣе, чѣмъ земледѣльческій, утилизируетъ сырой матеріалъ и расширяетъ потребленіе; мало того, трудъ создаетъ бенефиціи (ренту) и обусловливаетъ увеличеніе богатствъ; но кромѣ всего, промышленный трудъ имѣетъ надъ земледѣльческимъ то громадное преимущество, что допускаетъ гораздо болѣе быстрое обогащеніе націи, чѣмъ послѣдній.

Сочиненіе Верри имѣло значительный успѣхъ. Кондильякъ, воспитатель инфанта Пармскаго, принимавшій очень близкое участіе въ умственномъ оживленіи Италіи, почти буквально заимствовалъ у Верри свое основное возраженіе по поводу заблужденій физіократовъ. Его «*Опытъ о торговлѣ и правительствѣ*» появился четыре года спустя, послѣ «*Размышленій о политической экономіи*» (1775), а «*Богатство народовъ*» Адама Смита вышло въ свѣтъ только въ 1776 году. Мало вѣроятно, чтобъ послѣдній былъ знакомъ съ сочиненіями Кондильяка и черпалъ въ нихъ свое вдохновеніе. Но гораздо большаго довѣрія заслуживаетъ предположеніе, что такую роль сыграли для Адама Смита сочиненія Верри. Во всякомъ случаѣ, то обстоятельство, что нѣсколько мыслителей разныхъ націй приходятъ къ тождественнымъ заключеніямъ, получившимъ самое блестящее выраженіе въ «*Богатствѣ на-*

родовъ». доказываетъ очень широкое распространеніе тождественныхъ идей, охватившихъ мало по малу весь контингентъ, и указываетъ на то, что эти идеи сильно назрѣли въ умахъ мыслящаго человѣчества и что настала пора ихъ рожденія.

Франція. *По мѣрѣ того*, как*ъ* *школа физіократовъ росла* и развивалась, она все пренебрежительнѣе относилась къ смѣлымъ экскурсіямъ человѣческой мысли въ области естественнаго права, все сильнѣе замыкалась въ кругъ чисто экономическихъ феноменовъ, имѣя дѣло лишь съ ними и вытекающими изъ нихъ законами. Короче, политическая экономія стремится стать въ полную независимость отъ этики. Стремленіе—едва-ли конечное, какъ мы это увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи; но во всякомъ случаѣ, это стремленіе вполнѣ оправдывалось, какъ необходимое условіе созданія стройной и цѣльной системы. Въ этомъ отношеніи физіократы вполнѣ сошлись съ Адамомъ Смитомъ.

Тюрго покончилъ счеты съ экономическими воззрѣніями финансистовъ школы Ло и усвоилъ либеральные принципы Гурнэ еще до образованія «секты» физіократовъ. Принципы Тюрго однако во многомъ рѣзко отступали отъ credo школы физіократовъ. Это разнорѣчіе выступаетъ еще рѣзче, если сопоставить «*Размышленія объ образованіи и распредѣленіи богатствъ*» съ другими сочиненіями Тюрго: «*Разговорами въ Сорбоннѣ*» и *Политической географіей*».

Вмѣсто того, чтобы приводить всякій соціальный феноменъ къ феноменамъ экономическимъ и дѣлать послѣдній центромъ исторіи и политики, Тюрго въ ряду факторовъ, обусловливающихъ жизнь соціальнаго тѣла, отводитъ производству и обмѣну мѣсто нисколько не высшее, чѣмъ религіи, обычаямъ, литературѣ, наукѣ, искусствамъ. При томъ Тюрго не увлекается воззрѣніями естественнаго первобытнаго права,

видящаго золотой вѣкъ на зарѣ человѣчества. Съ двадцатитрехлѣтняго возраста онъ предался глубокому изученію исторіи и вынесъ изъ него то заключеніе, что первобытные народы не были вовсе такъ добродѣтельны и миролюбивы. Но все таки нельзя сказать, чтобы онъ вѣрилъ въ непрерывный и однообразный прогрессъ человѣчества, какъ это повидимому можно заключить изъ нѣкоторыхъ, цитируемыхъ у него, ходячихъ формулъ. Онъ не допускаетъ, напримѣръ, безусловнаго прогресса нравственности и полагаетъ, что существуетъ лишь эволюція преступности, переходъ отъ преступленій, характеризующихся кровопролитіемъ и насиліемъ, къ преступленіямъ, въ основѣ которыхъ лежитъ обманъ.

Тѣмъ не менѣе онъ признаетъ, что общества слѣдуютъ по нѣкоторому опредѣленному пути въ развитіи какъ своихъ религіозныхъ, философскихъ, художественныхъ и научныхъ понятій, такъ и своихъ экономическихъ воззрѣній, и онъ пытается даже опредѣлить эти пути, держась при этомъ возможно ближе фактической исторіи.

Подобныя-же воззрѣнія раздѣляютъ съ Тюрго самые крупные англійскіе мыслители восемнадцатаго вѣка—Юмъ и Адамъ Смитъ. Методъ Тюрго болѣе историческій и въ немъ меньше апріорности, чѣмъ у физіократовъ. «Люди, говоритъ онъ, доходятъ до истины лишь ощупью, путемъ опыта». Съ очевидностью выступаетъ его стремленіе въ экономическихъ выводахъ опираться на разумъ и исторію, значительно въ большей степени, чѣмъ у другихъ его современниковъ. Такъ онъ рѣшительнѣе, чѣмъ они, не хотѣлъ признавать различій, которыя положила исторія между различными націями. Какъ Mercier de la Riviere, онъ полагаетъ, что всѣ государства должны управляться однимъ и тѣмъ-же правомъ, потому что всѣ законодательства составляютъ лишь дальнѣйшія видоизмѣненія одного общаго пер-

вобытнаго естественнаго права. Тюрго сокрушаетъ всѣ препятствія, мѣшающія единенію людей и признаетъ себя гражданиномъ вселенной. Въ его перепискѣ мы находимъ слѣдующую фразу, удивительную въ устахъ министра стараго режима: «Кто не можетъ отдѣлаться отъ той мысли, что государства отдѣлены другъ отъ друга и обладаютъ различной организаціей, тотъ пусть и не берется за рѣшеніе какого-бы то ни было вопроса политической экономіи».

Наконецъ, Тюрго сильнѣе, чѣмъ другіе физіократы, настаиваетъ на двухъ, находящихся во взаимной связи, законахъ: раздѣленіи труда и неравенствѣ классовъ. Занятія людей не могутъ различаться по своей сущности, природѣ, безъ того, чтобы сами люди не отличались по своему положенію, безъ того, чтобы одни изъ нихъ не были подчинены другимъ. Это положеніе онъ старается обставить солидными доводами уже въ началѣ своихъ «*Размышленій*». «Если бы земля,—говоритъ онъ,—была-бы распредѣлена между обитателями какой-нибудь страны такимъ образомъ, что каждый изъ нихъ получалъ бы ровно столько, сколько хватило-бы для его пропитанія и ничего болѣе, то очевидно, что каждый, будучи равнымъ другому, не пожелалъ-бы трудиться ради другого; при этомъ ни у кого не было-бы излишка, что-бы оплатить трудъ другого, такъ какъ у каждаго находится въ распоряженіи лишь столько земли, что онъ можетъ добыть себѣ одну пищу, которую всѣ и потребляютъ, и не имѣетъ ничего для обмѣна на продуктъ труда другого. Если такое состояніе и существовало, то оно не могло быть продолжительнымъ; ибо такъ какъ каждый извлекаетъ изъ своей земли лишь столько, сколько нужно, чтобы обезпечить свое пропитаніе, и не имѣетъ чѣмъ оплатить трудъ другого, то очевидно, что остальныя свои потребности—въ

жилищѣ, въ платьѣ и т. п. онъ можетъ удовлетворять единственно только своимъ личнымъ трудомъ, что врядъ ли было бы возможно, такъ какъ нѣтъ такой земли, которая производила бы все необходимое.

Но вскорѣ опытъ научаетъ каждаго, какой родъ производства наиболѣе удобенъ на его землѣ; онъ начинаетъ ограничивать свою дѣятельность этимъ производствомъ, съ цѣлью, путемъ обмѣна съ сосѣдями, добыть себѣ все недостающее; сосѣди, въ свою очередь, дѣлаютъ тоже: начинаютъ заниматься одной какой-нибудь культурой, оставляя всѣ прочія. Но одними сырыми продуктами земли, при настоящей степени цивилизаціи, не можетъ быть удовлетворена большая часть потребностей; эти сырые продукты требуютъ дальнѣйшей обработки, приложенія къ нимъ искусства: зерно нужно превратить въ муку и хлѣбъ; кожи нужно дубить и расправить; ленъ и бумагу нужно прясть; коконы должно размотать; коноплю необходимо мочить и трепать, превратить въ ткань, кроить, шить платье, обувь и т. д.

Если бы то самое лицо, которое производитъ всѣ эти предметы въ видѣ сырыхъ продуктовъ, и то, которое потребляетъ ихъ для удовлетворенія своихъ нуждъ, были принуждены въ тоже время исполнять всѣ разнообразныя операціи по приготовленію этихъ предметовъ, то очевидно, что едва-ли можно было бы ожидать какого-нибудь успѣха отъ этихъ операцій. Большая часть изъ этихъ операцій требуетъ тщательности, вниманія, продолжительнаго опыта, пріобрѣтаемаго безпрерывнымъ систематическимъ трудомъ надъ большимъ количествомъ матеріала. Возьмемъ для примѣра операцію выдѣлки кожъ. Кто могъ бы продѣлать самостоятельно весь длинный рядъ необходимыхъ для этого операцій, длящихся многіе мѣсяцы, а подчасъ и годы? Если бы и нашелся такой мастеръ,

то что стоило-ли бы продѣлывать все это надъ одной кожей? Какая потеря времени, помѣщенія матеріаловъ для одной кожи, когда при всемъ этомъ можно было бы выдубить большую массу кожъ! Но, допустимъ, что онъ выдубитъ для себя одну кожу; изъ нея онъ приготовитъ одну пару башмаковъ, такъ какъ больше ему не нужно. Что онъ станетъ дѣлать съ остальнымъ кускомъ кожи? Для того, чтобы сдѣлать пару башмаковъ потребовалось убить цѣлаго быка; для того, чтобы приготовить пару деревянныхъ подошвъ, потребовалось срубить цѣлое дерево. Стоило ли для этого тратить такую массу труда? Тоже можно сказать и про потребность во всемъ прочемъ по отношенію ко всякому человѣку, такъ что каждый въ отдѣльности, работая самъ по себѣ и для себя, долженъ былъ бы тратить массу времени и труда, для того чтобы едва прикрыть свое тѣло и провести нѣсколько бороздъ на своей землѣ.

Тотъ самый мотивъ, который побудилъ производителей разныхъ естественныхъ продуктовъ вступить въ обмѣнъ другъ съ другомъ своими произведеніями, тотъ же мотивъ заставитъ вступить въ обмѣнъ между собою, съ одной стороны, земледѣльцевъ, производителей сырья и, съ другой, тѣхъ, которые посвятили себя труду обработки естественныхъ продуктовъ. Отъ такого размѣщенія занятій выигрываютъ рѣшительно всѣ, такъ какъ занимаясь какой нибудь одной спеціальностью, каждый достигаетъ въ ней бóльшаго совершенства. Земледѣлецъ извлекаетъ теперь бóльшую сумму продуктовъ изъ своего поля и легче обезпечиваетъ остальныя свои потребности, путемъ обмѣна своего излишка на тѣ предметы, которые онъ не приготовляетъ самъ; сапожникъ, изготовляя сапоги для земледѣльца, получаетъ доли изъ его продуктовъ. Каждый, та-

кимъ образомъ, трудится чтобъ удовлетворить потребности всѣхъ остальныхъ, и всѣ, въ свою очередь, работаютъ для каждаго въ отдѣльности».

Но при такой взаимности услугъ, гдѣ трудъ каждаго является необходимымъ для всѣхъ прочихъ, не всѣ пользуются одинаковыми выгодами. Земледѣлецъ всегда имѣетъ излишекъ; ремесленникъ получаетъ только минимумъ. «При всякомъ родѣ труда, долженъ наступить и наступаетъ въ дѣйствительности такое положеніе, что доходъ рабочаго, ремесленника ограничивается только необходимымъ для его существованія». Рабочій, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ рукъ, принужденъ, если не въ силу нравственныхъ причинъ, то въ силу экономической необходимости, подчиниться владѣльцу земли. Получается неравенство положенія, которое усиливается съ ростомъ богатства. Тюрго, какъ можно видѣть, предугадываетъ, что раздѣленіе труда, сосредоточеніе земельной собственности въ рукахъ одного общественнаго класса, обѣдненіе остальныхъ классовъ—рабочихъ и возникающая изъ такихъ условій конкуренція въ предложеніи труда,—приведетъ къ тому печальному явленію, которое называютъ желѣзнымъ закономъ, т. е. пониженію до минимума заработной платы. Никто изъ физіократовъ не обладалъ такимъ даромъ предвидѣнія.

Изъ всего вышесказаннаго можно видѣть, что Тюрго удаляется отъ физіократовъ и приближается болѣе къ Адаму Смиту и его школѣ. Его «Размышленія», опубликованныя въ 1766 году, были посланы четыре года спустя въ Лондонъ Тукеру и были переведены на англійскій языкъ. Не лишено вѣроятія то предположеніе, что это сочиненіе было знакомо Адаму Смиту.

Кондильякъ также отступаетъ отъ школы физіократовъ. Одинъ изъ нихъ упрекаетъ Кондильяка за это отступленіе и

именно по тѣмъ пунктамъ, въ которыхъ онъ является предшественникомъ великаго шотландскаго философа. Фактъ, достойный быть отмѣченнымъ,—что по этимъ же самымъ пунктамъ Кондильякъ оказывается согласнымъ съ Кантильономъ, первымъ изъ физіократовъ того періода, когда эта школа стала подвергаться измѣненіямъ въ своихъ основахъ.

Пользуясь тѣмъ же методомъ, что и въ своемъ анализѣ душевныхъ способностей человѣка, Кондильякъ пытается путемъ гипотезъ прослѣдить послѣдовательныя фазы экономическаго развитія. Онъ полагаетъ, что съ точки зрѣнія экономической, люди переживаютъ три разныхъ состоянія: первобытное состояніе, свойственное примитивнымъ, дикимъ людскимъ обществамъ; умѣренная, простая жизнь, характеризующая общества, достигшія равновѣсія и выработавшія нормальную организацію; наконецъ, изнѣженное состояніе, которое наступаетъ съ развитіемъ роскоши, когда умножившіяся неестественныя потребности все болѣе извращаютъ естественный экономическій строй.

Въ первой части своего труда Кондильякъ занимается опредѣленіемъ основныхъ экономическихъ феноменовъ, наиболѣе доступныхъ опредѣленію по своей первоначальной простотѣ. На первомъ планѣ стоитъ цѣнность. По Кондильяку, цѣнность есть результатъ отношеній между вещами и личностями. Она зависитъ отъ полезности вещей (потребительной стоимости). Есть два источника полезности — земля и трудъ. «Земля, говоритъ Кондильякъ, является источникомъ или матеріаломъ, изъ котораго создается богатство; трудъ сообщаетъ этому матеріалу ту или другую форму». Обобщая послѣднюю мысль, Кондильякъ говоритъ далѣе: «Когда земля производитъ разнаго рода естественные продукты, въ созиданіи ихъ принимаютъ участіе тѣ же матеріалы, которые существовали и раньше,

они принесли лишь новыя формы; такимъ образомъ естественныя богатства есть только разнообразныя трансформаціи одной и той же матеріи. Среди нихъ мы находимъ тѣ продукты, которые созданы природой для того, чтобъ сыграть роль сырыхъ матеріаловъ для новыхъ трансформацій при участіи труда и искусства. Эти новыя формы служатъ для удовлетворенія новыхъ потребностей; онѣ являются источникомъ новой стоимости. Индустрія (или трудъ) придаетъ цѣнность множеству продуктовъ, которые безъ этого не имѣли бы никакой цѣнности.

Ясно, что трудъ или индустрія (на что особенно напираютъ противники физіократовъ) въ концѣ концовъ является источникомъ богатства.

Даже торговецъ принимаетъ участіе въ образованіи богатства. Тюрго, слѣдовательно, очень далекъ отъ теорій физіократовъ о безплодности труда и промышленности. Цѣну Тюрго опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: цѣна есть выраженіе цѣнности или полезности вещи для насъ или оцѣнка тѣхъ жертвъ, на которыя мы можемъ рѣшиться, чтобы пріобрѣсть вещи. Обмѣнъ опредѣляетъ размѣръ цѣны вещей. Она зависитъ отъ двухъ фактовъ: 1) отъ обилія или рѣдкости вещи и 2) отъ конкурренціи. Не столько фактическое обиліе или рѣдкость предметовъ обусловливаетъ цѣнность ихъ,—прибавляетъ далѣе не безъ остроумія Кондильякъ,—сколько мысль, часто ложная, о рѣдкости или обиліи ихъ. Поэтому никакой предметъ не имѣетъ абсолютной цѣны, такъ какъ ничего нѣтъ болѣе измѣнчиваго, чѣмъ идея, составляемая нами о цѣнности вещи или напряженность желанія имѣть ту или другую полезную вещь. Это потому, что цѣна, которую приписываютъ разнымъ предметамъ, не всѣми принимается за таковую: каждый стремится продать свои продукты какъ можно до-

роже. но въ то-же время ему самому недостаетъ иныхъ предметовъ, очень для него необходимыхъ, и потому цѣнимыхъ имъ выше его собственныхъ продуктовъ. Онъ думаетъ дать меньше, а получить больше, но то-же думаетъ и всякій другой; они принуждены оказывать другъ другу взаимныя услуги. На этомъ основаніи найдутся впослѣдствіи и такіе, которые станутъ утверждать, что всякое отношеніе людей есть обмѣнъ услугъ. Съ такимъ-же остроуміемъ анализируетъ Кондильякъ роль рынковъ и городовъ, монеты и кредита. Онъ основываетъ право собственности на захватѣ и на трудѣ. Неравенство среди людей онъ думаетъ оправдать неравнымъ результатомъ труда и неравными способностями разныхъ личностей. Но неравенство людей думаетъ онъ, не влечетъ за собой необходимымъ образомъ гибели слабѣйшаго, такъ какъ необходимость промышленной солидарности людей исправляетъ зло неравенства. Всѣ нуждаются другъ въ другѣ. «Когда люди въ томъ или другомъ отношеніи взаимно другъ отъ друга зависятъ, то они принуждены уступать другъ другу и никто не можетъ въ такомъ случаѣ злоупотребить нуждою каждаго изъ остальныхъ. Такъ сближаются и переплетаются между собою интересы людей, и послѣдніе, хотя кажутся зависимыми другъ отъ друга, на самомъ дѣлѣ независимы». Самъ собою устанавливается въ сферѣ производства порядокъ, управляемый закономъ солидарности труда, подобно тому какъ подобный-же порядокъ устанавливается самъ собою въ сферѣ торговли, подъ вліяніемъ закона спроса и предложенія.

Далѣе Кондильякъ переходитъ къ тому періоду въ жизни человѣческаго общества, когда оно обнаруживаетъ желаніе, не выходя изъ первоначальнаго устойчиваго порядка, покинуть первобытныя, грубыя формы общежитія и перейти къ новымъ формамъ производства, болѣе интенсивнымъ и ха-

рактеризующимъ большее благоденствіе людей. Въ этомъ новомъ состояніи общество живетъ счастливо, пока не знаетъ роскоши. Въ этомъ пунктѣ замѣтно вліяніе на Кондильяка Руссо: «Эта обширная страна (величиной съ Европу) усѣяна деревнями, селами, городами, мѣстечками; это—масса свободныхъ государствъ, управляемыхъ почти одними и тѣми-же законами; и всѣ они, происходя отъ одного общаго источника, считаютъ себя членами одной семьи, хотя и составляютъ нѣсколько разныхъ народностей». Такой обширный aггломератъ государствъ, соединенныхъ свободой торговли, преданныхъ промышленности, постоянно увеличивающихъ свои богатства и возрастающихъ въ численности своего населенія—уже гораздо ближе напоминаетъ промышленную Европу въ томъ видѣ, какъ изображаетъ ее Адамъ Смитъ, чѣмъ союзъ республикъ, о которыхъ мечталъ Ж. Ж. Руссо.

Но мало по малу въ обществѣ получаетъ развитіе роскошь и оно вступаетъ въ третій періодъ своей жизни. Народы вступаютъ между собою въ распри и войну. Политическая свобода гибнетъ. Свобода труда и торговли ограничивается тысячами препятствій: налогами, пошлинами, дорожными сборами, крѣпостнымъ правомъ, цехами, привиллегированными компаніями, монополіями, принудительнымъ курсомъ кредитныхъ знаковъ, хлѣбными законами, государственными займами. Духъ спекуляціи охватываетъ всѣ части администраціи. Безпорядокъ достигаетъ своего апогея; вмѣстѣ съ роскошью растетъ и нищета; города переполняются нищими; деревни пустѣютъ и государство, обремененное огромными долгами, если и черпаетъ кое какіе доходы до поры до времени, то только для того, чтобы дойти до болѣе полнаго разрушенія. Кондильякъ допускаетъ, что развитіе богатства, предоставленное самому себѣ, благодаря труду, могло бы пріобрѣсть неопредѣ-

ленно широкіе размѣры. Но онъ думаетъ, что нѣкоторыя нравственныя причины не допускаютъ такого безграничнаго развитія богатства, такъ какъ «націи подобны дѣтямъ и управляются не разумомъ, но капризомъ и авторитетомъ». Для аналогіи вспомнимъ, что въ эту эпоху всѣ французскіе мыслители исповѣдовали самую полную вѣру въ человѣческій разумъ. Въ ихъ средѣ и Тюрго, какъ мы видѣли, заявлялъ свою вѣру въ безконечный общественный прогрессъ. Та же самая вѣра въ 1772 году внушила маркизу Шастели (Chastellux) прекрасную книгу: *La Félicité publique*,—сочиненіе мало извѣстное, хотя заслуживающее быть сопоставленнымъ съ «Богатствомъ народовъ». Эта вѣра въ силу человѣческаго разума, создавшая безграничный раціонализмъ, была символомъ вѣры философской школы XVIII вѣка. Адамъ Смитъ былъ другомъ Тюрго и главныхъ сотрудниковъ «Энциклопедіи», и въ тоже время—другомъ Кенэ и физіократовъ.

Англія. Источникомъ, въ которомъ Адамъ Смитъ впервые почерпнулъ свое вдохновеніе, былъ—его учитель Гутчисонъ, курсъ котораго по нравственной философіи содержалъ и экономическій отдѣлъ. Но главнымъ образомъ на него имѣлъ вліяніе другъ его Юмъ, величайшій мыслитель XVIII вѣка, который свои знаменитые «Опыты о торговлѣ, роскоши, монетѣ, процентѣ и торговомъ балансѣ» написалъ, еще въ 1752 году, т. е. тогда, когда еще и не подымался вопросъ о физіократахъ.

Юмъ (1711—1776) былъ, какъ извѣстно, философомъ, но философомъ-критикомъ. Проблематическія построенія его предшественниковъ, касающіяся естественнаго состоянія человѣка, и искуственная постройка общества путемъ договора, были подвергнуты впервые Юмомъ серьезной критикѣ, доказавшей всю шаткость этихъ построеній.

«Если бы каждая человѣческая генерація сразу вся исче-

зала съ лица земли и уступала свое мѣсто слѣдующей, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто у шелковичныхъ червей и бабочекъ.—то, безъ сомнѣнія, всякая послѣдующая генерація (допуская, что она обладаетъ такою высотою развитія, чтобы самостоятельно выбрать себѣ то или другое правительство,—случай, конечно, не допустимый у людей) создала-бы съ общаго согласія свою собственную форму правленія, не сообразуясь нисколько съ законами и прецедентами, имѣвшими мѣсто раньше, у исчезнувшей генераціи. Но дѣло въ томъ, что родъ человѣческій находится въ состояніи безпрерывнаго движенія, такъ какъ въ каждый моментъ есть люди, покидающіе міръ, и есть — вступающіе въ него; поэтому, для устойчивости правительства необходимо, чтобы новое поколѣніе сообразовалось съ раньше установленной конституціей и не сходило съ дороги, начертанной предшествующими поколѣніями, въ свою очередь исполнявшими предначертанія болѣе отдаленныхъ поколѣній. Конечно, во всякой конституціи должны дѣлаться тѣ или другія измѣненія, и счастлива та эпоха, просвѣщенный геній которой направляетъ эти измѣненія въ духѣ, требуемомъ разумомъ и свободой и справедливостью. Что-же касается насильственныхъ измѣненій, то никто не можетъ имѣть права совершить ихъ, не исключая даже самого парламента, такъ какъ отъ подобныхъ насильственныхъ измѣненій должно скорѣе ожидать зла, чѣмъ блага» *). Невозможный въ наше время договоръ еще менѣе былъ возможенъ въ начальныхъ стадіяхъ развитія общества.

Юмъ съ необычайной силой логики и остроумія доказываетъ несостоятельность договорной теоріи общества и государства и вмѣстѣ съ тѣмъ теоріи естественнаго права, все это удаляя съ дороги Адама Смита. Золотой вѣкъ счастія и

*) „Essai sur le contrat.

справедливости физіократовъ пересталъ существовать, ставъ для великихъ шотландцевъ только прекрасной химерой.

Вмѣсто того, чтобы, подобно Кондильяку, разсматривать всякую стадію экономическаго развитія общества, какъ дальнѣйшую ступень къ регрессу, Юмъ, а за нимъ и Смитъ, держатся того мнѣнія, что все идетъ къ лучшему и станетъ еще лучше въ будущемъ. Поэтому оба мыслителя рѣшительно склоняются къ прогрессивнымъ теоріямъ, поддерживаемымъ во Франціи Тюрго и Кондорсе.

Какимъ-же образомъ совершается это движеніе человѣчества къ болѣе счастливому состоянію? При посредствѣ стремленій, безъ сомнѣнія, болѣе или менѣе сознательныхъ, но во всякомъ случаѣ несвободныхъ, непроизвольныхъ, такъ какъ волевые импульсы человѣка подчинены законамъ такъ-же, какъ и все остальное въ природѣ. Надъ волей тяготѣетъ міровой детерменизмъ. Юмъ удерживается отъ фантастическаго изображенія первыхъ періодовъ жизни человѣчества. Подобно нѣкоторымъ изъ своихъ предшественниковъ (Фергюссону и другимъ), онъ пытается, на основаніи внимательно собранныхъ и провѣренныхъ документовъ, возсоздать картину прошедшаго народовъ, оставившихъ послѣ себя письменные памятники. Въ обширномъ сочиненіи *«О населеніи античныхъ государствъ»* онъ опровергаетъ общій предразсудокъ, приписывающій древнимъ государствамъ болѣе значительную населенность, сравнительно съ современными государствами, предразсудокъ, какъ мы видимъ, противорѣчащій теоріи прогресса. Юмъ—философъ и въ тоже время историкъ: онъ изучаетъ развитіе общества въ его цѣломъ, какъ нѣчто реальное и органическое. Онъ нигдѣ не отдѣляетъ производства цѣнностей отъ другихъ общественныхъ функцій и разсматриваетъ развитіе экономическаго благосостоянія всякаго общества въ необходимой связи съ прогрессомъ знаній, искусствъ и политическихъ

учрежденій. Впервые Юмомъ была замѣчена родственная близость между политической экономіей и соціологіей. Адамъ Смитъ съумѣлъ воспользоваться этими вновь открывшимися горизонтами.

Богатство состоитъ не въ деньгахъ, какъ утверждали меркантилисты. Юмъ съ значительной глубиной критикуетъ меркантильную систему и даже позволяетъ себѣ увлечься общей тогда реакціей противъ идей Ло, Мелона и Дюто, осуждая высшія формы кредита, банки, публичные займы, усиленные выпуски бумажныхъ кредитныхъ знаковъ. Не заключаясь въ деньгахъ, національное богатство не ограничивается также естественными продуктами земли. «Земля производитъ все необходимое человѣку; но искусство и ремесло должны явиться на подмогу природѣ, безъ чего значительная доля произведеній земли не могли бы быть потребленными человѣкомъ».

Дѣйствительно, развѣ не сумма производительнаго труда есть лучшая мѣра благосостоянія народа? Эта сумма зависитъ, между прочимъ, и отъ количества населенія страны. Отъ населенности зависятъ также и производительная сила народа, и его торговая дѣятельность, и военное могущество, т. е. всѣ элементы благосостоянія государства. Пусть самъ Юмъ изложитъ намъ свои воззрѣнія, обнаруживающія значительную степень натурализма и оптимизма, столь отличныя, въ этомъ отношеніи отъ воззрѣній физіократовъ.

«Вообще, должно признать, что относительная населенность того или другого государства, той или другой эпохи влечетъ за собой слѣдствія громадной важности и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ превосходство внутренняго порядка, нравовъ и правительства данной страны. Въ каждомъ индивидуумѣ того и другого пола заложены производительныя способности бòльшей силы, чѣмъ та, съ которою онѣ себя проявляютъ; полному проявленію этой производительности препятствуетъ

тяжелое положеніе подданныхъ, которое, конечно, разумное правительство можетъ устранить. Всякій обыкновенный человѣкъ, считающій себя способнымъ содержать семью, не преминетъ обзавестись ею. Исходя изъ этого принципа, родъ человѣческій втеченіе одного поколѣнія болѣе чѣмъ удвоился бы, если бы всякій вступалъ въ бракъ съ возраста возмужалости. Съ какой быстротой размножались бы люди въ какой нибудь новой колоніи или новомъ государствѣ, гдѣ они имѣли все необходимое для нуждъ семьи или гдѣ они не преслѣдовались бы и не угнетались, какъ это имѣетъ мѣсто во всѣхъ государствахъ, существующихъ и существовавшихъ? Исторія часто представляетъ намъ примѣры, когда населеніе государства уменьшалось на третью или четвертую часть; и не смотря на такой уронъ, втеченіе одного или двухъ поколѣній опустошеніе становилось незамѣтнымъ и населеніе возвращалось къ своему первоначальному количеству. Земли, обработанныя погибшими, готовые дома, оставленныя богатства—доставались уцѣлѣвшимъ и ставили ихъ въ возможность ранѣе вступать въ бракъ и воспитывать дѣтей, которыя замѣняли погибшихъ. Поэтому, всякое правительство, разумное, справедливое и гуманное, не обирая своихъ подданныхъ и упрочивая за ними ихъ пріобрѣтенія, всегда будетъ вызывать большую населенность и само будетъ и богаче, и культурнѣе.

Понятно, что страна, почва и климатъ которой позволяютъ воздѣлываніе винограда, будетъ гуще населена, чѣмъ та, которая не можетъ ничего производить, кромѣ хлѣба; послѣдняя-же будетъ населеннѣе той, которой единственнымъ богатствомъ являются пастбища. Но при тождественности всѣхъ остальныхъ условій, естественно ожидать, что въ странѣ съ правительствомъ разумнымъ, гдѣ подданные пользуются значительной долей благосостоянія и свободы, населеніе должно быть болѣе многочисленно».

Было-бы невѣрнымъ заключать, что Юмъ игнорируетъ важное значеніе нравственности въ политической жизни: но онъ думаетъ, что роскошь, необходимо вытекающая изъ развитія индустріи за предѣлы удовлетворенія элементарныхъ потребностей, не составляетъ чего нибудь опаснаго для нравственности. Роскошь скорѣе является стимуломъ къ разнаго рода дѣятельности. Легко наблюдать, что при процвѣтаніи техническихъ искусствъ, всегда процвѣтаютъ и благородныя искусства и наука. Роскошь, думаетъ Юмъ, способствуетъ развитію общительности и услужливости, и служитъ источникомъ нравственности; она вноситъ массу разныхъ утонченностей въ отношенія людей другъ къ другу и во внутреннюю жизнь отдѣльныхъ лицъ. «Знанія, индустріи и гуманизмъ связаны другъ съ другомъ неразрывной цѣпью, и не трудно доказать, что этотъ союзъ является всегда въ сопровожденіи роскоши и утонченности». Если подъ вліяніемъ благосостоянія ослабѣваетъ въ слишкомъ изнѣженномъ обществѣ храбрость и мужество, то сознаніе чести будетъ стремиться возмѣстить эту потерю. Увѣренность въ обезпеченности развиваетъ въ гражданахъ духъ независимости; оттого именно торговыя націи становятся республиками; *между богатствомъ и свободой нѣтъ антагонизма* *), думаетъ Юмъ.

---

*) Въ свое время эти мысли были безусловно справедливы, именно, въ эпоху сильнаго ограниченія разными регламентаціями свободной дѣятельности личности, особенно въ промышленной и торговой сферахъ; по этой-то причинѣ третье сословіе и явилось вѣстникомъ свободы и равенства для всего міра: самое блестящее изложеніе своихъ принциповъ оно дало въ знаменитой „деклараціи правъ“. Но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи свобода промышленности и торговли выродилась съ одной стороны въ свободную беззастѣнчивую эксплоатацію капиталомъ трудящихся классовъ, а съ другой въ свободу выбирать между голодомъ или безпрекословнымъ подчиненіемъ капиталу, т. е. безнадежнымъ рабствомъ. *Примѣч. перев.*

Онъ какъ бы раскрываетъ, угадываетъ блестящее будущее экономическаго прогресса. Чуждый опасеній и пессимистическихъ взглядовъ Руссо и Кондильяка, глубоко убѣжденный, что возвратъ людей къ воздержанности и простотѣ, свойственнымъ зарождающимся обществамъ, есть ничто иное какъ химера, онъ выражаетъ желаніе, чтобы производительныя силы всѣхъ націй пошли полнымъ ходомъ, и вмѣняетъ въ обязанность всѣмъ правительствамъ развитіе матеріальнаго благосостоянія народовъ. У Юма уже рѣзко обозначается новый промышленный духъ, получившій болѣе полное выраженіе у Адама Смита.

Во многихъ отношеніяхъ Юмъ оказывается даже выше Смита. Онъ, напр., не заходитъ такъ далеко, какъ послѣдній, въ вопросѣ объ ограниченіи сферы воздѣйствія государства. Юмъ втеченіе долгаго времени исполнялъ дипломатическія обязанности и это сдѣлало изъ него государственнаго человѣка. Онъ не думаетъ, что слѣдуетъ принимать какія нибудь мѣры противъ исчезновенія монеты изъ предѣловъ государства; монета въ силу естественнаго хода вещей должна возвратиться къ мѣсту своего отправленія и въ отношеніи количества монеты у разныхъ націй должно установиться нѣкоторое равновѣсіе, подобно тому, какъ устанавливается жидкость на одномъ уровнѣ въ сообщающихся сосудахъ. «Послѣднее явленіе можно объяснить, не прибѣгая къ физическому притяженію; но и моральное притяженіе, берущее свое начало отъ людскихъ интересовъ и страстей, по крайней мѣрѣ въ равной степени сильно и столь же очевидно». Но бываетъ масса случаевъ, когда государство должно вмѣшиваться въ ходъ экономическихъ феноменовъ: оно должно принимать подъ свое покровительство нарождающуюся промышленность; въ особенности-

же на его обязанности лежитъ устраненіе всего того, что могло-бы такъ или иначе мѣшать возрастанію населенія.

Кромѣ того, Юмъ, — и это отличіе его отъ Смита заслуживаетъ особеннаго вниманія, — критикуетъ съ другой точки зрѣнія, чѣмъ Смитъ, усиленіе пошлинъ, сдѣлавшее Англію въ свое время столь враждебною иностранной торговлѣ. Онъ не считаетъ себя гражданиномъ вселенной; онъ не думаетъ, чтобы всякая страна могла бы сама по себѣ развить свое богатство, и въ сущности онъ имѣетъ въ виду выгоды только своего отечества, когда излагаетъ свои очень широкіе планы иностранной политики. «Не только, какъ человѣкъ вообще, но и какъ англичанинъ я желалъ бы видѣть процвѣтаніе торговли въ Англіи, Италіи и даже Франціи». Безъ всякаго сомнѣнія изъ такой экономической солидарности цивилизованныхъ націй, солидарности, изображенной Юмомъ въ такихъ блестящихъ краскахъ, не малую, если не самую большую выгоду извлекла-бы Англія. Можно признать, что Юмъ стоитъ ниже Смита съ точки зрѣнія логичности и ясности экономическихъ выводовъ, но онъ имѣетъ предъ Смитомъ то преимущество, что онъ является не только его предшественникомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предшественникомъ оригинальнымъ, ставшимъ въ своихъ политикоэкономическихъ воззрѣніяхъ на національную почву, между тѣмъ какъ Смитъ склонялся съ большей или меньшей степени къ французскому космополитизму.

II.

Адамъ Смитъ.

Физіократы совершенно случайно обратились къ историческому изученію основныхъ экономическихъ институтовъ. Ошибка ихъ заключается въ томъ, что они изложили

эту исторію, не давъ себѣ труда подробно ознакомиться съ источниками, отчего ихъ трудъ представляетъ скорѣе миѳологію естественнаго права. Такъ же поступилъ и Руссо въ своей картинѣ естественнаго состоянія. Кондильякъ высказалъ нѣсколько болѣе достовѣрныхъ гипотезъ, но все-же это были только гипотезы. Одинъ Тюрго далъ своимъ концепціямъ болѣе солидное историческое обоснованіе. При этомъ всѣ они вводили въ изложеніе и объясненіе историческихъ данныхъ свой субъективный практическій идеалъ. Адамъ Смитъ, какъ и другъ его Юмъ, принялъ позитивно-историческую точку зрѣнія и хотя онъ и расходился съ Юмомъ во взглядахъ на безсмертіе души и существованіе Бога—что онъ допускалъ—тѣмъ не менѣе онъ признавалъ, что міръ, понимая подъ этимъ человѣческое общество, управляется естественными законами. Профессоръ нравственной философіи, онъ создалъ свою репутацію извѣстнымъ сочиненіемъ «*Теорія нравственныхъ чувствъ*». Его завѣтной мечтою было написать обширную исторію цивилизаціи, въ которой онъ думалъ представить, по примѣру Тюрго, историческое развитіе литературы, искусствъ и науки, параллельно съ развитіемъ обществъ. Его изслѣдованія «*О происхожденіи и образованіи языковъ*», «*Исторія астрономіи*», «*Исторія логики и метафизики древнихъ*»—суть части широко задуманнаго сооруженія, которое онъ началъ уже возводить и въ которомъ, какъ можно судить по оконченнымъ отрывкамъ, отразился характеръ эпохи: въ немъ преобладали идеи a priori, слишкомъ поспѣшныя и мало обоснованныя обобщенія, но во всякомъ случаѣ въ цѣломъ оно представляло бы богатѣйшій матеріалъ, превосходящій своимъ научнымъ значеніемъ всѣ подобныя сочиненія.

Такимъ образомъ и «Изслѣдованіе о природѣ и причи-

нахъ богатствъ народовъ» является частью этого обширнаго плана. Адамъ Смитъ хотѣлъ представить раціональный и историческій ходъ экономическихъ явленій. Изученіе того, что было и что есть, предшествуетъ у Смита изученію того, что должно быть: его вниманіе сначала останавливается на естественныхъ *законахъ* развитія богатствъ, а затѣмъ уже онъ переходитъ къ тѣмъ правиламъ, которымъ нужно слѣдовать при производствѣ богатствъ. Отказавшись отъ своего обширнаго плана исторіи цивилизаціи, Смитъ окончилъ спеціальный трудъ о богатствѣ, представивъ во второй его части практическія правила примѣненія къ жизни экономическихъ ученій. Именно въ началѣ втораго тома, Смитъ даетъ свое единственное точное опредѣленіе политической экономіи, изъ котораго явствуетъ, что онъ видитъ въ ней скорѣе искусство, чѣмъ политику: «Политическая экономія, разсматриваемая какъ отрасль знанія, потребнаго государственному человѣку и законодателю, имѣетъ два предмета изученія: во 1-хъ она имѣетъ цѣлью обезпечить благосостояніе народа, или лучше сказать, она стремится поставить народъ въ условія, благопріятствующія правильному теченію экономической жизни; во 2-хъ она изучаетъ тѣ средства, которыми государство или община можетъ добывать потребныя для общественныхъ предпріятій суммы, другими словами, конечною цѣлью политической экономіи есть обогащеніе и народа и государства».

Изъ этого дѣленія видно, что Смитъ проводитъ рѣзкое различіе между *спекулятивною частью* политической экономіи, которая представляетъ и изучаетъ законы развитія богатства, и какъ таковая есть наука соціальная, и *практической частью*, которая представляетъ искусство производства и распредѣленія богатства.

Эту точку зрѣнія Адамъ Смитъ не оставляетъ въ продол-

женіе всей своей работы, почему ему вполнѣ основательно приписываютъ титулъ основателя политической экономіи.

Предшественники Адама Смита смѣшивали чисто экономическія теоріи съ изслѣдованіями вопросовъ права и постоянно искажали картину экономическихъ институтовъ въ ихъ историческомъ развитіи, присоединяя къ ней планы будущей экономической организаціи, соотвѣтственно съ своими экономическими и нравственными идеалами. Смитъ изучалъ экономическія явленія изолированно, внѣ связи ихъ съ другими вопросами соціальной жизни, и даже въ этой, уже въ достаточной степени ограниченной области, онъ различаетъ законы историческаго развитія отъ чисто практическихъ правилъ. Въ этомъ глубокая заслуга Смита передъ потомствомъ, такъ какъ изученіе законовъ природы можетъ дать опредѣленныя правила практической дѣятельности только въ томъ случаѣ, если это знаніе вырабатывается путемъ чисто объективнаго изученія, внѣ зависимости отъ тѣхъ или другихъ предвзятыхъ практическихъ системъ.

Позже, когда политическая экономія достигла болѣе полнаго и свободнаго развитія ее сдѣлали подчиненнымъ орудіемъ политики: интересу отвели подобающее ему мѣсто въ ряду другихъ двигателей прогресса — долга, любви къ отечеству и гуманности. Для Адама Смита вопросъ объ отношеніяхъ этихъ двигателей не существовалъ; какъ и физіократы, онъ въ высокой степени оптимистъ. Онъ вѣритъ въ Провидѣніе. Законы, управляющіе образованіемъ и распредѣленіемъ богатства, даны Богомъ, который заботится о счастьи человѣка и сохраненіи общества, и они кажутся Смиту совершенными и полными внутренней гармоніи. Духовный міръ управляется законами симпатіи: это Смитъ показалъ въ своей «Теоріи

нравственныхъ чувствъ». Равнымъ образомъ не можетъ придти въ разстройство и міръ внѣшнихъ интересовъ. И въ немъ господствуетъ извѣстное начало, которое связываетъ его и удерживаетъ въ равновѣсіи. Начало это, прирожденное и свойственное всѣмъ людямъ, есть стремленіе улучшить свое положеніе, быть возможно болѣе счастливымъ, расширять по возможности средства своего существованія. Любовь къ роскоши, мотовство и неумѣренность приводятъ, конечно, къ грустнымъ послѣдствіямъ, но дѣйствіе этихъ преходящихъ страстей совершенно случайно, а стремленіе пріобрѣсть средства къ безбѣдному существованію есть чувство спокойное и постоянное, оно не покидаетъ насъ въ продолженіе почти всей жизни.

Это стремленіе вознаграждаетъ общество за потери, причиненныя дурными страстями. «Составляя первоначальный источникъ какъ общественнаго, такъ и частнаго благосостоянія — этотъ принципъ, часто настолько могущественъ, что, не смотря на злоупотребленія и ошибки правительствъ и администраціи, онъ ведетъ общество по пути къ прогрессу. Это до нѣкоторой степени напоминаетъ намъ скрытую, невыясненную еще, но прирожденную всѣмъ людямъ жизненную энергію, которая успѣшно противодѣйствуетъ болѣзни и часто спасаетъ человѣка, вопреки даже грубымъ ошибкамъ врача». Какъ результатъ этого — правильный, безпрерывный прогрессъ, который развивается самъ собою, конечно если только ему не мѣшаетъ своимъ вмѣшательствомъ правительство» *).

Развитіе богатства способствуетъ примиренію разнородныхъ интересовъ членовъ общества: рабочій получаетъ больше заработной платы и трудъ его, какъ болѣе энергичный, болѣе удовлетворяетъ предпринимателя; торговля завоевываетъ отдаленные рынки и водворяетъ согласіе между го-

*) Изсл. о прир. богатс. кн. II, ч. III.

сударствами и ихъ подданными. Это вполнѣ естественное стремленіе всѣхъ къ благополучію не подвергаетъ опасности ни общественный миръ, ни нравственность; интересы людей также солидарны, какъ сходственны ихъ души, и поэтому вполнѣ натурально, что всѣ заинтересованы въ общемъ прогрессѣ.

При всемъ своемъ оптимизмѣ, Смитъ, однако, отлично понимаетъ, что въ то время, какъ въ однѣхъ странахъ богатство свободно развивается, а въ другихъ падаетъ, рабочіе классы часто осуждены въ обоихъ случаяхъ жестокимъ страданіямъ: тѣже кризисы мы замѣчаемъ даже въ странахъ, экономическое развитіе которыхъ остановилось уже давно. Смитъ не затрудняется дать надлежащее объясненіе этому явленію. Всякія измѣненія въ правильномъ ходѣ развитія экономической жизни современныхъ цивилизованныхъ государствъ происходятъ, по его мнѣнію, отъ правительственнаго вмѣшательства. Правительственная власть не можетъ касаться этого удивительнаго механизма, созданнаго самой природою для производства и распредѣленія богатства, не внося этимъ безпорядка и разрушенія. Поэтому въ каждой работѣ, въ каждомъ дѣлѣ слѣдуетъ стремиться къ сокращенію, по возможности, случаевъ правительственнаго вмѣшательства. Если производители и торговцы данной страны могутъ обходиться безъ всякаго содѣйствія власти, то также безъ сомнѣнія могутъ обходиться безъ него всѣ производители и всѣ торговцы сосѣднихъ странъ: въ этомъ случаѣ государственная граница потеряла бы raison d'être своего существованія и цивилизованный міръ представлялъ бы одну общую обширную мастерскую и одинъ общій рынокъ. Когда поймутъ великое значеніе естественныхъ законовъ и перестанутъ ставить препятствія ихъ свободному развитію тогда подъ ихъ благотворнымъ вліяніемъ всѣ народности достигнутъ одной и той же степени благоденствія и образуютъ одну однород-

ную массу, части которой будутъ тѣмъ болѣе солидарны, чѣмъ дальше движется ихъ экономическое развитіе. Тогда станутъ безполезны многочисленныя постоянныя арміи, правосудіе будетъ отправляться въ каждомъ городѣ и селеніи, обширныя предпріятія общеполезнаго характера сосредоточатся въ рукахъ большихъ товариществъ; многообразныя правительственныя функціи разобьются на составные элементы, и все это будетъ въ рукахъ народа. Хотя эта утопія единой мировой экономической республики и не была въ подробностяхъ развита Смитомъ, она однако лежала въ основѣ его противоправительственнаго оптимизма.

Таково въ общихъ чертахъ его ученіе въ цѣломъ; теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію главнѣйшихъ частей его труда.

Первые три книги (образующія первый томъ), посвящены, какъ мы имѣли уже случай замѣтить выше, изученію *законовъ* развитія богатствъ, или, что тоже самое, *причинъ*, которыя объясняютъ намъ ростъ богатствъ въ цивилизованныхъ странахъ. Изъ того одного, что трудъ Смита озаглавленъ «Изслѣдованіе о природѣ богатствъ и пр.» слѣдуетъ то, что авторъ по необходимости долженъ былъ на ряду съ изученіемъ законовъ разсмотрѣть и составныя части богатства и тѣ разнообразныя формы, въ которыхъ оно проявляется въ своемъ историческомъ развитіи. Но нигдѣ въ этой части труда авторъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ о идеалѣ, о томъ, что, по его мнѣнію, *должно быть;* все его вниманіе поглощено изслѣдованіями явленій прошлаго и настоящаго и ихъ причинной связи. Эта часть его работы исключительно научно-историческая.

Богатство народовъ есть годичный продуктъ двухъ факторовъ — земли и труда, изъ которыхъ наиболѣе важнымъ является послѣдній. Годовой трудъ есть тотъ основной

фондъ, который доставляетъ предметы какъ первой необходимости, такъ и роскоши, потому что все это или представляетъ собою непосредственный продуктъ труда даннаго народа, или было добыто обмѣномъ этого продукта на произведенія труда другихъ народовъ. Отношеніе продуктовъ труда или того, что покупается за его счетъ, и числа потребителей указываетъ степень богатства страны.

Продуктивная сила труда можетъ увеличиваться двояко: во первыхъ энергіею труда, во вторыхъ, распредѣленіемъ труда. Она увеличивается при раздѣленіи труда на отдѣльныя, болѣе или менѣе мелкія операціи, исполняемыя многими рабочими. Адамъ Смитъ первый съ достаточною полнотою развилъ идею раздѣленія труда, высказанную еще Платономъ и повторенную Петти и Бекаріа. Онъ доказалъ, что раздѣленіе труда, сообщая работнику болѣе ловкости и быстроты и сокращая значительно время, усиливаетъ продуктивную энергію работы. Преимущества подобной организаціи мы можемъ наблюдать даже въ трудѣ интеллектуальномъ, такъ какъ зарожденіе и развитіе наукъ и искусствъ было результатомъ появленія особаго класса людей, свободныхъ отъ обязательныхъ физическихъ упражненій. Равнымъ образомъ изобрѣтеніе машинъ есть слѣдствіе раздѣленія труда. Далѣе оно вызвало новое, первобытному строю неизвѣстное явленіе — обмѣнъ. Взаимные интересы побуждаютъ людей предоставлять другимъ все, имъ ненужное, лишнее, чтобы въ свою очередь получить продукты ихъ труда: это даетъ каждому возможность спокойно стремиться къ одной опредѣленной задачѣ и развивать свои способности въ этомъ направленіи, такъ какъ всякая выучка, всякая спеціализація требуетъ долгихъ и постоянныхъ упражненій. Чѣмъ шире обмѣнъ, тѣмъ болѣе развивается раздѣленіе труда, другими словами, раздѣленіе труда

тѣсно связано съ размѣромъ рынка. Отсюда вытекаетъ слѣдующее положеніе, которое мы можемъ подтвердить историческими данными,—что все, способствующее расширенію рынка, въ тоже время способствуетъ и общему прогрессу.

Деньги — орудіе обмѣна по преимуществу. Имъ Адамъ Смитъ посвящаетъ одну изъ замѣчательныхъ главъ своего сочиненія. Ограничимся слѣдующимъ. Денежное обращеніе тѣсно связано съ принципомъ раздѣленія труда; дѣйствительно, каждый человѣкъ можетъ успѣшно выполнить одну работу и, обладая, такимъ образомъ, только предметами одного рода, естественно стремится имѣть такой всеобще нужный товаръ, который легко обмѣнивался бы на произведенія труда другихъ лицъ; этотъ товаръ и есть деньги. Далѣе нашъ авторъ приступаетъ къ изученію вопроса о цѣнности; онъ различаетъ цѣнность потребленія и цѣнность мѣновую. Потребительною цѣнностью обладаетъ напр. вода, которая полезна, необходима даже для существованія, но за которую однако, обыкновенно никто ничего не дастъ; бриліантъ, наоборотъ, обладаетъ въ высокой степени мѣновою цѣнностью, такъ какъ онъ, не удовлетворяя ни одной потребности существованія, имѣетъ въ то же время большую покупную силу. Обращаясь къ мѣновой цѣнности, Смитъ утверждаетъ, что покупая какой либо предметъ, мы пріобрѣтаемъ, собственно говоря, трудъ другаго лица, и что цѣна даннаго предмета выражаетъ то количество труда, которое продавецъ, обмѣнявъ этотъ предметъ, можетъ возложить на другихъ лицъ. «Такимъ образомъ, не золотомъ и не серебромъ, а трудомъ пріобрѣталось первоначально всякаго рода богатство; а цѣнность послѣдняго для обладающаго имъ человѣка, желающаго обмѣнять его на какія либо новыя произведенія, совершенно равна количеству труда, какое можетъ быть куплено и заказано за него».

Разсмотримъ въ отдѣльности элементы, изъ которыхъ составляется цѣна товаровъ; мы замѣтимъ, что вся она сводится къ труду и тѣсно связана съ успѣшностью труда.

Прежде всего мы видимъ *поземельную ренту*, т. е. произведенія почвы; она находится въ зависимости отъ большей или меньшей степени плодородія почвы, отъ болѣе или менѣе удобнаго расположенія даннаго участка земли и т. п. Но рента, хотя она и обозначаетъ доходъ труда земледѣльца, находится всегда въ связи съ развитіемъ труда вообще въ данной странѣ. Именно трудъ и придаетъ цѣнность землѣ. Чѣмъ большимъ количествомъ труда располагаетъ данное общество, тѣмъ больше можно затрачивать его въ землю, въ видѣ ли рабочихъ рукъ, обробатывающихъ ее, или въ видѣ капитала, служащаго для эксплоатаціи почвы. Наконецъ, при развитіи труда, возростаетъ предложеніе мануфактурныхъ издѣлій, чѣмъ понижается ихъ цѣнность, а это даетъ возможность земледѣльцу при прежнемъ даже уровнѣ дохода, имѣть въ своемъ распоряженіи больше удобствъ, т. е. другими словами доходъ его возростаетъ.

Слѣдующая составная часть цѣны — это *заработная плата*, т. е. доходъ, извлекаемый работникомъ изъ своего труда. Число получающихъ заработную плату возрастаетъ по мѣрѣ расширенія могущества труда, такъ какъ чѣмъ больше остается свободнаго дохода у предпринимателя или у свободнаго робочаго, послѣ того какъ будутъ удовлетворены ихъ неотложныя потребности и пріобрѣтены необходимыя для работы орудія труда, тѣмъ больше, естественно, будутъ стремиться они привлечь къ работѣ помощниковъ. Съ другой стороны, заработная плата повышается, когда промышленная организація дѣлаетъ новые успѣхи или когда появляются новые свободные капиталы. Не понижается она и тогда, когда останав-

ливается ростъ богатства и промышленности или даже приходитъ въ полный упадокъ. Эти гипотезы даютъ Адаму Смиту основанія поднять новый въ то время вопросъ—объ отношеніяхъ капитализма и рабочаго класса; разсматривая его, онъ указываетъ на рѣзкій антагонизмъ ихъ интересовъ и взвѣшиваетъ шансы враждующихъ сторонъ въ завязавшейся борьбѣ.

Затѣмъ имѣется въ цѣнѣ товара *прибыль*, т. е., тотъ барышъ, который остается у лица, нанявшаго капиталъ, землю, фабрику или какую либо другую цѣнность, за вычетомъ ренты землевладѣльцу и заработной платы рабочимъ. Прибыль находится въ зависимости отъ характера труда; она измѣняется, смотря по тому, трудна ли работа или нѣтъ, чистая ли или грязная, уважаема или, наоборотъ, презираема; зависитъ она также отъ степени трудности или легкости подготовительнаго ученія, его доступности для желающихъ; зависитъ отъ того, постояненъ ли трудъ, или онъ въ извѣстное время прерывается (такъ называемые «мертвые сезоны»), зависитъ она и отъ степени довѣрія, которое требуетъ предпріятіе отъ исполнителя; наконецъ зависитъ она и отъ того, насколько тотъ или другой трудъ даетъ надежду на успѣхъ. Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, трудъ есть великій регуляторъ цѣнъ предметовъ.

Возвратимся къ нашей отправной точкѣ. Мы сказали, что продуктивная сила труда можетъ увеличиваться не только интенсивно, но и экстенсивно; мы уже видѣли, что интенсивно она возрастаетъ по мѣрѣ спеціализаціи труда, а спеціализація зависитъ отъ развитія обмѣна.

Какъ же увеличивается продуктивная сила труда экстенсивно? Прежде всего—при накопленіи капитала.

Капиталъ есть необходимое условіе раздѣленія труда. «Ткачъ только тогда можетъ безпрепятственно заняться своею

спеціальною работою, когда онъ располагаетъ нѣкоторымъ запаснымъ потребительнымъ фондомъ, все равно находится ли этотъ фондъ въ его рукахъ или въ рукахъ другого лица; фондъ этотъ обезпечиваетъ какъ личное его существованіе, такъ и необходимые для его работы матеріалы и орудія, до тѣхъ поръ, пока выработанное имъ полотно будетъ не только окончено, но и продано. Ясно, что только накопленіе капитала дастъ ему возможность начать и довести до конца свою работу».

Съ другой стороны, съ раздѣленіемъ труда, на сцену выступаютъ машины, значительно упростившія работу. Фабрикація машинъ потребовала новые капиталы. Съ увеличеніемъ производства, увеличивается и число потребныхъ рабочихъ, хотя каждому изъ нихъ приходится теперь работать больше, чѣмъ при прежнемъ строѣ промышленной жизни.

Капиталъ есть часть запасовъ общества. Всѣ запасы состоятъ изъ двухъ частей: одна предназначена для непосредственнаго употребленія, другая употребляется ея владѣльцами для полученія дохода. Эта послѣдняя часть называется собственно капиталомъ и въ свою очередь раздѣляется на два вида: капиталъ оборотный и основной. Основной капиталъ даетъ доходъ, не переходя въ другія руки; оборотный состоитъ изъ такого рода благъ, которыя, будучи приготовлены, произведены или пріобрѣтены, вновь продаются для полученія дохода и замѣняются другими благами. Капиталъ оборотный постоянно уходитъ и вновь возвращается въ руки своего хозяина. Основной капиталъ заключается: 1) въ машинахъ и орудіяхъ труда, 2) сооруженіяхъ, приносящихъ доходъ, 3) въ земельныхъ улучшеніяхъ и 4) въ пріобрѣтенныхъ или прирожденныхъ полезныхъ дарованіяхъ членовъ общества (это такъ называемый личный капиталъ).

Оборотный капиталъ распадается также на четыре вида: 1) оборотный капиталъ въ монетѣ; 2) въ запасахъ продовольствія, находящихся въ рукахъ торговыхъ людей; 3) въ матеріалахъ; 4) въ запасахъ готовыхъ произведеній, имѣющихся на лицо у производителей или торговцевъ.

Между потребительнымъ фондомъ основнымъ и оборотнымъ капиталомъ, существуетъ взаимная связь, которую мы должны вкратцѣ разсмотрѣть.

Прежде всего капиталъ, какъ основной, такъ и оборотный, должны, главнымъ образомъ, поддерживать и увеличивать потребительный фондъ, такъ какъ этотъ послѣдній и кормитъ и одѣваетъ населеніе данной страны. Населеніе богато или бѣдно въ зависимости отъ обезпеченности потребительнаго фонда. Оборотный капиталъ мы можемъ сравнить съ двумя рукавами большой рѣки: однимъ рукавомъ эта рѣка—оборотный капиталъ—питаетъ потребительный фондъ, другимъ—основной капиталъ. Именно, жизненные припасы, одежда, всевозможные другіе предметы переходятъ изъ складовъ и магазиновъ въ руки потребителей, всѣ же машины и орудія производства, мануфактуры, желѣзо, дерево, камень, предназначенные для построекъ или поддержанія зданій — образуютъ постоянный капиталъ.

Адамъ Смитъ былъ создателемъ этихъ теорій. Въ блестящемъ этюдѣ, посвященномъ той части оборотнаго капитала, которая составляетъ деньги, металлическія и бумажныя, онъ воспользовался какъ своими личными наблюденіями надъ дѣятельностью банковъ, такъ и изслѣдованіями Джона Ло и его послѣдователей.

Онъ повторяетъ остроумную мысль аббата Терасона, последователя Ло, который говоритъ: «мы можемъ разсматривать гинею, какъ билетъ на предъявителя, по предъявленію кото-

раго получаемъ на всѣхъ сосѣднихъ рынкахъ нужные намъ предметы потребленія».

Адамъ Смитъ признаетъ могущество кредита, который, представляя, собственно, векселя на суммы, превосходящія наличность кассы, освобождаетъ для внѣшней торговли извѣстное количество металлическихъ денегъ и значительно облегчаетъ обращеніе, а слѣдовательно и производство.

Не ускользаютъ отъ него и опасности кредита и онъ, на основаніи личныхъ своихъ наблюденій, указываетъ на нѣкоторыя условія, обезпечивающія кредитъ.

Капиталы тѣмъ скорѣе возрастаютъ и тѣмъ болѣе увеличиваютъ интенсивность труда, чѣмъ больше въ данномъ государствѣ перевѣсъ производительныхъ потребителей надъ непроизводительными. Въ этомъ отношеніи есть большая разница между политическими центрами — парламентскими городами и центрами промышленными, между государствами восточными и странами европейскими, между государствами временъ феодализма и государствами намъ современными. Степень богатства націй имѣетъ большое вліяніе на годовой приростъ капитала. Страна бѣдная потребляетъ весь свой годовой доходъ; страна же богатая причисляетъ значительную часть дохода къ своимъ капиталамъ. Но, въ періодъ возрастанія богатства, заработная плата и прибыль, повышаясь абсолютно, уменьшаются относительно величины капитала, который имѣетъ тенденцію увеличивать свою долю общаго народнаго дохода. Это явленіе есть результатъ предусмотрительности и экономіи; всякій капиталъ обязанъ своимъ происхожденіемъ этому началу бережливости, которое вообще является однимъ изъ главнѣйшихъ двигателей экономической жизни.

Сообразно съ различнымъ употребленіемъ капиталовъ, количество производительнаго труда, приводимаго въ движеніе

одинаковыми долями капитала, весьма измѣняется въ зависимости отъ того, затрачивается ли капиталъ: 1) на улучшенія въ земледѣліи, т. е. на увеличеніе сырыхъ продуктовъ; 2) на мануфактуру; 3) на оптовую или 4) розничную торговлю.

Великій принципъ, руководящій явленіями этого рода, состоитъ въ томъ, что капиталъ самъ по себѣ направляется въ сторону наиболѣе благопріятную для національной промышленности. Впрочемъ, этотъ законъ былъ достаточно разъясненъ еще физіократами.

Въ то время, какъ первыя двѣ книги посвящены описанію органовъ, способствующихъ образованію богатства и выясненію законовъ ихъ дѣятельности, въ третьей книгѣ (послѣдней этого тома) Адамъ Смитъ выясняетъ историческую преемственность разнообразныхъ формъ промышленности. «Слѣдуя естественному ходу событій, большая часть капитала зарождающагося общества поглощается земледѣліемъ; затѣмъ, при послѣдовательномъ развитіи общества получаетъ развитіе мануфактура, наконецъ, международная торговля». Разъ появляются болѣе сложные, высшіе органы социальной жизни, они начинаютъ реагировать на низшіе; такъ, города оказываютъ воздѣйствіе на деревни, промышленность на земледѣліе и пр. Весь этотъ этюдъ проникнутъ чувствомъ глубокой гармоніи; но, кромѣ того, онъ интересенъ и тѣмъ, что представляетъ собою первое приложеніе эволюціонныхъ теорій къ столь важной группѣ соціальныхъ явленій.

Выяснивъ теоретическія причины развитія народнаго богатства, Смитъ въ четвертой книгѣ переходитъ къ вопросу практическаго примѣненія ихъ. Главнымъ образомъ онъ тщательно и критически разбираетъ меркантильную систему и систему физіократовъ. Отвергая совершенно ученіе меркантилистовъ, онъ одобряетъ принципы свободы, провозглашенные

физіократами. Естественный ходъ событій неизбѣжно ведетъ націю къ экономическому прогрессу; всякое же правительственное вмѣшательство только замедляетъ или даже совсѣмъ останавливаетъ прогрессъ. Съ точки зрѣнія подобной системы естественной свободы, государственной власти свойственны слѣдующія обязанности: содержаніе арміи, учрежденіе суда и введеніе и поддержаніе тѣхъ общественныхъ предпріятій которыя, хотя и выгодны для общества, но не могутъ оплачиваться, а слѣдовательно и не могутъ быть предприняты отдѣльными личностями или небольшими ихъ соединеніями. Эти обязанности предполагаютъ конечно и издержки, но Смитъ отрицаетъ, что эти издержки всецѣло должны быть отнесены на средства государства; указывая на преимущества регулярной арміи передъ наемной мѣстной милиціей, Смитъ осуждаетъ государственныя затраты по содержанію этой милиціи: относительно юстиціи, онъ признаетъ необходимымъ уплату жалованья чиновникамъ за отправленіе правосудія, причемъ этотъ расходъ онъ предлагаетъ покрывать изъ особаго сбора—судебныхъ пошлинъ—съ тяжущихся. Что же касается общественныхъ работъ, онъ замѣчаетъ: «большія дороги, мосты, каналы могутъ сооружаться и эксплоатироваться на тѣ средства, которыя дастъ особый сборъ съ экипажей, судовъ, проѣзжихъ, пользующихся этими сооруженіями: порты—на счетъ ластоваго сбора съ грузящихся судовъ, учебныя заведенія—на счетъ платы съ учениковъ». Тенденція Смита ясна — освободить государство отъ всего, что только можетъ быть выполнено частными лицами.

Индивидуализмъ Смита не подлежитъ сомнѣнію, но при этомъ у него мы не найдемъ тѣхъ абсолютныхъ формулъ, которыхъ такъ много у физіократовъ; его цѣль—какъ можно лучше и дешевле устроить необходимое общественное управленіе, ли-

шивъ главу государства многихъ совершенно лишнихъ атрибутовъ. При разрѣшеніи этихъ чисто практическихъ проблемъ въ области политики и управленія, Смитъ много разсчитываетъ на результаты свободнаго соперничества.

Государство должно обезпечить странѣ независимость ея территоріи и способствовать ея торговлѣ въ отдаленныхъ странахъ. Эти издержки опять таки требуютъ значительныхъ суммъ, получить которыя государство можетъ, или изъ доходовъ доменовъ, или налогами, или наконецъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, займами.

Разсмотримъ теперь знаменитую налоговую систему Адама Смита.

Всякая правильно организованная налоговая система должна отвѣчать слѣдующимъ четыремъ условіямъ: 1) Налогу должны подлежать, по возможности, всѣ подданные въ размѣрѣ своихъ доходовъ: государство уподобляется частному обществу, гдѣ каждый членъ вноситъ на общія нужды свою часть, соразмѣрно съ тѣми выгодами, которыя онъ извлекаетъ изъ общаго предпріятія. 2) Налогъ долженъ быть точно опредѣленъ, а не быть произвольнымъ. Время платежа, способъ и размѣръ—все это должно быть точно и ясно опредѣлено. 3) Налогъ долженъ взиматься въ такое время и такимъ способомъ, какіе представляются наиболѣе удобными для плательщиковъ. 4) Наконецъ каждый налогъ долженъ быть устроенъ такимъ образомъ, чтобы извлекать изъ кармана народа возможно менѣе сверхъ того, что поступаетъ въ государственную казну, т. е. другими словами, чтобы издержки взиманія были бы по возможности минимальными.

Какая же часть общественнаго богатства должна подвергаться обложенію: капиталъ, рента, прибыль или заработная плата? Адамъ Смитъ не допускаетъ обложенія капитала

какъ первостепеннаго фактора созданія народнаго богатства. Онъ допускаетъ, что рента до извѣстной степени можетъ быть объектомъ обложенія, но при этомъ совершенно отвергаетъ налоги на окна и двери, какъ въ высшей степени несовершенные и несправедливые. Прибыль, т. е. разница между тѣмъ, что платитъ предприниматель или фермеръ собственнику, и валовымъ его доходомъ, нельзя считать, по мнѣнію Смита, преимущественнымъ предметомъ обложенія, такъ какъ предприниматель, лишенный вознагражденія за свой рискъ, будетъ принужденъ отказаться отъ увеличенія капитала, къ ущербу общественнаго богатства. Наилучшимъ объектомъ обложенія ему представляется доходъ капитала, т. е. другими словами ежегодный доходъ страны минусъ прибыль и заработная плата, хотя, надо замѣтить, эта часть годоваго дохода чрезвычайно трудно поддается исчисленію. Наконецъ Адамъ Смитъ совершенно отвергаетъ мысль привлечь къ обложенію заработную плату, такъ какъ она, завися отъ общаго уровня богатства страны, обыкновенно представляетъ тотъ minimum, безъ котораго рабочій не можетъ существовать, все равно увеличивается ли, уменьшается ли, или находится на одномъ и томъ же уровнѣ народное богатство. Наиболѣе удобно подвергать обложенію, по мнѣнію Смита, предметы потребленія, т. е. Смитъ предпочитаетъ косвенные налоги, которые, какъ добровольные, менѣе тягостны и въ тоже время, будучи пропорціональными средствамъ плательщиковъ, болѣе справедливы; при этомъ Смитъ дѣлаетъ оговорку, что во всякомъ случаѣ отъ обложенія должны быть освобождены предметы первой необходимости и, наоборотъ, усиленъ размѣръ окладовъ на предметы роскоши.

Адамъ Смитъ, убѣжденный противникъ всякихъ стѣсне-

ній свободы торговли, былъ послѣднія двѣнадцать лѣтъ своей жизни таможеннымъ комиссаромъ въ Эдинбургѣ. Во время исполненія этой сложной должности, ему не разъ приходилось вступать въ компромиссы съ своими убѣжденіями. Такъ, онъ допускалъ монополіи въ пользу нѣкоторыхъ заокеанскихъ торговыхъ компаній, и рекомендовалъ даже воспользоваться налогами съ цѣлью привязать, такъ сказать, владѣльцевъ къ землѣ и заставить ихъ обрабатывать ее.

Умѣренный по природѣ, Смитъ былъ чуждъ революціоннымъ начинаніямъ. «Тотъ, кто любитъ человѣчество, —говорилъ онъ,— видя, что логикой и убѣжденіями нельзя побѣдить врожденныхъ людямъ предразсудковъ, не станетъ прибѣгать къ силѣ». По его мнѣнію, есть только одно средство, одно орудіе для борьбы съ существующимъ соціальнымъ зломъ— это истина, но не та истина, которая говоритъ формулами, основанными на какихъ либо геометрическихъ построеніяхъ, а истина, вытекающая изъ долгаго опыта и глубокаго познанія смысла исторіи. Приступая къ Смиту, послѣ изученія его предшественниковъ, даже Кондильяка, намъ не вѣрится, что онъ ихъ современникъ: точно онъ принадлежитъ къ совершенно другой эпохѣ. Отъ него начинается новая эра въ экономической наукѣ. Чувствуется, что сдѣланъ рѣшительный шагъ, что тутъ кончается область химеръ и начинается позитивная наука. Удивленіе, вызываемое Смитомъ, легко объяснить, если мы вспомнимъ, что тотъ небольшой уголокъ, гдѣ жилъ Смитъ—Шотландія—представляла въ ту эпоху интеллектуальный центръ, широко доступный всевозможнымъ идеямъ, свободный отъ ожесточенной партійной борьбы, господствовавшей тогда всюду въ Европѣ, и что всѣмъ этимъ Шотландія была обязана Смиту и его неразлучному другу, величайшему экономисту и философу XVIII вѣка—Юму.

III.

Послѣдователи Адама Смита. Манчестерская школа.

Важное различіе, дѣлаемое Адамомъ Смитомъ между теоретической частью политической экономіи (анализъ органовъ и отправленій, служащихъ для питанія и поддержанія соціальнаго тѣла) и частью практической (анализъ тѣхъ нормъ, которымъ должно слѣдовать общество въ производствѣ, обращеніи и распредѣленіи богатствъ), это различіе не выдерживалось у послѣдователей Адама Смита и вновь выступило на сцену уже гораздо позже, во второй половинѣ XIX вѣка.

Послѣдующіе мыслители изъ школы Адама Смита или такъ называемой «манчестерской»—одни, какъ Рикардо, оказывали предпочтеніе абстрактнымъ изслѣдованіямъ, другіе, какъ Мальтусъ — практическимъ изысканіямъ. Но, какъ тѣ, такъ и другіе не слишкомъ строго заботятся различать теорію отъ практики, какъ дѣлалъ ихъ учитель, и экономическая наука вновь падаетъ до эмпиризма, изъ котораго тотъ пытался ее поднять.

Въ то время, какъ Смитъ писалъ свой трудъ, машины уже начинали играть свою великую роль въ промышленномъ мірѣ, который, благодаря имъ, получаетъ громадный импульсъ къ движенію. Можно даже думать, что обиліе мануфактурныхъ товаровъ, предложенныхъ Англіей на міровомъ рынкѣ, не осталось безъ вліянія на Адама Смита, что особенно замѣтно въ той живости, съ которой онъ ощущаетъ необходимость въ широкой свободѣ для международныхъ сношеній. Но въ то же время Адамъ Смитъ не безъ нѣкотораго безпокойства смотрѣлъ на все возрастающее развитіе индустріализма. Не могъ онъ не видѣть разростающагося антагонизма между

капиталомъ, сконцентрированнымъ крупной индустріей въ рукахъ небольшаго меньшинства, съ одной стороны, —и вѣчно нуждающимися рабочими, порабощенными хитрымъ механизмомъ раздѣленія труда и отданными во власть владѣльцамъ орудій производства, съ другой. Онъ даже сталъ искать, нельзя ли какъ нибудь ослабить порывъ промышленнаго движенія; онъ думалъ, что средство противъ зарождающихся бѣдствій, все будущее зло которыхъ онъ уже предчувствовалъ, можно найти въ развитіи земледѣлія, въ ограниченіи роскоши, наконецъ, въ гуманности владѣльцевъ капитала по отношенію къ живымъ орудіямъ труда—рабочимъ. Но равновѣсію, едва-едва удерживаемому, суждено было быть нарушеннымъ новыми открытіями и изобрѣтеніями техники, примѣненной къ индустріи. Къ концу вѣка выступили на сцену паровая машина и усовершенствованный ткацкій станокъ. Англія была первой ареной широкаго распространенія этихъ порожденій техники, внесшихъ въ сферу производства средства доводить человѣческій трудъ до высокой степени производительности, спеціализаціи и совершенства, далеко за предѣлы, извѣстные до ихъ появленія. Въ этихъ явленіяхъ заключается объясненіе того, почему англійскіе экономисты такъ настойчиво проповѣдывали доктрины свободнаго, ничѣмъ неограничиваемаго обмѣна, и тѣмъ съ большой страстностью, что французская революція своими ограниченіями и запрещеніями стала напоминать эпоху господства меркантилизма. Но вмѣстѣ съ тѣмъ англійскіе экономисты сознаютъ необходимость искать объясненія причинъ страшныхъ бѣдствій, порожденныхъ необычайнымъ ростомъ индустріи, съ его крайней централизаціею капиталовъ и вырожденіемъ рабочихъ классовъ, — этихъ обычныхъ результатовъ экономическаго развитія; англійскіе экономисты начинаютъ задумываться надъ всѣмъ этимъ и стараются отыскать средства противъ этихъ

золъ. Возникаетъ вопросъ о распредѣленіи богатства, до тѣхъ поръ не привлекавшій вниманія, которое сосредоточивалось только на производствѣ и трудѣ: вопросъ этотъ оставляетъ въ сторонѣ всѣ остальные и занимаетъ первое мѣсто въ тогдашнихъ экономическихъ воззрѣніяхъ.

Мальтусъ (1766—1834) былъ пасторомъ кембриджскаго графства. Французская революція внушила ему къ себѣ только отвращеніе. Возникшая на почвѣ безграничной вѣры въ человѣческій разумъ и въ способность къ безконечному совершенствованію человѣческаго рода, революція своими очевидными, по его мнѣнію, отрицательными результатами, представила, какъ казалось ему, окончательное доказательство несостоятельности доктринъ свободныхъ мыслителей. Нѣтъ,—думалъ онъ,— недостаточно предоставить человѣчество своему собственному свободному развитію, чтобы оно было счастливо и безконечно совершенствовалось. И когда Годвинъ сталъ утверждать, что всѣ несчастія народовъ возникаютъ только отъ ошибокъ правителей, Мальтусъ, до тѣхъ поръ бывшій только исполнителемъ своихъ духовныхъ обязанностей, взялся за перо и сталъ опровергать мнѣніе Годвина; со своимъ холоднымъ и сухимъ житейскимъ опытомъ, со своею сострадательностью, граничащею съ презрѣніемъ къ непредусмотрительности бѣдняковъ, онъ говоритъ: «если эти люди несчастны, такъ это потому, что они вступаютъ въ бракъ слишкомъ рано и имѣютъ слишкомъ много дѣтей».

Населеніе можетъ возрастать въ своей численности лишь въ томъ случаѣ, если и средства существованія возрастаютъ въ той же пропорціи, говоритъ Мальтусъ. Но населеніе, продолжаетъ онъ, умножается въ геометрической прогрессіи, средства-же существованія—только въ ариѳметической. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого отношенія населенія и средствъ

существованія будетъ или сдерживаніе роста населенія какими нибудь предупредительными причинами или, если численность населенія перерастетъ уровень необходимыхъ средствъ существованія, то излишекъ будетъ устраняться безчеловѣчными и непреклонными естественными законами. Большая часть книги Мальтуса (Опытъ о законѣ населенія, русск. перевод. Бибикова, 65 г.) наполнена изложеніемъ различныхъ причинъ, которыя предупреждаютъ вступленіе въ дѣйствіе безжалостнаго закона. Подобно Дарвину, только до него, онъ изучаетъ съ этой точки зрѣнія нравы и обычаи дикихъ народовъ и находитъ у нихъ существованіе очень странныхъ привычекъ, самыхъ отвратительныхъ пороковъ, крайней нищеты; — все это приводящее къ одному общему результату — ограниченію постояннаго перерастанія максимальнаго числа населенія. Литература путешественниковъ, и въ то время уже очень богатая въ Англіи, доставляла ему по этому предмету массу очень любопытныхъ фактовъ, которые, въ его устахъ, обнаруживаютъ намъ постоянную тенденцію природы такъ или иначе ограничивать ростъ населенія. Но когда средство существованія начинаютъ находится въ излишкѣ, населеніе получаетъ возможность возрастать въ большей прогрессіи, чѣмъ раньше, пока въ концѣ концовъ не вмѣшается въ дѣло опять голодъ и не покончитъ съ чрезмѣрнымъ ростомъ населенія.

У растеній и животныхъ голодъ постоянно играетъ роль регулятора размноженія, у людей такимъ регуляторомъ являются нѣкоторыя явленія, дѣйствующія въ силу естественныхъ законовъ, совершенно внѣ сознанія человѣка: рабство, война, умерщвленіе дѣтей въ силу обычая, пороки, свойственные нѣкоторымъ племенамъ. Но у человѣка можетъ существовать еще одинъ регуляторъ, но уже сознательный, основанный на ясномъ представленіи участи, на которую обрекаются дѣти въ случаѣ не-

достатка средствъ для дальнѣйшаго ихъ существованія. По этому, безбрачное состояніе или поздній бракъ являются въ такомъ случаѣ дѣйствіями разумными и похвальными. Въ этомъ состоитъ, по мнѣнію Мальтуса, цѣлительное средство противъ бѣдствій, вытекающихъ изъ чрезмѣрнаго возрастанія *населенія, столь частаго у современныхъ народовъ.*

Всякое другое средство, по его мнѣнію, химерично, безрезультатно. Не такъ думали мыслители, подобные Кондорсе. Послѣдній такъ рѣшаетъ этотъ вопросъ. «Существуетъ,—говоритъ онъ,—необходимая причина неравенства между людьми, зависимости и даже нищеты, причина, безпрерывно угрожающая самому многочисленному и самому дѣятельному классу общества». Но существуетъ и утѣшеніе, думаетъ онъ или его послѣдователи, напр. Годвинъ,—средство, парализующее это зло, именно, способность человѣческаго рода къ безконечному совершенству и возрастающее уваженіе къ правамъ личности. Но, возражаетъ Мальтусъ, ничто не даетъ намъ права вѣрить въ безконечное совершенствованіе организмовъ. Если воспитаніемъ можно измѣнить человѣческую природу, то это можетъ быть сдѣлано только въ очень узкихъ предѣлахъ, положенныхъ тою-же природой. Жизнь человѣческая въ настоящее время не продолжительнѣе, чѣмъ въ прежнія времена, если-же она станетъ возрастать, принципъ ограниченія населенія найдетъ, какъ сознается и самъ Кондорсе, еще болѣе широкую сферу приложенія. Наконецъ, если представимъ себѣ, что пали оковы, наложенныя правителями, что на землѣ наступилъ золотой вѣкъ, то во всякомъ случаѣ, рано или поздно, не преминетъ появиться на сценѣ нужда со своимъ повелительнымъ голосомъ, предъ которымъ склонятся всѣ права золотого вѣка. «Человѣкъ,—торжественно заявляетъ Мальтусъ,—который вступилъ въ міръ не имѣя ранѣе заготовленнаго

мѣста, если семья его не имѣетъ средствъ воспитать его, или если общество не нуждается въ его трудѣ, такой человѣкъ не имѣетъ ни малѣйшаго права заявлять притязаніе на кусокъ хлѣба: онъ лишній на землѣ. Для него нѣтъ мѣста за столомъ природы. Природа повелѣваетъ ему удалиться изъ-за стола и она не замедлитъ исполнить сама свое повелѣніе».

Англійское правительство, организовавшее въ широкихъ размѣрахъ благотворительность, по мнѣнію Мальтуса, только поощряетъ лѣность. Основывая воспитательные дома для дѣтей, оно только даетъ лишнее доказательство приложимости закона населенія, такъ какъ воспитываемыя тамъ дѣти почти всѣ умираютъ на рукахъ наемныхъ кормилицъ. Государство должно поступать совершенно обратнымъ образомъ: первоначально, путемъ образованія, познакомить населеніе съ существованіемъ ограничивающихъ численность рода человѣческаго законовъ, а потомъ объявить, что оно отказываетъ въ помощи всѣмъ дѣтямъ, рожденнымъ въ законномъ бракѣ, по истеченіи года со дня бракосочетанія, и всѣмъ рожденнымъ въ незаконномъ бракѣ; такая мѣра заставитъ всякаго, кто не въ состояніи прокормить свое потомство, воздержаться отъ того, чтобы имѣть его. — Такъ сильно вѣрилъ Мальтусъ въ непреложность своихъ выводовъ. Очевидно, все еще сильно было въ немъ наслѣдіе, оставленное ненавистнымъ ему восемнадцатымъ вѣкомъ, — вѣра въ силу человѣческаго разума, вѣра въ свободную волю человѣка. Допуская, съ одной стороны порабощеніе человѣка непреклонными законами природы, предъ которыми безсиленъ геній его ума, Мальтусъ въ тоже время полагаетъ, что силой воли, предусмотрительностью человѣкъ въ состояніи регулировать по своему усмотрѣнію свой мощный естественный инстинктъ воспроизведенія! Какое противорѣчіе! Одной ногой Мальтусъ сталъ на

недали девятнадцатаго вѣка а другую все еще не можетъ вытащить изъ почвы раціонализма минувшаго столѣтія, вознесшаго человѣка чуть-ли не до божества.

Ученіе Мальтуса было мало научно. Свои законы населенія онъ первоначально высказалъ въ видѣ апріорнаго мнѣнія и только потомъ подыскалъ для его доказательства нужную сумму фактовъ. Его трудъ носитъ характеръ неболѣе какъ памфлета, чѣмъ и объясняется необыкновенно быстрое распространеніе его среди общества, тѣмъ болѣе странное, что мысли имъ высказанныя, были далеко не оригинальными: Юмъ, Уоллесъ, Смитъ еще раньше высказывали такія мысли и даже, по словамъ самого Мальтуса, ими «сдѣлано гораздо болѣе, чѣмъ онъ (Мальтусъ) думалъ». Правда, упомянутые мыслители говорили не такъ образно и рѣзко, какъ Мальтусъ, не приводили той массы фактовъ, изъ которыхъ многіе позже, при ближайшей повѣркѣ, оказались невѣрными. Главная причина громадной популярности Мальтуса лежитъ, во первыхъ, въ характерѣ самой эпохи, современной Мальтусу, когда пропасть между блаженствующимъ капиталомъ и «неимѣющими мѣста на пиру природы» трудомъ, положившимъ основаніе этому пиру, обнаружилась ясно и рѣзко: умы были напряжены и ждали пророка, который проложилъ-бы мостъ чрезъ эту пропасть; Мальтуса сочли за такого пророка. Во вторыхъ,—въ соотвѣтствіи Мальтусовыхъ идеи съ тенденціями торжествовавшей тогда всюду либеральной буржуазіи, проповѣдывавшей «laissez faire, laissez passer». Она не могла не видѣть зла: но и не хотѣлось ей удѣлять часть своей прибыли на содержаніе ростущей нищеты; не могла она также не сознавать нѣкоторой своей причастности къ обѣднѣнію рабочихъ классовъ. Понятно поэтому, съ какой радостью она должна была привѣтствовать пророка, сложившаго всѣ

бѣды на природу и на рабочаго. — пророка, объявившаго безнравственностью всякую помощь бѣдному.

Мы уже сказали, что многіе факты, которыми Мальтусъ пытался подтвердить свой законъ населенія, оказались невѣрными. Но вѣренъ ли самый законъ, выведенный имъ à priori? Если взять малый промежутокъ времени, то оказывается дѣйствительно, что населеніе растетъ въ геометрической прогрессіи, удваиваясь черезъ извѣстные промежутки времени, большіе или меньшіе. Но до сихъ поръ, геометрическая профессія роста населенія нигдѣ не была провѣрена на протяженіи сколько-нибудь значительнаго числа лѣтъ. Есть много основаній думать, что ростъ населенія совершается по какой-то прогрессіи, гораздо болѣе сложной, чѣмъ геометрическая, прогрессіи возрастающей, но все въ меньшей и меньшей степени, т. е. знаменатель которой безпрерывно уменьшается. Ни законъ измѣненія этого знаменателя, ни предѣлъ, къ которому онъ стремится, до сихъ поръ еще не открыты. Неосновательно также распространенное мнѣніе, что благосостояніе увеличиваетъ ростъ населенія, бѣдность уменьшаетъ его. Можно лишь утверждать, что крайняя нищета, граничащая съ голодомъ, дѣйствительно задерживаетъ ростъ населенія. Но бѣдность, вообще, обезпеченная хотя небольшимъ, но опредѣленнымъ размѣромъ средствъ существованія, способствуетъ болѣе сильному росту населенія, чѣмъ довольство; послѣднее, есть основаніе думать, даже понижаетъ % прироста населенія. Дальнѣйшія статистическія изслѣдованія, а можетъ быть и біологія, должны разрѣшить этотъ вопросъ.

Невѣрна и вторая половина Мальтусова закона, что количество продуктовъ земли растетъ въ ариѳметической прогрессіи. Напротивъ, прогрессъ науки и техники, увеличивая

производительность труда, обусловливаетъ ростъ средствъ существованія въ очень сильной степени. Во времена Мальтуса непонятенъ былъ-бы фактъ, совершающійся въ настоящее время—фактъ перепроизводства продуктовъ земледѣлія; въ его время, благодаря рѣзкому переходу къ машинному производству, бросившему на рынокъ массу «свободныхъ» рукъ, можно было слышать лишь слова, подобныя тѣмъ, которыя заключались въ телеграммѣ остъиндскаго губернатора,—что послѣ введенія въ остъиндскихъ англійскихъ колоніяхъ новаго парового ткацкаго станка, «поля Индіи бѣлѣютъ костями ткачей». Не только мануфактурные товары, но даже и продукты земледѣлія имѣютъ тенденцію падать въ цѣнѣ подъ вліяніемъ роста производительности труда, несмотря на возрастаніе земельной ренты. Сумма продуктовъ, которую производитъ въ настоящее время рабочій, гораздо больше той, которую производилъ онъ раньше; все это заставляетъ утверждать, что средства существованія растутъ, и растутъ не только пропорціонально числу производителей, т. е. росту населенія, но, подъ вліяніемъ увеличивающейся производительности труда, даже обгоняютъ ростъ населенія. А предѣловъ человѣческой изобрѣтательности опредѣлить нѣтъ возможности. Если-же еще и въ настоящее время нищета со всѣми ея атрибутами: болѣзнями, невѣжествомъ, преступленіями,—является участью огромнаго большинства населенія, преимущественно рабочаго, то виной тому страшная дезорганизація современнаго общества, крайне неправильное распредѣленіе продуктовъ труда, существованіе, съ одной стороны, высокихъ степеней производительнаго труда, а съ другой, значительной массы населенія, въ силу-ли отсутствія орудій труда, или въ силу политическихъ причинъ (войско), ничего или очень мало производящаго, а между тѣмъ потребляющаго.

Изъ изложенія ученія Мальтуса можно видѣть, какую брешь открыли воззрѣнія послѣдователей Адама Смита въ оптимистическомъ и либеральномъ ученіи послѣдняго. Тоже самое дѣлаетъ и Рикардо, въ сущности предполагая продолжать и дополнять это ученіе.

Рикардо (1772—1823). Это былъ человѣкъ не безъ практическаго смысла; въ 25 лѣтъ уже не разъ онъ былъ владѣльцемъ милліоннаго состоянія, имъ самимъ накопленнаго. Несмотря на такую практичность, умъ его, изощренный въ финансовыхъ комбинаціяхъ, особенно любилъ оперировать съ экономическими феноменами самаго отвлеченнаго характера. Это былъ очень тонкій діалектикъ, очень склонный къ поспѣшнымъ обобщеніямъ, что довольно рисковано при изученіи такихъ сложныхъ явленій, какъ экономическія: слишкомъ ужъ легко принималъ онъ на вѣру тѣ гипотезы, которыя согласовались съ его умозаключеніями. Подобные пріемы мышленія едва-ли вполнѣ гарантируютъ истинность выводовъ, за то, внѣ сомнѣнія, очень легко прельщаютъ и увлекаютъ. Дѣйствительно, Рикардо имѣлъ громадный успѣхъ.

Дебютомъ его былъ рядъ статей, въ которыхъ онъ предлагалъ средства для устраненія обезцѣненія бумагъ англійскаго банка, наступившаго благодаря введенію обязательнаго курса. Яснымъ анализомъ явленій обращенія цѣнностей, онъ успокоилъ встревоженное настроеніе общества и далъ совѣтъ объявить бумаги размѣнными, но не на монету, а на слитки, съ эталонами, гарантирующими вѣсъ и чистоту металла —мѣра, которая въ наши времена была повторена для гарантіи билетовъ французскаго банка. Потомъ онъ отстаивалъ разумное распространеніе торговой свободы на торговлю хлѣбомъ; онъ показалъ, что даже въ разгарѣ недавней борьбы съ Бона-

партомъ хлѣба было въ Англіи достаточное количество и что можно довѣриться естественнымъ законамъ торговли въ дѣлѣ правильнаго и безостановочнаго снабженія хлѣбомъ англійскихъ рынковъ. Но помимо услугъ, которыя онъ оказалъ и продолжалъ оказывать своему отечеству, активно вмѣшиваясь въ разрѣшеніе вопросовъ экономической практики, Рикардо гораздо болѣе прочное основаніе своей славѣ экономиста-мыслителя положилъ своей книгой: «Принципы политической экономіи и налоговъ» *).

Названіе это не соотвѣтствуетъ содержанію. Это скорѣе трудъ по вопросу о распредѣленіи богатствъ.

Еще Смитъ установилъ дѣленіе цѣны на три составныя части: ренту, заработную плату и прибыль. Рикардо изслѣдуетъ, въ какомъ отношеніи измѣняются эти три элемента по мѣрѣ развитія богатства. Онъ доказываетъ, что заработная плата и прибыль имѣютъ постоянную тенденцію къ пониженію; рента-же, наоборотъ,—къ повышенію. Принявъ за истину выводы Мальтуса относительно закона населенія, подобно ему пораженный быстрымъ ростомъ рабочаго класса, онъ утверждаетъ, что на долю послѣдняго должна приходиться все меньшая и меньшая сумма цѣнностей, единственнымъ предѣломъ которой является минимальное количество средствъ существованія, безусловно необходимыхъ для поддержанія жизни отдѣльнаго рабочаго и продолженія его рода, въ размѣрахъ потребныхъ для производства. «Трудъ, подобно всѣмъ другимъ предметамъ, которые можно продать и купить и количество которыхъ можетъ увеличиваться или уменьшаться, имѣетъ свою

*) На русскомъ языкѣ существуетъ переводъ—Н. И. Зибера подъ названіемъ «Сочиненія Давида Рикардо»; въ 1882 г. переводъ былъ изданъ вторымъ изданіемъ. Спб.

естественную цѣну». Естественной цѣной труда является заработная плата, «доставляющая рабочимъ въ общемъ средства для поддержанія жизни и продолженія рода безъ возрастанія и безъ уменьшенія наличнаго числа рабочихъ». Правда, прогрессъ культуры и пониженіе цѣны денегъ увеличиваютъ цѣну средствъ существованія, а потому обусловливаютъ и повышеніе заработной платы; но это обстоятельство нисколько не препятствуетъ тому, чтобы количество потребляемыхъ продуктовъ осталось прежнимъ, если только не меньшимъ. Съ другой стороны, при повышеніи заработной платы, должна понижаться и прибыль, отъ чего проигрываютъ предприниматель и фермеръ, доходъ которыхъ становится меньше. Выигрываетъ одинъ только собственникъ земли, имѣя основаніе разсчитывать на неопредѣленное возрастаніе своего дохода. Это явствуетъ изъ слѣдующаго. Ростъ населенія заставляетъ переходить мало-по-малу къ культурѣ земель все худшаго качества, это обусловливаетъ дороговизну производства, и земледѣлецъ, чтобы имѣть возможность существовать отъ своего труда, долженъ повышать цѣну продаваемаго хлѣба; понятно, что по такой же возвышенной цѣнѣ станетъ продавать хлѣбъ и земледѣлецъ, воздѣлывающій землю лучшаго качества, дающую болѣе обильное количество продукта; владѣлецъ лучшихъ земель, поэтому, не замедлитъ воспользоваться этими выгодами; отсюда возникаетъ рента, т. е., излишекъ между цѣной продукта и стоимостью его производства. Не принимая никакого участія въ трудѣ, ничѣмъ не рискуя, единственно только потому, что подъ культуру поступаютъ земли худшаго качества, менѣе производительныя, землевладѣлецъ становится все богаче и богаче.

Какъ видимъ, горизонты, которые открываетъ Рикардо относительно дальнѣйшей дѣятельности человѣчества, предста-

вляютъ мало утѣшительнаго: землевладѣльцы становятся все богаче, рабочіе все бѣднѣе; не веселая перспектива! И между тѣмъ какъ и слѣдовало впрочемъ ожидать, эта мрачная, пессимистическая картина прямо вытекала изъ оптимистической доктрины Адама Смита! Неудивительно, если Сисмонди (1819), Вилльневъ де-Боржемонъ, и позже Бланки подняли тревогу въ виду такихъ печальныхъ послѣдствій, приписываемыхъ естественнымъ законамъ самыми авторитетными ихъ толкователями—Мальтусомъ и Рикардо. Подобные протесты имѣли основаніе. Въ началѣ своего развитія либеральная школа, какъ мы видѣли, сама протестовала противъ золъ стараго режима, противъ многочисленныхъ жертвъ, которыхъ требовала отъ населенія система регламентацій, особенно во Франціи. Благородный порывъ состраданія побудилъ либеральную школу признать за индивидуумомъ его неотъемлемыя права, для огражденія его отъ насилій фискальной администраціи. Въ свободѣ она думала найти лекарство противъ глубоко укоренившихся золъ. Но мало-по-малу, она перестала считать своей цѣлью, какъ было раньше, улучшеніе положенія рабочихъ путемъ возрастанія богатства; взамѣнъ своей прежней гуманной цѣли она выставила другую, именно, самое возрастаніе богатства; послѣднее, слѣдовательно, изъ средства превратилось въ цѣль. Лежащій въ основѣ возрѣній либеральной школы оптимизмъ позволилъ ей держаться того убѣжденія, что ростъ производства ни въ какомъ случаѣ не можетъ сопровождаться какимъ либо зломъ для человѣка, этого орудія производства. Когда-же, благодаря открытіямъ науки, промышленная машина достигла степеней производительности, невѣдомыхъ въ минувшіе вѣка, либеральная школа совершенно перестала озабочиваться тѣмъ, что рабочее населеніе, этотъ виновникъ всякаго производства, нераздѣльная его часть, оказалось не въ мѣру

обремененнымъ, почти обреченнымъ на медленную смерть. «Еслибы Англія какъ нибудь вдругъ съумѣла исполнить всѣ земледѣльческія и промышленныя работы паровыми машинами и довела-бы число своего населенія до величины, не превышающей населеніе Женевской республики, но при условіи сохраненія прежняго размѣра продукта и дохода,—можно-ли было-бы тогда назвать Англію страной болѣе богатой и счастливой?» Рикардо отвѣчаетъ утвердительно на этотъ вопросъ. Не то важно говоритъ онъ, какъ велико ея населеніе — 10 или 12 милліоновъ; но то, чтобы чистый ея доходъ, ея ренты и прибыли остались прежними. Вѣдь богатство — это все, а человѣкъ — ничто! Даже среди писателей той-же категоріи, къ которой принадлежалъ Рикардо, находились нѣкоторые, не соглашавшіеся съ такими крайними, но логичными выводами смиттовской школы: «Читая нѣкоторыхъ экономистовъ,—говоритъ Дрозъ,—можно подумать, что не продукты существуютъ для человѣка, а наоборотъ—человѣкъ для продуктовъ!» Сисмонди и Вилльневъ-Баржемонъ, въ виду подобныхъ выводовъ, пытались привести экономическую науку на путь, непосредственно ведущій къ ея цѣли, т. е., къ умноженію рода человѣческаго и улучшенію его судьбы путемъ увеличенія богатства. Въ этомъ они вполнѣ согласны съ первыми соціалистами. В. Боржемонъ представилъ даже программу реформъ, принятую почти буквально соціалистами-католиками нашихъ дней. Но въ общей массѣ, ортодоксальные экономисты остались не чувствительными къ такой критикѣ и жалобамъ, а Дюнцаэ доходилъ до того, что промышленные кризисы пытался объяснить беззаботностью и лѣностью рабочихъ, а не забвеніемъ «принциповъ справедливости, нравственности, человѣчности и милости»,—какъ говоритъ Баржемонъ.

Рикардо — писатель, сыгравшій громадную роль въ исторіи экономическихъ ученій и потому на немъ стоитъ остановиться еще нѣсколько. Цѣлое поколѣніе экономистовъ, даже такихъ, какъ Милль, не могло освободиться отъ подавляющей силы этого сильнаго своей послѣдовательностью и логичностью, но довольно односторонняго ума. Посылки и заключенія его безукоризненны, почти математичны, и признавъ его основныя положенія, въ которыхъ вся суть, нельзя не согласиться съ его выводами. Эти основныя положенія у Рикардо тѣ-же, что и у Адама Смита. Но послѣдній былъ мыслитель не только глубокій, но и широкій. Гдѣ выводы его, вытекавшіе изъ ложнаго основанія, принимали рискованный и нежелательный ему характеръ, тамъ широкая его разносторонность и постоянная близость къ явленіямъ реальнаго міра давали ему опору и выручали его. Это позволяло ему быть въ своихъ экономическихъ воззрѣніяхъ въ значительной степени оптимистомъ. Рикардо же былъ по складу своего ума скорѣе математикъ, и исходи онъ изъ безспорныхъ положеній, вкладъ его въ экономическую науку былъ бы несравненно больше. Индивидуалистъ, какъ и все направленіе мысли XVIII-го вѣка, оставленное въ наслѣдіе девятнадцатому, онъ въ своихъ выводахъ исходилъ изъ однихъ эгоистическихъ побужденій человѣка: у него фигурировалъ не реальный человѣкъ, а какое то миѳическое существо, нѣчто вродѣ «экономическаго человѣка», одаренное единственнымъ стремленіемъ къ обогащенію, лишенное всякихъ альтруистическихъ, общественныхъ инстинктовъ. Такъ же думалъ и Адамъ Смитъ; но послѣдній слишкомъ глубоко вѣрилъ въ гармонію естественныхъ законовъ, въ силу которыхъ люди, руководимые одними эгоистическими стремленіями, повсюду и всегда равноправные и

свободные, должны достигнуть богатства, а потому и счастья. Но Мальтусъ убѣдилъ, что никакой гармоніи нѣтъ въ естественныхъ законахъ, и Рикардо, не убоявшійся той мрачной бездны, которая вдругъ раскрылась предъ не успѣвшей опомниться экономической наукой, и слишкомъ удаленный отъ міра реальныхъ явленій, чтобы замѣтить ошибочность спорныхъ истинъ, спокойно ввелъ экономическую науку въ эту бездну. Имъ, какъ и всей либеральной школой, было забыто одно, что человѣкъ — существо общественное и всѣ экономическіе законы лишь выраженіе общественныхъ отношеній людей. Наиболѣе обстоятельно были развиты Рикардо ученіе о рентѣ и о заработной платѣ. Первое — теорія ренты — долго пользовалась у экономистовъ громадной популярностью. Она была очень обстоятельно изложена до Рикардо — Дус. Андерсеномъ; но слишкомъ теоретичная, слишкомъ расходящаяся съ наблюдаемыми фактами, она въ настоящее время мало кѣмъ исповѣдуется.

Гораздо больше вниманія останавливаетъ на себѣ теорія Рикардо о заработной платѣ, гдѣ онъ доказываетъ, что величина заработной платы опредѣляется минимумомъ средствъ существованія рабочаго, рѣдко падая ниже или подымаясь выше этого минимума. Теорія эта была цѣликомъ воспринята послѣдующими экономистами и легла въ основу позднѣйшихъ экономическихъ доктринъ

Ж.-Б. Сэй (1767—1832) принадлежитъ къ группѣ учениковъ, все еще вѣрныхъ Адаму Смиту. Въ своемъ трактатѣ политической экономіи онъ не болѣе какъ воспроизводитъ доктрину своего учителя, но только въ формѣ, по его мнѣнію, оригинальной и нѣсколько проясняющей нѣкоторыя стороны ученія Смита. Книга его получила порядочную извѣстность. Кромѣ того, онъ написалъ «Теорію сбыта»; онъ считаетъ

себя творцомъ этой теоріи, хотя уже Юмъ писалъ нѣчто подобное. Теорія эта сводится къ слѣдующему: тотъ, кто продаетъ, не можетъ не покупать; вслѣдствіе этого, иностранные продукты, ввозимые въ предѣлы какой-нибудь территоріи, возбуждаютъ и въ послѣдней производство продуктовъ для вывоза, такъ что продуктъ оплачивается продуктами. Сэй такимъ образомъ еще разъ подтверждаетъ необходимость промышленнаго и торговаго космополитизма, тѣсно связаннаго съ либеральной доктриной. «Отношенія одной націи къ другой, подобны отношеніямъ разныхъ провинцій одного и того-же государства, или отношенію города къ деревнямъ: обѣ стороны заинтересованы въ томъ, чтобы видѣть другъ друга богатыми и вполнѣ обезпеченными въ пользованіи своими богатствами». Въ такомъ-же оптимистическомъ духѣ Ж.-Б. Сэй защищаетъ тогдашнюю промышленную систему противъ нападеній противниковъ, которые, если говорить правду, отняли у либеральной школы всѣ рессурсы для защиты. Онъ утверждаетъ, что машины благопріятствуютъ развитію населенія, понижая цѣну продуктовъ и позволяя, благодаря большей экономіи труда, производимой машинами, прогрессивно повышать заработную плату.

Наконецъ, онъ пытается дополнить классическую доктрину, содержавшую тогда главы о производствѣ, обмѣнѣ и распредѣленіи богатствъ, новой главой о *потребленіи*. Потребленіе можетъ быть разное. Самымъ лучшимъ, самымъ желательнымъ потребленіемъ должно признать такое, которое, во-первыхъ, удовлетворяетъ дѣйствительныя потребности, во-вторыхъ, которое болѣе продолжительно, которое, далѣе, пользуется продуктами лучшаго качества, которое распространяется на большую массу продуктовъ, которое, наконецъ, согласно съ здравой моралью.

Трактатъ Ж.-Б. Сэя написанъ въ 1803 году; въ то же самое время *Бентамъ* заговорилъ о свободѣ процента и еще рѣзче подтвердилъ доктрину «laissez faire, laissez passer», доводя ее до ея крайнихъ послѣдствій. Онъ добился прозванія радикала, какъ въ политической дѣятельности, такъ и въ роли экономиста. Для него политическая экономія есть чистое знаніе, гдѣ «должно больше изучать, и меньше дѣйствовать». Онъ пытался обосновать это знаніе на существенномъ принципѣ—на интересахъ наибольшаго числа людей, что придало его ученію единство, котораго ему недоставало, но это не мѣшало ему къ своимъ утилитарнымъ воззрѣніямъ примѣшивать индивидуалистическіе, апріорные принципы школы физіократовъ. Въ своемъ пристрастіи къ методу, который усвоила экономическая наука, онъ доходилъ до того, что проповѣдывалъ его распространеніе на этическія явленія и низводилъ этику къ экономіи, выводя чувство долга изъ эгоистическаго расчета. По его мнѣнію, интересъ большинства совпадаетъ вполнѣ съ интересами индивидуума.

Вообще слѣдуетъ сказать, что извѣстность Бентама покоится не на его экономическихъ трудахъ, въ которыхъ онъ не далъ ничего оригинальнаго; больше извѣстенъ онъ своими трудами въ этическихъ вопросахъ, какъ основатель особаго направленія въ этикѣ, подъ названіемъ утилитаризма, такъ ясно и талантливо изложеннаго въ извѣстномъ сочиненіи Милля. Но и ученіе утилитаризма, какъ можно уже было замѣтить, крайне индивидуалистично, такъ какъ самъ Бентамъ—чистый представитель философіи XVIII вѣка.

Стюартъ Милль—ученикъ Бентама, взялъ на себя задачу толкованія и окончательнаго выясненія всей, построенной его предшественниками, экономической доктрины, получившей отнынѣ названіе классической. Своимъ сочиненіемъ

«Основы политической экономіи въ связи съ нѣкоторыми ея приложеніями къ соціальной философіи»—онъ думалъ замѣнить «Богатство народовъ», уже устарѣвшее въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, и исправить его несовершенства. Но, въ сущности, Милль не сообщаетъ ничего новаго; онъ только повторяетъ Рикардо. Онъ остается чистымъ послѣдователемъ ортодоксальной школы. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ его воззрѣній, заимствованныя имъ у О. Конта, мало согласуются съ доктриной «laissez faire, laissez passer».

Въ заслугу Миллю должно поставить тщательную разработку имъ вопроса о методѣ политической экономіи. Вопросъ этотъ былъ затронутъ раньше Милля—О. Контомъ, не столько относительно политической экономіи въ частности, сколько соціологіи вообще. Милль съ обычной своей ясностью указалъ на опасность—въ политической экономіи чистаго дедуктивнаго метода; единственнымъ, по его словамъ, годнымъ въ экономическихъ вопросахъ является методъ «обратно-дедуктивный», позволяющій всякій выводъ изъ апріорнаго положенія провѣрять индуктивнымъ путемъ—наблюденіемъ дѣйствительныхъ явленій.

Отъ предшественниковъ своихъ Милль отличается значительнымъ благородствомъ своего образа мыслей. Онъ не можетъ примириться съ «естественной необходимостью» тяжелаго положенія рабочихъ классовъ, что особенно замѣтно въ позднѣйшихъ его трудахъ. Въ тоже время, Милль, по необъяснимому противорѣчію, упорно отстаиваетъ нѣкоторые, прямо ошибочные, взгляды своихъ предшественниковъ, оправдывая, напр., барыши предпринимателей вознагражденіемъ за «*воздержаніе*», ставя послѣднее имъ въ заслугу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Политическая экономія, какъ соціальная наука.

I.

Французскіе эклектики и нѣмецкіе ортодоксалисты.

Новая философская школа, признававшая существованіе единаго Божества или Провидѣнія и безсмертія души—принимала это начало также какъ главное основаніе для своей экономической доктрины. Она учила, что естественные законы производства и распредѣленія богатства созданы для счастія человѣка, а свобода и собственность у человѣка есть достояніе его, проистекающее отъ первоначальнаго и неотъемлемаго права, которое заключается въ немъ самомъ, какъ внутреннее его качество. Метафизика Кэнэ и Dupont de Nemours'а, бывшая. благодаря Смиту, на второмъ планѣ. снова проявила свое существованіе. Было провозглашено, что и въ Политической экономіи. подобно тому. какъ въ математикѣ или юриспруденціи. существують лишь однѣ абсолютныя истины, и сообразно съ этими взглядами. стали издавать практическіе законы, которые проистекали бы изъ этихъ истинъ и были бы обязательны поэтому для всѣхъ временъ и народовъ. Для того. чтобы вѣрнѣе привести въ исполненіе оптимистическую программу, была выставлена, какъ и въ прошломъ вѣкѣ, теорія безконечнаго провиденціальнаго прогресса. Но увле-

ченіе это скоро прошло; общіе принципы были оставлены въ сторонѣ и на сцену выступили факты: стали искать прежде всего рѣшенія практическихъ проблемъ, стремились удовлетворить насущныя потребности времени. Этимъ объясняется эклектическій характеръ французской экономической школы. Подобно тогдашней философской школѣ V. Cousin'a, и экономическая школа (многіе выдающіеся члены которой также принадлежали къ первой) заимствовала у другихъ то, что находила лучшимъ. У писателей эклектической школы господствовалъ дедуктивный (апріорный) методъ, какъ и у физіократовъ, особенно когда они касались принципіальной стороны какого-либо вопроса, но разъ дѣло доходило до практическаго рѣшенія какой либо проблемы — тогда они допускали уже широкія заимствованія изъ опыта. Въ выводахъ своихъ она оставалась вѣрною идеямъ своихъ основателей и не могла отрѣшиться отъ принципа «laisser faire», но несмотря на это, она все-таки удѣляла мѣсто и принципу ассоціаціи и допускала правительственную иниціативу. Короче говоря, эклектическая школа внесла въ защиту либеральныхъ традицій XVIII в. ту практическую мудрость и стремленіе къ золотой срединѣ, которая является характерными чертами французской буржуазіи за все время ея политическаго господства.

Германія до конца этого столѣтія принимала слабое участіе въ экономическихъ изслѣдованіяхъ, но съ этого момента она выступаетъ тоже на сцену со всѣми характерными чертами своего ума: склоннаго къ систематичности, терпѣливаго и созерцательнаго,—и стремится согласить противоположныя доктрины. До средины текущаго столѣтія она была занята усвоеніемъ тѣхъ результатовъ, которые были достигнуты Смитовской школою, но съ 1848 г. она начинаетъ создавать

оригинальныя системы, которыя получають самое широкое распространеніе.

Фонъ-Тюненъ (1826) довелъ до крайней послѣдовательности идеи Рикардо о противорѣчіи между заработною платою и рентой землевладѣльца, къ которому неизбѣжно приводятъ экономическій прогрессъ. Только одно средство можетъ парализовать это явленіе—соединеніе въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ труда и капитала, т. е., передача производителямъ орудій производства. Германнъ и Рау, не отвергая нисколько смитовскихъ идей, стремились согласить послѣднія съ новыми условіями промышленности и общественной жизни. На ряду съ личнымъ интересомъ, какъ самой главной пружиной промышленной дѣятельности, Германнъ ставилъ духъ общественности, т. е. совокупность стремленій къ коллективной жизни, результатомъ которыхъ должно явиться ослабленіе экономической борьбы. Съ этого времени начинается въ германской наукѣ длинный рядъ попытокъ согласить экономію съ моралью и политикою. Рау въ теченіе своей довольно продолжительной преподавательской дѣятельности въ Гейдельбергскомъ университетѣ и въ сочиненіяхъ (неоднократно переиздаваемыхъ; его «Manuel» вышелъ въ первый разъ въ 1826 г.) съ той же точки зрѣнія разсматриваетъ всѣ вопросы въ наукѣ о богатствѣ. Онъ далъ ясность опредѣленія и классификаціи многимъ предметамъ, которые до него были намѣчены лишь въ общихъ чертахъ, и снабдилъ выводы Адама Смита и Сэя многочисленными историческими и статистическими поясненіями. Онъ возвратился къ основному различію (на которое мы указывали у Смита) между экономическою наукою и искусствомъ, опередивъ такимъ образомъ въ одномъ, довольно существенномъ, пунктѣ историческую школу, по отношенію къ которой онъ былъ непосредственнымъ ея предшественникомъ.

Наиболѣе обильные плоды теорія Адама Смита принесла въ Германіи. Послѣ замѣчательнаго спора, теорія свободнаго обмѣна одержала побѣду на экономическомъ конгрессѣ въ Штутгардтѣ въ 1861 г. и проникла въ Прусское законодательство. Полные безграничнаго довѣрія къ инціативѣ личности, такіе люди какъ Шульце-Деличъ, Пфейферъ, Вольфъ, Виртъ и др., искали разрѣшенія соціальнаго вопроса въ увеличеніи кооперативныхъ обществъ. Они созывали конгрессъ за конгрессомъ и агитація, которую они подняли, настолько глубоко охватило нѣмцевъ, что Шульце-Деличъ счелъ возможнымъ похвалиться въ присутствіи всего парламента, что онъ достигъ, наконецъ, столь желаннаго рѣшенія проблемы. Но самолюбіе рабочихъ, далеко превосходило тѣ скромные результаты, которые были ими достигнуты отъ приложенія принципа «laisser faire, laisser passer».

II.

Историческая школа.

Вспомнимъ, что господствующая точка зрѣнія либеральной школы была—абсолютныя права личности. Если эта точка зрѣнія и не преобладала у Ад. Смита, у котораго мы замѣтили чутье историка, то за то она несомнѣнно господствовала у физіократовъ, у французскихъ и англійскихъ ортодоксалистовъ. Метафизическое à priori было у нихъ основаніемъ политической экономіи, такъ какъ право собственности и экономическая свобода покоились, въ ихъ глазахъ, на моральной свободѣ, предсуществовавшей еще за долго до какого либо опре-

дѣленнаго политическаго порядка. Они стремились заключить науку о государствѣ, науку о богатствѣ въ небольшое число теоремъ, связанныхъ съ идеею о справедливости, и сдѣлать изъ той и другой родъ моральной геометріи.

Первый протестъ противъ такого метода шелъ изъ рядовъ философовъ антиреволюціоннаго направленія. Ioseph de Maistre, извѣстный защитникъ монархіи и папства, первый сталъ отрицать положеніе, возведенное французской революціею въ догматъ, что человѣческія учрежденія могутъ принять характеръ универсальности и необходимости. По его мнѣнію, нѣтъ такого образа правленія, который былъ бы для всѣхъ народовъ самымъ лучшимъ, потому что въ этой области не можетъ быть ничего абсолютнаго. «Общія начала всякаго хорошаго учрежденія должны быть согласованы въ каждой странѣ съ мѣстными условіями и характеромъ ея жителей; только на такихъ основаніяхъ можно создать для каждаго народа ему одному свойственную систему учрежденій, которая была бы наилучшей,—не абсолютно лучшей, а лишь по отношенію къ тому государству, для котораго она предназначена... И такъ какъ тысячи случайностей могутъ измѣнить положеніе народа, то не только для разныхъ народовъ, но даже для одного и того же народа въ различныя времена тѣ или другія учрежденія могутъ быть нехороши... Всегда нужно напоминать людямъ исторію, она есть первая мать политики или лучше сказать, даже единственная... Исторія есть экспериментальная политика, т. е. единственно хорошая, и, какъ въ наукѣ физики сто томовъ съ спекулятивными теоріями разсѣются передъ однимъ только опытомъ, такъ точно и въ политической наукѣ никакая система не можетъ быть принята, если она не есть болѣе или менѣе вѣроятное заключеніе изъ фактовъ, тщательно провѣренныхъ».

Человѣкъ совсѣмъ другихъ взглядовъ, желавшій основать не только новую религію, но и новое общество, утопистъ Сенъ Симонъ осудилъ «метафизиковъ» и выставилъ «позитивный» методъ. Въ то время знаменитый юристъ, Савиньи, который только что основалъ въ Германіи новую историческую школу, училъ, что юридическія учрежденія являются не плодомъ отвлеченнаго разума, а создаются нуждами, вѣрованіями, политическими и соціальными условіями народовъ, для которыхъ они изданы. Тогда-же возникла во Франціи позитивная школа. Огюстъ Контъ, ученикъ Сенъ Симона, наряду съ трудами Савиньи, задался цѣлью приложить методъ естественныхъ наукъ къ изученію соціальныхъ фономеновъ. Воспользовались лучшими идеями Кондорсе и Тюрго, онъ связалъ настоящее состояніе человѣчества съ цѣлымъ рядомъ его предыдущихъ состояній, показавъ этимъ, что существующая цивилизація не есть твореніе чистаго разума, а результатъ прогресса, столь-же древняго, какъ и само человѣчество, прогресса, движеніе котораго въ общемъ направленіи безпрерывно, хотя и характеризуется періодическими перерывами.

Въ свою очередь, соціальные законы объясняются законами жизни, которые основываются на законахъ неорганическаго міра. Въ силу этого экономическіе феномены, какъ часть соціальныхъ феноменовъ, входятъ въ общій порядокъ природы, но не той природы, которую произвольно создавало воображеніе физіократовъ, отрывавшихъ ее отъ всего остальнаго міра, а единой и постоянной во всѣхъ ея проявленіяхъ, познаніе законовъ которой достигается только наблюденіемъ и положительной исторіей. Такимъ образомъ впервые была обнаружена солидарность политической экономіи съ другими соціальными науками. «Впрочемъ, говоритъ Контъ, надо замѣтить, что присущая нашимъ экономистамъ тенденція изо-

лировать ихъ такъ называемую науку отъ общей совокупности феноменовъ соціальной философіи вообще приводитъ къ невольному признанію научной несостоятельности этой теоріи, чего Ад. Смитъ не хотѣлъ понять». Всякое изслѣдованіе, обособленное отъ другихъ соціальныхъ элементовъ, по самой природѣ науки нераціонально и должно оказаться безплоднымъ, какъ и доказалъ примѣръ политической экономіи.

Дѣятельность, какъ въ политикѣ вообще, такъ и въ экономической политикѣ, должна руководствоваться законами исторіи и всѣми частными конкретными условіями той среды, гдѣ она происходитъ, такъ какъ она есть только ихъ слѣдствіе. Въ настоящемъ можно судить о будущемъ, только опираясь на указаніе прошлаго, даже самаго отдаленнаго. Не о революціи надо думать, а о томъ, чтобы способствовать экономической и соціальной эволюціи, подвинуть ее впередъ. «Искусственный и произвольный порядокъ есть простое продолженіе того естественнаго, независимаго отъ воли, порядка, къ которому по необходимости стремятся различныя человѣческія общества, такъ что всякое политическое установленіе дѣйствительно раціональное, чтобы обладать продолжительной и реальной соціальной силою—должно непремѣнно основываться на предварительномъ точномъ анализѣ соотвѣтствующихъ самопроизвольныхъ общественныхъ стремленій, которыя одни только могутъ дать авторитету этого установленія крѣпкую основу; однимъ словомъ, нужно тщательнѣе разсмотрѣть политическій порядокъ, чтобы должнымъ образомъ его усовершенствовать, но отнюдь не вновь его создавать, что является невозможнымъ». Итакъ, политическое искусство, также какъ и экономическое которое есть только отрасль перваго, не могутъ дать какого либо абсолютнаго и универсальнаго руководства.

«Понять политическій порядокъ мы можемъ только тогда,

когда разберемъ его отношеніе къ соотвѣтствующему состоянію человѣческой цивилизаціи, отдѣльно отъ которой мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ составить о немъ правильнаго сужденія. Въ зависимости отъ постепеннаго развитія цивилизаціи, политическій строй самъ собою видоизмѣняется и устанавливается. Изъ этого положенія слѣдуетъ, что идея добра и зла въ политикѣ должна, по необходимости, оставаться измѣнчивой и относительной, и вмѣстѣ съ тѣмъ, она не можетъ быть абсолютно-произвольной, такъ какъ отношеніе это (политическаго строя къ общественной цивилизаціи) всегда строго опредѣлено».

Эти слова были писаны въ 1839 г. Въ согласіи съ идеями О. Конта, но уже послѣ него, нѣмецкіе экономисты-философы возбудили дѣятельную борьбу противъ манчестерской школы, какъ типичной выразительницы смитовскихъ идей.

Самые авторитетные представители исторической школы—Roscher, Kniess, Hildebrand, Kautz, Schoen, Stein осуждаютъ космополитическій характеръ, теоретичность и абстрактность экономическихъ построеній ихъ предшественниковъ въ экономической наукѣ. Историческая школа выдвигаетъ тотъ принципъ, что при различныхъ состояніяхъ цивилизаціи ни одно политическое учрежденіе не можетъ оказаться годнымъ для всѣхъ народовъ, безъ различія времени и мѣста. Объектомъ изученія въ экономической наукѣ долженъ быть реальный человѣкъ, а не человѣкъ вообще, задача науки не въ томъ состоитъ, чтобы дедуктивно вывести, *что должно быть*, а въ томъ, чтобы опредѣлить опытнымъ путемъ, *что есть*. Относительное—вотъ область научнаго изслѣдованія. «Въ нашей наукѣ, говоритъ одинъ изъ представителей исторической школы, все относительно, и именно то, что относительно, и

есть абсолютно». Нѣтъ ничего удивительнаго, что благодаря этому реалистическому или положительному методу (или «историко-психологическому», какъ они еще называютъ его), которымъ они впрочемъ не всегда добросовѣстно пользовались, историческая школа достигла совершенно другихъ результатовъ, чѣмъ англійскіе и французскіе раціоналисты.

III.

Фридрихъ Листъ и „національная" экономія.

Если стать на почву фактовъ и изучить историческую эволюцію человѣчества, то не трудно замѣтить, что теоріи либеральной школы обнаружили крупный пробѣлъ. Отправной точкой зрѣнія либеральной школы была отдѣльная личность, индивидуумъ. Занятая исключительно защитою права этой личности противъ посягательствъ на нее верховной власти, часто тираннической, и стремясь, главнымъ образомъ, открыть широкое поле, свободное отъ всякихъ преградъ, для развитія богатства путемъ безграничнаго расширенія промышленности и торговли, школа эта не признавала необходимой роли правительства и забывала о существованіи между отдѣльными націями извѣстныхъ преградъ или мечтала эти преграды уничтожить. Но экономическіе факты имѣютъ дѣла съ соціальными группами, единство которыхъ какъ въ историческомъ прошломъ, такъ и въ современной дѣйствительности, связано съ существованіемъ центральной власти, а такого рода власть необходимо реагируетъ тѣмъ или другимъ образомъ на ходъ экономическихъ явленій, на взаимныя отношенія между отдѣльными гражданами и ихъ группами. О. Контъ справедливо возсталъ противъ этихъ анархическихъ доктринъ, которымъ правительственная власть или представлялась недѣйствительною

или казалась препятствіемъ: ему не трудно было доказать, что если въ данный отдѣльный моментъ правительства и могутъ быть причиною государственныхъ потрясеній, когда они идутъ въ разрѣзъ съ интересами и нуждами своихъ подданныхъ, то при нормальныхъ условіяхъ они представляютъ изъ себя естественный органъ коллективной воли, наиболѣе совершенное орудіе національнаго прогресса.

Нѣмецкій экономистъ Фридрихъ Листъ, провозгласившій «національную» экономію, понялъ это. Также какъ и послѣдователи историческаго метода, онъ не становится на точку зрѣнія развитія богатства вообще и въ какое бы то ни было время; исходною точкою зрѣнія для него служитъ развитіе богатства въ Германіи и притомъ именно въ то время, когда онъ писалъ (т. е. въ 1841 г.).

Его «*Національная система политической экономіи*» и всѣ другія сочиненія смѣло нападаютъ на Адама Смита и его школу. Авторъ защищаетъ во что бы то ни стало слѣдующія идеи, къ которымъ привело его изученіе исторіи: ассоціація есть наиболѣе удобное средство увеличить силы человѣка и упрочить его счастіе, но въ тоже время ассоціація не можетъ обнять вдругъ все человѣчество, безъ того, чтобы не угрожать общей свободѣ: далѣе отдѣльныя націи, или государства составляютъ необходимое посредствующее звѣно между личною обособленностью и всемірнымъ союзомъ; независимость націй требуетъ: 1) соединенія въ одномъ и томъ же народѣ земледѣлія, промышленности и торговли; 2) существованія такихъ пошлинъ, которыя покровительствовали бы нарождающейся промышленности (мануфактурѣ) и въ то же время позволяли бы, не задерживая однако ввоза сырыхъ матеріаловъ жаркаго пояса, бороться съ народами, ушедшими далѣе по пути прогресса въ промышленности и земледѣліи (у которыхъ земледѣліе и про-

мышленность стоятъ на болѣе высокой степени развитія): 3) устройства государствомъ цѣлой цѣпи путей сообщенія, приноровленныхъ для коммерческихъ и военныхъ нуждъ страны. Изъ этого видно, что Листъ не былъ рѣшительнымъ приверженцемъ свободнаго обмѣна, ни защитникомъ покровительственной системы въ абсолютномъ смыслѣ; онъ высказывалъ платоническіе взгляды въ пользу будущаго расширенія свободы торговли, но въ данный моментъ, по его собственному заявленію, единственнымъ правиломъ, единственнымъ двигателемъ для него были интересы Германіи.

Такая точка зрѣнія не далеко ушла отъ школы «катедеръ-соціалистовъ», большинство представителей которой были профессора германскихъ университетовъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Заключеніе. О методѣ политической экономіи.

Большая часть экономистовъ, ученія которыхъ мы изложили, смотрятъ на политическую экономію, какъ на науку. Но извѣстно, что есть два рода наукъ: съ одной стороны, естественныя— какъ напр.: физика, химія, ботаника, зоологія, къ которымъ съ начала настоящаго столѣтія примкнула наука объ обществѣ или соціологія, причемъ исторія составляетъ только одинъ изъ видовъ соціологіи: всѣ онѣ—науки положительныя, науки фактовъ; онѣ констатируютъ то, что есть или что было, и пользуются наблюденіемъ, для того, чтобы открывать законы естественные или соціальные, причемъ послѣдніе составляютъ только видъ вообще естественныхъ законовъ. Съ другой стороны, науки отвлеченныя, какъ математика, имѣютъ предметомъ изслѣдованія—идеи; они комбинируютъ послѣднія въ особыя построенія, для которыхъ геометрическія теоремы могутъ служить наиболѣе чистымъ типомъ; они приводятъ къ заключеніямъ, непреложнымъ въ томъ случаѣ, если разсужденія правильны, причемъ самый процессъ полученія выводовъ совершается независимо отъ какого-бы то ни было наблюденія, по крайней мѣрѣ, наблюденія дѣйствительности.

Въ политической экономіи пользовались то методомъ естественныхъ наукъ, то методомъ логическихъ наукъ. Физіократы

и манчестерская школа исходили изъ нѣкоторыхъ абстрактныхъ положеній, принятыхъ за очевидныя, и изъ нихъ выводили заключенія крайне абсолютныя, не признающія рамокъ времени и мѣста.

Съ другой стороны, нѣмецкая историческая школа, а за ней катедеръ-соціалисты противопоставляютъ манчестерской школѣ факты соціальной жизни въ разныхъ странахъ и въ разное время. Эти двѣ школы проповѣдуютъ, что экономическіе институты находятся въ непосредственной, естественной связи съ соціальнымъ и политическимъ состояніемъ каждой націи и въ каждый моментъ, и потому достаточно знать это состояніе для опредѣленнаго мѣста и времени, чтобы сказать, какіе институты должны быть присущи этому мѣсту и времени.

Но каждый изъ этихъ двухъ методовъ, взятый въ отдѣльности, при пользованіи имъ въ политической экономіи имѣетъ свои неудобства.

Методъ разсужденія (называемый также дедуктивнымъ), несмотря на свою кажущуюся абсолютность,—крайне гипотетиченъ. Положенія, что вся экономическая жизнь вполнѣ исчерпывается идеей богатства и что послѣднее имѣетъ свое происхожденіе только въ трудѣ, — эти два положенія, чисто абстрактныя, будучи комбинированы разнымъ образомъ позволяютъ ловкимъ діалектикамъ строить экономическую жизнь согласно взглядамъ Рикардо и Мальтуса; если же признать, что собственность есть только право и что основныя экономическія положенія ничто иное, какъ частныя формы этого общаго права,—то можно построить экономическое зданіе на одной справедливости, какъ это дѣлаютъ физіократы и Руссо. Но оба эти воззрѣнія односторонни и слишкомъ отвлеченны; рядомъ со стремленіемъ къ обогащенію въ душѣ человѣка

есть и другіе мотивы, которые такъ или иначе воздѣйствуютъ на это стремленіе (чувство долга, любви и т. д.): рядомъ съ естественнымъ правомъ существуютъ рамки коллективной жизни Тѣ политики, которые пытаются наложить на реальныя людскія общества законы, вытекающіе изъ подобныхъ гипотетическихъ и частичныхъ системъ, подобны артиллеристу, который вздумалъ бы стрѣлять въ цѣль, руководясь лишь одними геометрическими построеніями, игнорируя вліяніе сопротивленія воздуха и вѣса метательнаго снаряда. Такія заблужденія относительно метода тѣмъ болѣе опасны, что строители подобныхъ системъ не отступаютъ даже предъ самыми крайними мѣрами разъ они признаютъ эти мѣры необходимыми для осуществленія своихъ системъ: ссылаясь на природу, законы которой не отступаютъ ни предъ чѣмъ, эти непреклонные врачи безъ колебанія совершаютъ насилія и не стѣсняются употребить противъ непокорныхъ обществъ огонь и желѣзо. Они безъ колебаніи декретируютъ измѣненіе человѣческой природы: перестраиваютъ по своему усмотрѣнію конституціи: то ускоряютъ то замедляютъ ходъ общественной жизни столь же легко, какъ ходъ часовъ. Экономія, раціоналистическая по существу своему—становится легко революціонной.

Методъ наблюденія или историческій представляетъ другое неудобство: онъ совершенно не даетъ руководящихъ принциповъ для сужденія о собираемыхъ имъ фактахъ. Обстоятельства были такія-то и такія-то, двадцать или сто лѣтъ тому назадъ; съ тѣхъ поръ они измѣнились и въ настоящее время они таковы и таковы. Что можно извлечь изъ этого для практическаго приложенія? Двадцать или сто лѣтъ тому назадъ обстоятельства были такими какими они должны были быть: такими, какъ въ настоящее время, они стали въ силу той же

необходимости. Изъ этого нельзя ничего извлечь для того, чтобы оріентироваться среди дѣйствительности. Знанія историческія могутъ дать указанія только на тѣ средства, которыми можно достигнуть того или другого результата, если на основаніи другихъ соображеній уже готовъ планъ дѣйствій въ томъ или иномъ смыслѣ, напр., въ смыслѣ возрастанія индивидуальнаго богатства или высшаго блага отдѣльной націи, или въ смыслѣ блага человѣчества; но самыхъ соображеній для постройки такого плана дѣйствій руководящихъ принциповъ, — знаніе историческое не даетъ и не дастъ никогда. Экономисты этой школы, если желаютъ оставаться вѣрными своимъ принципамъ, должны оставаться не болѣе какъ безстрастными наблюдателями совершающихся явленій [1]).

---

[1]) Съ приведеннымъ мнѣніемъ Эспинаса объ историческомъ методѣ въ политической экономіи (или, лучше сказать, историко-матеріалистическомъ, какъ его называетъ одно изъ современныхъ направленій исторической школы) нельзя согласиться. Наблюдая рядъ послѣдовательныхъ историческихъ состояній общества, можно вывести законы развитія, движенія человѣческаго общества; наблюдая рядъ послѣдовательныхъ экономическихъ формъ, можно вывести общій законъ измѣненія экономическихъ формъ, подобно тому, какъ математикъ, зная положеніе нѣсколькихъ послѣдовательныхъ точекъ кривой, можетъ вывести уравненіе или законъ кривой, или естествоиспытатель, изслѣдуя послѣдовательныя формы развитія животнаго міра, выводитъ законы развитія. Такое знаніе законовъ развитія или движенія можетъ стать и источникомъ руководящихъ принциповъ, для тѣхъ или другихъ цѣлей, разъ въ этомъ явится потребность. Развитіе органическаго міра совершается само по себѣ; тѣмъ не менѣе, руководясь законами этого развитія, человѣкъ можетъ направлять его на тѣ или другія свои цѣли; такимъ путемъ создана вся масса культурныхъ растеній и животныхъ. Точно такъ-же и въ политической экономіи — знаніе законовъ развитія человѣческихъ обществъ освѣщаетъ политику путь, по которому онъ долженъ идти, даетъ ему указаніе на тѣ мѣры, которыя онъ можетъ употреблять, разумно воздѣйствуя на неразумные, стихійные, естественные законы соціальной жизни. *Прим. переводч.*

Пытались комбинировать два метода, и получили очень важные результаты, но только для проблемъ чисто научныхъ. Но политическая экономія не только изслѣдуетъ то, что есть, или что будетъ: она занимается также вопросомъ о томъ, какъ *нужно* поступать; она должна дать дѣйствію руководящіе принципы. Знаніе, по существу своему, теоретично и спекулятивно; оно только предвидитъ, но не руководитъ. Если-же политическая экономія въ концѣ-концовъ даетъ практическія указанія — руководство, то это потому, что она не есть чистое знаніе, но скорѣе искусство.

Адамъ Смитъ, Кондорсе, Ро, Огюстъ Контъ, Шеффле, Менгеръ болѣе или менѣе ясно указываютъ на то, что политическая экономія слагается изъ двухъ отличныхъ одна отъ другой частей. Съ одной стороны, она изучаетъ экономическіе институты, въ ихъ разнообразныхъ формахъ, ихъ функціи и ихъ измѣненія; изъ этого изученія она стремится вывести всеобщіе законы, и съ этой стороны она есть только отрасль соціологіи. Съ другой стороны, она предлагаетъ рѣшеніе практическихъ вопросовъ, которые имѣютъ цѣлью не истину, но благо, поддержаніе и развитіе человѣческаго общества, путемъ содѣйствія нормальному ходу экономическихъ функцій общества. Съ этой стороны, политическая экономія является искусствомъ, техникой, какъ медицина, воспитаніе и политика. Какой методъ подобаетъ полезнымъ или техническимъ искусствамъ? Мы не знаемъ до сихъ поръ никого, кто удовлетворительно отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ. Логика дѣйствія значительно отстала отъ логики мышленія. Но несомнѣнно, что столь различныя умственныя операціи подчинены не менѣе различнымъ принципамъ.

Изслѣдовать законы совершившихся явленій — одно, а дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами настоящими или

предстоящими и прокладывать дорогу націямъ къ неизвѣстному будущему среди безпрерывно измѣняющихся условій—совершенно другое. Итакъ, мы пришли прежде всего къ слѣдующему отрицательному заключенію: методъ политической экономіи *не тотъ же самый*, что методъ чистаго знанія. Но и отрицательныя заключенія не всегда лишены значенія; не совсѣмъ маловажно знать, что рѣшенія экономическихъ задачъ не могутъ претендовать на всеобщность и на обязательность, подобно выводамъ чистой науки. Съ такой точки зрѣнія, отсутствіе единообразія въ выводахъ политической экономіи, которое ставятъ ей въ упрекъ, кажется вполнѣ естественнымъ. Будучи искусствомъ, политическая экономія должна постоянно измѣняться соотвѣтственно ходу времени, совершенно такъ же, какъ формы производства, принципы воспитанія и правленія. Она такимъ образомъ становится свободной отъ внутренняго противорѣчія, отъ несоотвѣтствія между тѣмъ, что она обѣщаетъ, и тѣмъ, что можетъ осуществить,—именно отъ того, что вполнѣ заслуженно всегда дискредитировало ея выводы.

Искусство экономическое въ своихъ видоизмѣненіяхъ слѣдуетъ опредѣленному направленію. Въ началѣ, какъ мы видѣли, оно переходитъ въ своихъ колебаніяхъ, болѣе или менѣе замѣтныхъ, отъ мистицизма къ натурализму; тѣсно связанная съ моралью и подчиненная ей, она мало-по-малу освобождается отъ этихъ узъ для того, чтобы опять слиться съ ними уже послѣ завоеванія независимости: и въ этомъ сліяніи, которое, повидимому, угрожаетъ ея существованію, политическая экономія черпаетъ новую силу. Съ другой стороны, мы могли замѣтить, что политическая экономія безпрерывно растетъ, усложняется и объединяется. Изъ чисто хозяйственной, какой она была у грековъ, она становится къ

концу среднихъ вѣковъ политической; но и здѣсь вначалѣ она имѣетъ своимъ предметомъ интересъ отдѣльной націи; потомъ она подымается до высоты общечеловѣческаго интереса, но при этомъ не указываетъ, какимъ образомъ можетъ быть проведенъ на практикѣ ея идеалъ; наконецъ, опять возвращаясь къ національному интересу, она готова вовлечь въ свои комбинаціи группы націй, вступающихъ другъ съ другомъ въ опредѣленныя отношенія, и недалека отъ установленія политическаго права на трудовомъ основаніи экономическаго права.

Явленія, съ которыми она имѣетъ теперь дѣло, становится все сложнѣе и сложнѣе; вопросы, напримѣръ, касающіеся общественнаго кредита, выведенные на сцену въ восемнадцатомъ вѣкѣ, требуютъ очень тонкаго и глубокаго анализа, граничащаго съ вопросами общественной психологіи, еще слабо изученной въ настоящее время. Въ то-же время все больше и больше уясняется взаимная зависимость этихъ явленій и ихъ органическое единство. Проливается свѣтъ на отношеніе разныхъ экономическихъ функцій ко всей совокупности соціальныхъ явленій, къ искусству, религіи, политикѣ, этикѣ. Однимъ словомъ, экономическое искусство въ своемъ развитіи подчиняется такимъ же законамъ эволюціи, какъ и соціологія, однимъ изъ видовъ которой она является. Поэтому, единственнымъ путемъ къ дальнѣйшему развитію для политической экономіи является путь къ возможно широкому распространенію ея на всю соціальную жизнь; экономистъ долженъ быть проникнутъ чувствомъ гармоніи, которая соединяетъ между собою разные общественные классы и разныя націи. Среди противорѣчій, часто безвыходныхъ, въ которыя вмѣшиваются столь различные элементы, столь разнородные интересы, соперничество, вѣрованія, опасенія и жажда новизны,

благородныя и разрушительныя мечты,—экономистъ долженъ взять въ руководители одно чувство, которое по своей всеобщности и постоянству способно доминировать надъ всѣми остальными, это—любовь къ справедливости и къ человѣчеству.

ОГЛАВЛЕНІЕ.